# БУРЕВѢСТНИКЪ

*Пусть сильнѣе грянетъ буря!*

Іюль 1908 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 12.


Гос. Публичная б-ка

## Теоретическія предпосылки синдикалисткаго анархизма *).

### I. Классовые интересы или „интересы общечеловѣческіе“.

Исходя изъ двухъ основныхъ предпосылокъ, которыя уже добрыхъ двадцать лѣтъ ведутъ между собой борьбу въ анархистскомъ движеніи, въ послѣднемъ постепенно возникло два теченія, сильно другъ отъ друга отличающихся.

Одни исходили изъ точки зрѣнія стараго Интернаціонала, оба направленія котораго, какъ марксистское, такъ и бакунистское, признавали основой своихъ соціальныхъ воззрѣній классовую борьбу („Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“); другіе анархисты, появившіеся по большей части гораздо позже, забыли принципы Интернаціонала — многіе, впрочемъ, ихъ никогда и не знали — и образовали новый типъ анархизма, основывающійся на сентиментальности. Эти послѣдніе поставили анархизмъ „на болѣе широкое основаніе“; исключительно рабочій анархизмъ казался имъ слишкомъ одностороннимъ, недостаточнымъ. Они разъясняли, что анархизмъ — нѣчто болѣе высокое, болѣе великое, чѣмъ обыкновенная борьба за интересы пролетаріата; въ анархизмѣ заинтересовано все человѣчество, такъ какъ онъ создастъ для всего человѣчества болѣе счастливую жизнь. Анархизмъ защищаетъ молъ не интересы класса, а „интересы человѣчества“, всѣ люди, не только одни рабочіе, одинаково заинтересованы въ завоеваніи анархическаго строя.

На этой почвѣ споръ продолжался десятки лѣтъ и еще до сихъ поръ не законченъ, хотя сторонники „общечеловѣческихъ интересовъ“, какъ раньше, такъ и теперь, не пользуются ни малѣйшимъ вліяніемъ на рабочія массы.

Такимъ образомъ, уже при первыхъ попыткахъ теоретическаго обоснованія мы находимъ два теченія, сентиментально-гуманитарный анархизмъ и рабочій анархизмъ, основывающійся на эгоистической классовой борьбѣ. Борьба этихъ двухъ теорій происходила — да и нынѣ имѣетъ мѣсто — *внутри* коммунистическаго анархизма. Но совсѣмъ уже смѣшно становится, когда мы переходимъ къ такъ называемому „индивидуалистическому“ направленію, которое совершенно не понимаетъ классовой борьбы и останавливается въ своихъ построеніяхъ на абстрактномъ „индивидуумѣ“; это теченіе не знаетъ ни рабочаго, ни буржуа, оно знаетъ только „человѣка“.

Чтобы покончить сначала съ индивидуалистами, я ограничусь тѣмъ, что обращу ихъ вниманіе на то обстоятельство, что они являются плохими учениками Штирнера, въ ученіи котораго они видятъ свое евангеліе. Кто дѣйствительно внимательно читалъ Штирнера и понялъ его, тотъ долженъ былъ прійти къ убѣжденію, что *ни одинъ изъ всѣхъ анархистскихъ теоретиковъ* не строитъ въ большей степени всей своей теоріи на личномъ, эгоистическомъ, матеріальномъ интересѣ неимущаго, пролетарія; онъ долженъ будетъ признать, что *ни одинъ изъ всѣхъ анархистскихъ теоретиковъ* такъ безпощадно и остроумно не осмѣялъ эти недѣйствительныя абстрактныя понятія: „человѣчество“, „человѣкъ“, „я“ и пр. и пр., какъ именно Максъ Штирнеръ, на котораго ссылаются нынѣ всѣ противники обоснованія анархизма на классовой борьбѣ. Доказательствомъ этого могутъ служить многія мѣста изъ Штирнера. Вся его глава о „гуманномъ либерализмѣ“ представляетъ собою ничто иное, какъ осмѣяніе этого религіознаго абстрактнаго понятія — „человѣкъ“. Всякія сентиментальности и гуманитарничанье чужды ему, и онъ всегда обращается исключительно, къ эгоизму, къ интересу каждаго человѣка въ отдѣльности. Онъ пишетъ:

„Неимущій видитъ въ государствѣ власть, охраняющую имущихъ собственниковъ, власть....., эксплуатирующую его, неимущаго пролетарія. Государство есть государство буржуазіи..... (стр. 77)

Такъ какъ пролетарію нечего терять, то онъ и не нуждается въ государственной охранѣ для своего „ничто“. Напротивъ, онъ можетъ даже поживиться кое чѣмъ, если государственной охраны лишаются люди, опекаемые государствомъ...“ (стр. 77)

„Въ рукахъ рабочихъ — огромнѣйшая сила, и если они когда нибудь сознаютъ это и вздумаютъ воспользоваться своей силой, тогда уже ничто не устоитъ передъ ихъ натискомъ, имъ стоитъ только прекратить работу и объявить сработанное своей собственностью...“ (стр. 78)

„Меня могутъ спросить: „Но какъ же будетъ тогда, когда неимущіе „осилятся“? Какого рода соглашеніе будетъ мыслимо тогда?... Что станетъ дѣлать рабъ, когда разобьетъ свои оковы, это будетъ потомъ видно. (стр. 174).

Эти немногія мѣста, подобныя которымъ можно привести въ безконечномъ количествѣ, ясно показываютъ что Штирнеръ самъ построилъ свой анархизмъ на эгоистически-пролетарскомъ базисѣ. Онъ ясно говоритъ и часто повторяетъ, что возмущеніе произойдетъ въ интересахъ неимущихъ, и нигдѣ онъ не упоминаетъ, что оно произойдетъ въ интересахъ абстрактнаго „человѣка“ или „индивидуума“. Онъ зоветъ каждаго отдѣльнаго неимущаго къ эгоизму, онъ аппелируетъ къ *матеріальнымъ интересамъ неимущихъ*, которымъ онъ предлагаетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они борятся за общіе интересы, организоваться въ „союзъ эгоистовъ“. Но развѣ это не то же самое, что мы, пользуясь современной соціалистической терминологіей, называемъ революціонной классовой борьбой пролетаріевъ?

Современные индивидуалисты, которые выдаютъ себя за учениковъ Штирнера и ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о „человѣчествѣ“, „индивидуумѣ“ и пр. и пр., не только очень дурно поняли Штирнера, но проповѣдуютъ какъ разъ обратное тому, что Штирнеръ говорилъ.

Этимъ „общечеловѣческая“ точка зрѣнія еще конечно не опровергается. Этимъ сказано лишь, что гуманитаристы совершенно не правы, когда они полагаютъ, что въ качествѣ индивидуалистовъ“ они обязаны стоять на этой точкѣ зрѣнія.

Другіе гуманитарные коммунистическіе анархисты въ своемъ сентиментальномъ гуманитаризмѣ возвратились къ идеямъ, предшествовавшимъ Штирнеру, написавшему свою книгу болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ. Это все тотъ же гуманный либерализмъ, который носится со словами „свобода“, „равенство“, „братство“, „человѣчество“ и пр. и пр. Два понятія изъ этого гуманно-либеральнаго періода дожили до нашихъ дней. Это понятія „отечество“ и нація“. Когда буржуа говоритъ, что данное явленіе соотвѣтствуетъ интересамъ отечества, націи, то этимъ онъ хочетъ внушить *другимъ*, что оно выгодно всѣмъ обитателямъ страны. При этомъ буржуа будетъ разсматривать только то явленіе существующимъ „въ интересахъ націи“, которое въ дѣйствительности существуетъ въ его собственныхъ, буржуа, интересахъ. О томъ же, что противоположно интересамъ буржуазіи, вся буржуазная пресса пишетъ, какъ о чемъ то вредномъ для интересовъ націи, отечества. Поэтому всѣ революціонные рабочіе, энергично борющіеся въ защиту своихъ интересовъ и этимъ вредящіе интересамъ буржуазіи во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ получили отъ всѣхъ буржуазныхъ партій кличку *враговъ отечества*. Когда на войнѣ погибаетъ полмилліона пролетаріевъ для обогащенія нѣсколькихъ сотъ финансистовъ, то вся буржуазная пресса всѣхъ партій пишетъ, что это произошло во имя высшихъ интересовъ всей „націи“. Но если пролетаріи отказываются отдать свою жизнь для обогащенія нѣсколькихъ финансистовъ, то они „предаютъ интересы націи“. Если рабочіе часто бастуютъ и добиваются болѣе высокой заработной платы, то этимъ они „вредятъ интересамъ націи“, и парламенты самыхъ либеральныхъ странъ вотируютъ „въ интересахъ общества“ или „имѣя въ виду общее благо“, исключительные законы противъ права стачекъ (въ Швеціи, Бельгіи, Италіи и пр. и пр.).

*) Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкой рукописи. Цитаты изъ Штирнера приведены по переводу В. Ульриха, книгоиздательство „Мысль“, 1906. Ред.

Человѣкъ, который въ общемъ весьма эгоцентриченъ,*) вообще склоненъ отождествлять свои личные интересы, интересы близкихъ ему людей, окружающей среды, общественнаго слоя, къ которому онъ принадлежитъ, съ „общимъ благомъ".

Точно такъ же поступаютъ и гуманитарные анархисты; эти даже перещеголяли буржуазію. Въ то время, какъ буржуазія выдаетъ свои интересы „за интересы націи", многіе пролетаріи и ихъ словесные вожаки выдаютъ эгоистическіе интересы пролетаріата за интересы всего „человѣчества". Если буржуа заходитъ достаточно далеко, говоря, что ихъ интересы вмѣстѣ съ тѣмъ являются интересами всѣхъ обитателей данной страны, то нѣкоторые словесные вожаки пролетарской борьбы утверждаютъ, что интересы пролетаріата являются также и интересами милліардеровъ, папъ, готтентотовъ, курдовъ, черносотенцевъ, королей, камчадалы, жандармовъ, башибузуковъ...

Одной изъ основныхъ предпосылокъ анархизма является самоутвержденіе человѣка. Каждый анархистъ того мнѣнія, что каждый человѣкъ лучше всѣхъ можетъ сказать, что каждый является наилучшимъ судьей въ вопросѣ о томъ, что для него лучше всего, при какихъ обстоятельствахъ онъ себя будетъ чувствовать наиболѣе хорошо.

Всѣ богачи, всѣ буржуа съ положеніемъ въ обществѣ непрестанно повторяютъ, что мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ; они опять-таки обобщаютъ, такъ какъ они, буржуа, чувствуютъ себя такъ хорошо въ настоящемъ; они для себя не могутъ представить въ своемъ воображеніи лучшаго міра. Они во всѣхъ отношеніяхъ заинтересованы въ томъ, чтобы поддерживать всѣми средствами существующій порядокъ вещей. Если мы имъ скажемъ, что ихъ высшіе истинные интересы требуютъ низверженія существующаго строя, чтобы на его мѣсто создать новый строй, въ которомъ счастье будетъ распредѣлено болѣе равномѣрно, то они насъ высмѣютъ. Если распредѣлить счастье болѣе равномѣрно, то у нихъ изъ современнаго излишества должно будетъ быть отнято конечно довольно много. Смѣшно говорить, что буржуа не понимаютъ своихъ истинныхъ интересовъ, основываясь на томъ, что еслибъ они ихъ поняли, то перешли бы на нашу сторону. Буржуа не глупѣе пролетаріевъ, и свои интересы они умѣютъ оберегать гораздо лучше, чѣмъ рабочіе. Вся современная жизнь подтверждаетъ это. Буржуа сами вѣрнѣе другихъ могутъ судить о томъ, гдѣ они себя лучше всего будутъ чувствовать.

Они себя чувствуютъ счастливыми въ настоящемъ: они имѣютъ собственные автомобили, самыхъ красивыхъ женщинъ, которыхъ они могутъ покупать, они могутъ посѣщать самыя красивыя мѣста на земномъ шарѣ, имъ не нужно исполнять трудныхъ работъ, они могутъ всесторонне развивать всѣ свои таланты, если таковые имѣются у нихъ хотя бы въ самой незначительной степени. Они заинтересованы въ сохраненіи существующаго порядка, который уже теперь даетъ имъ все то, чего мы хотимъ въ будущемъ для „всѣхъ". Выгоду въ уничтоженіи современнаго строя получатъ, слѣдовательно, лишь тѣ, которые въ настоящее время ничѣмъ не обладаютъ, т. е. пролетаріи. Но какой пролетарій скажетъ: „Мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ?" — Онъ матеріально заинтересованъ въ устраненіи современнаго общества, такъ какъ во всякомъ иномъ ему будетъ житься лучше; потому то легко склонить его къ коммунистическому идеалу, въ достиженіи котораго онъ заинтересованъ.

Такимъ образомъ возникаетъ конфликтъ между интересами пролетаріата и интересами буржуазіи. Оба этихъ общественныхъ слоя, въ качествѣ классовъ, ведутъ борьбу за свои интересы, и эта борьба есть классовая борьба. Классовая борьба пролетаріата имѣетъ цѣлью захватъ средствъ производства, цѣль, въ которой ни въ коемъ случаѣ нельзя считать заинтересованнымъ человѣчество въ *цѣломъ*. Трудно понять, какимъ образомъ въ этой цѣли могутъ быть заинтересованы папа, кардиналы, короли, милліардеры, банкиры, фабриканты. Подобно тому, какъ владѣющіе слои выдавали свои интересы за интересы „націи", такъ и пролетаріи, перещеголявши буржуазію, выдаютъ интересы пролетаріата за „интересы общечеловѣческіе". Этотъ безсознательный обманъ не могъ также имѣть цѣлью привлечь для поддержки дѣла другихъ хорошихъ людей, не только пролетаріевъ, къ пролетарскому дѣлу.

Къ сожалѣнію безсознательные обманщики обманывали прежде всего самихъ себя. Всевозможные буржуа, литераторы, эстеты и др. вошли въ движеніе, причемъ имъ въ короткое время удавалось изъ первоначальнаго рабочаго движенія создать родъ новаго религіознаго культа подъ видомъ философскаго міровоззрѣнія.

Рабочее движеніе они превращали въ дискуссіонный клубъ, гдѣ обсуждались вопросы о „переживаніяхъ индивидуума", о „правѣ свободнаго человѣка", и т. д. Рабочіе съ отвращеніемъ отшатнулись отъ нихъ и опять стали группироваться вокругъ тѣхъ, кто, оставляя въ сторонѣ всѣ эти праздные вопросы, боролся за матеріальные экономическіе интересы рабочихъ, за которые послѣднимъ приходится бороться. Они не заботились при этомъ о буржуа, предлагающихъ себя въ вожаки пролетаріату, въ качествѣ ли соціалистическихъ шарлатановъ политикановъ, или въ качествѣ анархистскихъ литераторствующихъ дилеттантовъ.

Возрожденіе идеи революціонной классовой борьбы безъ политическихъ и литературныхъ вожаковъ изъ буржуазіи было пробужденіемъ истинно революціоннаго рабочаго движенія, которому принадлежитъ будущее.

Подобно *соціализму*, который не смотря на большія, называющія себя соціаль-демократическими, партіи, можетъ считаться мертвымъ, такъ какъ буржуазные шефы пролетаріата отняли у соціализма характеръ классовой борьбы, оставляя лишь одно ея пустое названіе, подобно этому умираетъ то теченіе въ анархизмѣ, которое отрицаетъ свой классовой характеръ. Но такъ какъ классовые интересы и классовая борьба являются чѣмъ то гораздо болѣе конкретнымъ, болѣе положительнымъ, чѣмъ всѣ идеологическія системы, то эта отброшенная идеологами и политиканами пролетарская классовая борьба вырабатываетъ собственную идеологію, выразителемъ которой является *синдикализмъ*.

И подобно тому, какъ послѣдними спасителями соціалистической мысли внутри соціалистическихъ партій являются, какъ это часто указывается, синдикалисты-соціалисты, какъ Лягардель, Э. Леонэ, Лабріола, Михельсъ, — подобно этому послѣдними спасителями анархизма являются тѣ, кто хотѣли помѣшать тому, чтобы анархизмъ уходилъ все выше въ метафизическія облака трансцендентальнаго неба и такимъ образомъ исчезалъ изъ глазъ обыкновеннаго смертнаго. Послѣдними спасителями анархизма являются теперь одни только синдикалистскіе анархисты, которые рисуютъ пролетаріату анархизмъ въ видѣ понятной и достижимой цѣли, какъ нѣчто соотвѣтствующее его кровнымъ интересамъ.

Синдикалистскій анархизмъ, далекій отъ умаленія анархизма, отбрасываетъ лишь сантиментализмъ и гуманитарность и грубо, какъ сама жизнь, обращается къ классовымъ интересамъ пролетаріата, о которыхъ ему напоминаетъ повседневная классовая борьба съ эксплуататорами. Такимъ путемъ есть безконечно больше шансовъ привить широкимъ массамъ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе анархистскую тактику, чѣмъ посредствомъ философскихъ проповѣдей о благѣ „общечеловѣческомъ". Изъ этого соединенія теоретической и практической стороны классовой борьбы, можетъ образоваться лишь синдикалистскій анархизмъ. Изъ классовой борьбы вытекаетъ также и тактика синдикалистскаго анархизма и его представленіе о будущемъ. Объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ.

Siegfried Nacht.

---

## Кое что о преступленіи и наказаніи.

Въ прошломъ году провинціальный совѣтъ итальянскаго города Манту рѣшилъ построить новую тюрьму. Деньги были ассигнованы, планы выработаны, земля отведена, и оставалось лишь приступить къ работѣ. Въ Италіи, какъ и вездѣ, буржуазія не производитъ ничего, она живетъ народнымъ трудомъ и ограничивается лишь „администраціей производства", всего того, что ей необходимо для жизни и для порабощенія трудящихся массъ. Вездѣ въ мірѣ сами же рабочіе производятъ и хлѣбъ и пули, и дома и тюрьмы, и одежду и пушки, и овощи и броненосцы, — вездѣ въ мірѣ они производятъ все, что нужно для буржуазіи, лишь бы имъ платили болѣе или менѣе хорошій заработокъ. Пострадаютъ ли отъ этого производства ихъ же товарищи, увеличатъ ли они своимъ же трудомъ могущество буржуазіи, — такими вопросами вообще рабочіе не занимаются. Конечно, тюрьма города Манту была бы построена, конечно кое-кто изъ самихъ строителей при первомъ удобномъ случаѣ былъ бы посаженъ въ построенную имъ же тюрьму, если бы анархисты не вмѣшались энергично въ это дѣло. Благодаря агитаціи анархистовъ, синдикаты каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ, слесарей и др. отказались строить тюрьму и приняли резолюцію, въ которой говорилось слѣдующее:

> Зачѣмъ строить тюрьмы, когда нѣтъ достаточно домовъ, гдѣ мы могли бы жить, не страдая отъ жары и холода. Всѣ тюрьмы служатъ для заключенія въ нихъ жертвъ капитализма и власти. Преступленія не будутъ уничтожены тѣмъ, что увеличится число тюремъ, но скорѣе преступленія исчезнутъ, когда будутъ разрушены всѣ тюрьмы, и въ особенности первыя причины преступленій: невѣжество, нищета и рабство.

И итальянскіе рабочіе правы. Новыя тюрьмы не искоренятъ преступленій, какъ не искоренили ихъ и старыя. Несмотря на всевозможныя наказанія, несмотря на каторги, пытки, казни, преступленія продолжаютъ существовать, и ученые статистики и соціологи замѣчаютъ, что при однихъ и тѣхъ же данныхъ условіяхъ жизни число преступленій повторяется изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. „Мы можемъ сказать заранѣе — писалъ уже

*) Эгоцентричный — ставящій себя въ центрѣ мірозданія.

давно бельгійскій ученый Кэтлэ — сколько будетъ совершено убійствъ, сколько отравленій, сколько поджоговъ, точно также мы можемъ сказать, сколько будетъ рожденій и смертей". И однако всѣ наказанія, какія только могло создать дикое, чудовищно-развращенное воображеніе всевозможныхъ правителей и судей, были примѣнены. И однако впродолженіи сотенъ вѣковъ повсюду и вездѣ преступленія искоренялись свирѣпыми, невѣроятно жестокими наказаніями. Въ древней мексиканской монархіи, напр., воровство наказывалось, сообразно украденной вещи, то сдираніемъ кожи, то побиваніемъ камнями, то продажей въ рабство. Пьянство считалось преступленіемъ и сообразно соціальному положенію пьяницы его удавляли, или-же побивали камнями или палками. Женщинъ, измѣнившихъ супружеской вѣрности, осуждали на смерть, сажали на колъ, побивали камнями или раздирали живыми. Въ древнемъ Египтѣ фальшивымъ монетчикамъ отрубливали руки, отцеубійцъ сжигали, воровъ убивали или отрѣзывали имъ носъ. За кражу коровы въ Абиссиніи отрубливали руку или ногу, и за многія преступленія сдирали кожу съ преступниковъ, вырывали имъ глаза, морили голодною смертью. Въ Китаѣ преступникамъ отрѣзывали носъ, уши, били палками, удушали или разрѣзывали живого на мелкія части. Въ древней Іудеѣ ихъ побивали камнями, удавляли или сжигали. Проститутокъ изъ духовнаго сословія закапывали по колѣна въ навозъ, сдавливали горло и вливали въ ротъ расплавленный свинецъ. Въ Индіи за воровство отрѣзывали руки и сажали на колъ; нѣкоторыя преступленія наказывались медленной смертью на раскаленной желѣзной кровати. Воровство скота или зерна наказывалось въ первобытной Греціи висѣлицей, и позже обыденными наказаніями за разныя преступленія были изгнаніе, конфискація имущества, колесованіе, рабство, отравленіе. Въ Норвегіи и Даніи воровъ наказывали смертью и, если воровство сопровождалось насиліемъ, преступнику брили голову, обмазывали его дегтемъ, покрывали перьями и, заставляя его спасаться, охотились за нимъ. Въ Римѣ преступленія искоренялись штрафами, розгами, изгнаніемъ, распятіемъ на крестѣ. Преступниковъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ на лбу. Подъ вліяніемъ христіанства клеймо было отмѣнено, „такъ какъ оно портитъ образъ небесной красоты", но боголюбивые императоры ввели цѣлый рядъ пытокъ и мукъ. Константинъ Великій наказывалъ смертью невѣрныхъ супругъ; предавалъ смерти вдовъ и незамужнихъ женщинъ, „прелюбодѣйствовавшихъ" со своими рабами, а этихъ послѣднихъ избивали кнутами и сжигали живыми. Въ феодальной Европѣ раздробляли кости, воровъ колесовали или закапывали живыми. Преступникамъ отрѣзывали уши, губы, языкъ, но еще чаще колесовали, сдирали кожу, сажали на колъ. Вильгельмъ Завоеватель запретилъ убивать или вѣшать преступниковъ, но приказалъ вырывать у нихъ глаза, отрубливать руки и ноги и оставлять живое туловище „на память ихъ преступленія". Фальшивыхъ монетчиковъ бросали въ котлы съ кипящимъ масломъ; за долги сажали въ тюрьму, гдѣ закованные преступники вымирали отъ сырости, грязи, недостатка воздуха, свѣта и пищи.

Наказанія были публичными, и съ цѣлью устрашить возможныхъ преступниковъ, трупы казненныхъ оставались нѣкоторое время на виду у всѣхъ. Въ Лотарингіи даже заботливые родители приводили „непослушныхъ" дѣтей на публичныя наказанія, и въ то время, какъ палачъ совершалъ „правосудіе", они сѣкли своихъ дѣтей, чтобы запечатлѣть сильнѣе въ ихъ памяти это событіе и внушить имъ страхъ предъ преступленіями.

Во время господства средневѣковаго духовенства наказанія сопровождаются самыми ужасными пытками, и вся Европа покрывается кострами, гдѣ сжигаются всевозможные преступники „ad maiorem dei gloriam". И, наконецъ въ современную эпоху цивилизаціи, филантропіи, наукъ преступленія продолжаютъ искореняться тюрьмами каторгой, висѣлицами, эшафотами и одиночнымъ заключеніемъ, гдѣ мало по малу человѣкъ теряетъ всѣ свои человѣческія качества, отупляется, сходитъ съ ума; мучительно, медленно умираетъ.

И однако, несмотря на то, что людей сжигали, колесовали, сажали на колъ, сдирали съ нихъ кожу, топили, варили, побивали камнями, избивали кнутами, вѣшали, отравляли, разстрѣливали, кастрировали; несмотря на потоки крови, пролитой правосудіемъ; несмотря на милліоны убійствъ, совершенныхъ во имя законовъ, религіи, морали; несмотря на невѣроятныя страданія и ужасныя муки, причиненныя преступникамъ добродѣтельными судьями, преступленія все таки продолжаютъ существовать, существуютъ, но, какъ говоритъ Кэтлэ, „дань, которую общество платитъ тюрьмамъ, каторгамъ и эшафотамъ, оно выплачиваетъ съ ужасающей регулярностью". Однихъ преступниковъ наказываютъ — появляются другіе; однихъ уничтожаютъ, новые совершаютъ тѣ же преступленія, и такого рода ходъ вещей, долгій тысячелѣтній опытъ различныхъ и всевозможныхъ наказаній, регулярность преступленій въ данномъ обществѣ при данныхъ условіяхъ ясно доказываетъ, что причина преступленій не заключается въ недостаткѣ тюремъ, пытокъ, казней и мукъ, но въ чемъ то другомъ.

Въ чемъ же именно? Каковы причины существованія преступленій? Но прежде всего, что такое преступленіе? каковы отличительные признаки, позволяющіе сказать, что такое то дѣйствіе преступно, а такое то нѣтъ; гдѣ кончается и гдѣ начинается преступленіе? На этотъ вопросъ юристы, „testamantum latori", всевозможные хранители и толкователи законовъ, спеціалисты въ распредѣленіи наказаній, патентованные поставщики висѣлицъ и тюремъ, отвѣчаютъ единодушно и безъ затрудненія: преступленіе есть все, что запрещаетъ законъ. — Это коротко и ясно и не требуетъ никакихъ умственныхъ усилій; но къ сожалѣнію такого рода отвѣтъ обходитъ вопросъ. Онъ устанавливаетъ лишь фактъ, что законы запрещаютъ; но что такое самъ законъ? почему онъ запрещаетъ то или иное? чѣмъ руководится законодатель въ своемъ выборѣ? однимъ словомъ, что такое преступленіе, если не вообще, то по крайней мѣрѣ для самого законодателя, на всѣ эти вопросы юридическое опредѣленіе не даетъ никакого отвѣта. Необходима наивная вѣра въ незыблемость и непогрѣшимость законовъ, необходимо слѣпое преклоненіе предъ законами и отсутствіе всякихъ морально-соціальныхъ чувствъ, чтобы вмѣстѣ съ юристами думать, что преступленія есть все то, что запрещаетъ законъ.

Законы мѣнялись во времени, пространствѣ и сообразно эпохамъ, странамъ, вѣрованіямъ, экономическимъ условіямъ, господству той или иной политической партіи, преступленіемъ считались то тѣ, то другія дѣйствія, и часто одинъ и тотъ же фактъ являлся или преступнымъ, или достойнымъ похвалы. Воровство напр. считалось у первобытныхъ народовъ большимъ преступленіемъ, чѣмъ человѣкоубійство. Въ Перу, гдѣ господствовалъ своего рода государственный соціализмъ, лѣнь наказывалась смертью; орошеніе полей было обязательнымъ; расходы каждаго должны были соотвѣтствовать его доходамъ; бракъ былъ обязательнымъ; убійство морскихъ птицъ наказывалось смертью; запрещено было рабочимъ и крестьянамъ носить золотыя и серебряныя украшенія. Въ Египтѣ изобрѣтеніе новыхъ танцевъ и пѣсенъ считалось преступленіемъ. Ремесленникъ не имѣлъ права перемѣнить своего ремесла. Запрещено было врачу, иногда подъ страхомъ смертной казни, дать больному слабительное раньше четырехъ дней съ начала болѣзни. Убійство кошки и другихъ священныхъ животныхъ наказывалось смертью; убійство ребенка считалось незначительной виной. Въ Индіи хозяинъ могъ безнаказанно убить прохожаго, взявшаго безъ разрѣшенія нѣсколько зеренъ проса. Незаконное сожительство съ женщиной считалось у арабовъ преступленіемъ. Употребленіе спиртныхъ напитковъ наказывалось кнутами, и сказать арабу, что онъ пьяница, свинья, несвободнаго происхожденія или сынъ проститутки считалось достойнымъ судебнаго наказанія. Воровство и убійство иностранцевъ считалось у бедуиновъ почтеннымъ дѣломъ, но наказывалось смертью, если жертвою воровства или убійства являлся другой бедуинъ. Въ древней Спартѣ государство убивало всѣхъ слабыхъ дѣтей. Въ Римѣ отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми; женщина, похитившая вино своего мужа, могла быть убита этимъ послѣднимъ; введеніе новыхъ ученій и церемоній считалось преступленіемъ; волшебство и заклинанія наказывались смертью. Въ Дагомеѣ сосѣдей наказывали, если кто либо умиралъ отъ голода или недостатка заботъ. Въ древней Германіи нарушеніе воскреснаго отдыха наказывалось штрафомъ (конфискаціей одного быка). Законы Магомета наказывали висѣлицей куреніе табаку. Въ феодальной Европѣ въ 1560 г. въ силу законовъ изданныхъ парижскимъ парламентомъ убійство гугенотовъ было легальнымъ поступкомъ. Законы Карла Великаго наказывали смертью ѣду скоромнаго во время поста. Въ 1666-омъ году богохульникамъ отрѣзывали языкъ. Въ 1724 г. проповѣдь кальвинизма наказывалась смертью. Въ Англіи дворяне могли безнаказано обворовывать „черный народъ"; въ силу законовъ 1710—1843 г. г. лэндлорды легально захватили въ свои руки земли крестьянскихъ общинъ. Еще недавно почти повсюду рабочія стачки считались преступленіемъ, достойнымъ каторжныхъ работъ. Французскіе законы позволяютъ мужу, заставшему свою супругу на мѣстѣ преступленія, убить ее и ея любовника. Рожденіе ребенка раньше 9 мѣсяцевъ послѣ законнаго брака считается достойнымъ наказанія въ нѣкоторыхъ кантонахъ свободной Швейцаріи. Погромы евреевъ въ Россіи и негровъ въ Америкѣ не считаются почти преступленіемъ. Многоженство является обыденнымъ фактомъ у мусульманъ, но наказывается тюремнымъ заключеніемъ у кроткихъ учениковъ распятого римскими юристами преступника Іисуса. Пропаганда антимилитаризма, отказъ убивать стачечниковъ считается повсюду преступленіемъ и наказывается болѣе или менѣе свирѣпо. Стремленіе водворить республику считается преступленіемъ въ монархіяхъ, стремленіе водворить монархію считается преступленіемъ въ республикахъ, и стремленіе обойтись безъ правителей считается преступленіемъ и въ республикахъ, и въ монархіяхъ. И во всѣ времена и эпохи, во всѣхъ странахъ, вездѣ и повсюду разные судьи, прокуроры, палачи съ непоколебимой увѣренностью заявляли: преступленіе есть все то, что запрещаетъ законъ. И за-

коны мѣнялись. Даже въ одной и той же странѣ, сообразно эпохѣ, одинъ и тотъ же фактъ считался то преступнымъ, то законнымъ. Даже въ одной и той же странѣ сообразно колебаніямъ законовъ на эшафотахъ умирали то тѣ, то другіе, тюрьмы наполнялись то тѣми, то другими; вчерашніе преступники оказывались сегодня невинными, сегодняшніе невинные становились завтра виновными, и тѣмъ не менѣе всевозможные юристы, лакеи всякихъ правительствъ и тирановъ, фанатичные обожатели всѣхъ законовъ продолжали обвинять, судить, казнить и, какъ оправданіе за всю безполезно пролитую кровь, за всѣ напрасныя пытки и муки, лицемѣрно твердили: таковъ законъ: dura lex, sed lex.

Преступленіе есть все то, что запрещаетъ законъ, говорятъ юристы. Допустимъ, что это такъ. Но что такое самъ законъ? Изъ юридическаго опредѣленія преступленія ясно, что функція законовъ состоитъ въ запрещеніи; и это фактически точно. Нѣтъ и не было нигдѣ и никогда законовъ, позволяющихъ всѣмъ, вполнѣ, всецѣло и всегда дѣлать то или другое.

***

Такіе законы были бы безсмысленны и являлись бы отрицаніемъ самихъ себя. Всякій законъ, даже якобы позволяющій что либо, ставитъ извѣстныя границы „позволенному“ дѣйствію, опредѣляетъ условія, при которыхъ это позволенное дѣйствіе можетъ быть выполнено или всѣми, или данной лишь категоріей лицъ. Даже позволяя, законъ запрещаетъ, и всякій законъ по своему существу является только запрещеніемъ. Дѣлай, что угодно; говори, думай, пиши, что хочешь; собирайся, гдѣ, когда и съ кѣмъ желаешь, такихъ законовъ нѣтъ и не можетъ быть. Законы, „гарантирующіе“ свободу слова, печати, собраній, передвиженія, являются фактически ограниченіемъ этихъ свободъ болѣе или менѣе узкими рамками, въ коихъ могутъ быть выполнены человѣческія потребности общественныхъ сношеній. Всякій законъ есть запрещеніе; но это запрещеніе не имѣло бы никакого значенія, не играло бы никакой роли, если бы оно не сопровождалось „санкціями“, наказаніями. Вся сила указовъ, *налоговъ* заключается лишь въ *наказаніяхъ*, и въ конечномъ анализѣ всякій законъ является угрозой тѣми или другими наказаніями, долженствующими устрашить людей и помѣшать имъ въ ихъ дѣятельности *преступить* поставленныя закономъ границы, совершать преступленія. Съ этой точки зрѣнія преступленіе есть все то, что наказываетъ законъ, и сводъ законовъ есть въ реальности сводъ наказаній т. е. списокъ способовъ, продолжительности, степени и интенсивности наказаній, примѣняемыхъ за тѣ или другіе запрещенные поступки.

Историческій опытъ, научныя изслѣдованія доказали невозможность наказаніями уничтожить преступленія. „Несмотря на наказанія, говоритъ французскій ученый Летурно, несмотря на самыя ужасныя репрессіи и самыя утонченныя муки, корень преступленій не былъ вырванъ. Послѣ каждаго взмаха судебной косы выростала новая жатва преступниковъ“. И если наказанія оказались безполезными, ясно, что и сами законы, весь смыслъ коихъ заключается въ угрозѣ этими наказаніями также безполезны и также неспособны искоренить преступленія. Сущность законовъ заключается въ запрещеніи, но было бы наивнымъ думать, что законы запрещаютъ убійство, грабежъ, воровство, насиліе одного человѣка надъ другимъ; было бы ошибочнымъ думать, что законы запрещаютъ преступленія вообще, если подъ преступленіемъ понимать различные виды насилія одного лица надъ другимъ. Законъ не запрещаетъ ни воровства, ни грабежа, такъ какъ, что же такое штрафъ, конфискація, налогъ, подать, дань, контрибуція, завоеваніе, если не самая рѣзкая форма грабежа и воровства. Законъ не запрещаетъ убійства, такъ какъ, что же такое смертная казнь, экзекуція, война, сраженія и геройскіе подвиги солдатчины, если не самая грубая форма убійства.

Законъ не запрещаетъ ни мошенничества, ни обмана, такъ какъ, что такое торговля, коммерція, реклама, финансовыя дѣла, дипломатія, клятвы монарховъ, политическія конституціи, если не сплошное мошенничество и наглый обманъ. Законъ не запрещаетъ насилія одного человѣка надъ другимъ, такъ какъ, что же такое аресты обыски, тюремное заключеніе, каторжныя работы, воинская повинность, наемный трудъ, эксплуатація; что такое собственность, если не результатъ и не средство насилія; къ чему служатъ армія, полиція, правосудіе и всѣ прочія государственныя учрежденія, если ихъ роль не заключается въ самомъ грубомъ, безпощадномъ насиліи. Законъ не запрещаетъ преступленія вообще; всѣ преступленія позволены закономъ, если они служатъ интересамъ правящаго класса; но законъ запрещаетъ однимъ совершать преступленія, благодаря коимъ господствуютъ другіе, подъ угрозою убійства, насилія, воровства. Законъ гарантируетъ право господствующаго класса на убійство, воровство, эксплуатацію трудящихся массъ. Законъ „легализируетъ“ это право на преступленія. Что такое законъ? Отвѣтъ ясенъ: Законъ есть государственная монополія преступленія. Клемансо, могущественный министръ французской республики, въ своей рѣчи къ сенату 17-го ноября 1903 г. говорилъ слѣдующее: „Исторія государства полна крови и убійствъ. Всѣ преступленія, которыя только были совершены въ мірѣ: избіенія, войны, измѣны, костры, все было оправдано во имя интересовъ государства. Исторія государства полна крови, и вы знаете лучше, чѣмъ кто либо, что сущность государства неизмѣнна“. Исторія государства есть исторія преступленій господствующаго класса, и роль закона въ исторіи была и есть легализація совершившихся преступленій и оправданіе новыхъ преступленій противъ порабощеннаго класса, когда послѣдній стремится къ освобожденію отъ легальныхъ преступниковъ и къ искорененію преступленія.

***

Законъ есть монополія преступленій въ пользу правителей, хозяевъ, господъ; законъ самъ по себѣ есть преступленіе; но что такое преступленіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ труднѣе, чѣмъ это предполагаютъ юристы, эти выразители и теоретики жандармскихъ думъ. „Въ современномъ обществѣ честный человѣкъ является ненормальнымъ явленіемъ, преступникъ — нормальнымъ“ говоритъ гамбургскій профессоръ Поль Альбрехтъ; и ученый Мануврie былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, когда онъ хотѣлъ заняться сравнительнымъ изученіемъ честнаго человѣка и преступника. „Когда подумаешь, писалъ онъ, какая масса насильственныхъ актовъ совершается на всѣхъ ступеняхъ общества, можно спросить себя, не является ли преступникъ, квалифицированный закономъ, своего рода козломъ отпущенія, исключительною жертвою, благодаря которой остальные люди могутъ себя считать честными людьми“.

Съ этой точки зрѣнія ясно, что всѣ многочисленныя опредѣленія преступленія, основанныя на изученіи „подонковъ преступниковъ“ т. е. тѣхъ, „которые, въ силу своей поспѣшности или неловкости, или же въ силу недостатка средствъ для выполненія, предпринимали болѣе опасныя преступленія и не успѣли въ нихъ“ (Мануврье), — всѣ эти опредѣленія не охватываютъ всей разновидности преступленій. Гамонъ, профессоръ брюссельскаго Новаго Университета, приходитъ къ тому же заключенію и, разбирая преступленія независимо отъ того, должны ли онѣ повлечь за собою наказанія или нѣтъ, онъ опредѣляетъ преступленіе такъ: „Преступленіе есть всякій сознательный актъ, который вредитъ свободѣ дѣйствія индивида того же вида, къ которому принадлежитъ авторъ акта“. Или преступленія нѣтъ, или это опредѣленіе можетъ быть принято, какъ научное, и если это опредѣленіе точно, то понятно, что законъ есть преступленіе, понятно, что преступники, заключенные въ тюрьмахъ, являются лишь козлами отпущенія; и понятнымъ становится отвращеніе Золя, когда, описывая современное общество, онъ закончилъ одинъ изъ своихъ романовъ восклицаніемъ: „что за мерзавцы честные люди!“

***

Какова причина преступленій? Мануврье разсказываетъ слѣдующее: „Я спросилъ у моего коллеги А. Бертильона, можетъ ли онъ найти въ Парижѣ сто честныхъ людей, способныхъ ручаться, что они не совершили бы преступленій, находясь въ тѣхъ же условіяхъ жизни, въ которыхъ находятся почти всѣ преступники. Бертильонъ мнѣ отвѣтилъ: „Конечно ихъ можно найти, но это будетъ сто глупцовъ“. Что это значитъ? Это значитъ, что условія жизни болѣе могущественны, чѣмъ воля человѣка, что свобода воли не существуетъ, что человѣкъ есть всецѣло продуктъ окружающей его среды. Преступенъ слѣдовательно не человѣкъ, но среда, сама общественная организація. „Общество, писалъ Кетлэ, заключаетъ въ себѣ зачатки всѣхъ преступленій, которыя будутъ совершены. Само общество подготовляетъ такъ сказать, эти преступленія и преступникъ является лишь инструментомъ, выполняющимъ ихъ“. Сообразно современнымъ криминалистамъ, преступленія являются результатомъ трехъ причинъ: индивидуальной среды (устройства мозга, и т. д.), космической среды и соціальной, но, какъ замѣчаетъ Летурно, самою главною причиной является соціальная среда. Но что именно въ соціальной средѣ зарождаетъ преступленія? Само слово „общество“ предполагаетъ людей, объединенныхъ чѣмъ то общимъ, какими то общими интересами или цѣлями; и въ самомъ дѣлѣ общества появились вслѣдствіе необходимости взаимной опоры людей для борьбы за жизнь съ природой, средою, откуда человѣкъ беретъ все необходимое для жизни. Такова первая общая цѣль объединившая людей. Въ процессѣ общественной борьбы за жизнь потребности въ пищѣ, одеждѣ удовлетворяются, онѣ становятся болѣе утонченными, зарождаются другія; потребности чисто физическія осложняются потребностями въ красотѣ, поэзіи, симпатіи, любви и т. д. онѣ идеализируются или соціализируются, и эти новыя потребности, удовлетворенія ко-

ихъ требуетъ взаимности отъ окружающихъ людей еще болѣе умножаютъ между ними точки соприкосновенія, еще болѣе расширяютъ объединяющіе ихъ интересы, еще болѣе дѣлаютъ общественную жизнь дѣйствительно общественной. Сама общественная жизнь исключаетъ, слѣдовательно возможность преступленій, и уже изъ этого одного мы можемъ заключить, что, если въ современномъ обществѣ преступленіе является обыденнымъ фактомъ, то это происходитъ потому, что общіе интересы, объединяющіе людей, слишкомъ малочисленны, что нѣтъ конкретной почвы, гдѣ могли бы развиться соціальныя чувства солидарности, симпатіи, взаимнаго уваженія свободы.

Въ самомъ дѣлѣ, что общаго имѣютъ между собой люди, составляющіе современное общество? Что общаго между хозяевами и рабочими, между правителями и подданными, между собственниками и неимущими, между законодателями и гражданами? Конечно, не экономическія условія; конечно не общая для всѣхъ возможность питаться, работать, свободно удовлетворять всѣ свои потребности, такъ какъ существуютъ голодные, оборванные, такъ какъ именно тѣ, кто производитъ всѣ богатства, живутъ въ нищетѣ, — именно тѣ, кто не производитъ ничего полезнаго, въ довольствѣ, безъ заботъ! Конечно, не свобода, такъ какъ свобода невозможна тамъ, гдѣ существуетъ правительство и управляемые, слуги и господа, наемники и хозяева. Конечно не взаимная опора въ борьбѣ за жизнь, такъ какъ естественная борьба съ природой стала въ современномъ „обществѣ" борьбою каждаго противъ всѣхъ, борьбою собственниковъ между собою за увеличеніе собственности, борьбою правителей за все большую власть, борьбою рабочихъ между собою за возможность работать, борьбою собственниковъ противъ рабочихъ, рабочихъ противъ собственниковъ; борьбою правителей противъ управляемыхъ и управляемыхъ противъ правителей, „помазанныхъ богомъ" или „поставленныхъ народною волей".

Современная соціальная организація основана на подчиненіи одного человѣка другимъ, на эксплуатаціи и подавленіи одного лица другимъ; въ этой организаціи жизнь однихъ зависитъ отъ смерти другихъ; питаніе однихъ зависитъ отъ голода другихъ; относительная свобода немногихъ отъ рабскаго положенія массъ. На почвѣ такихъ отношеній вырабатываются у людей чувства взаимнаго недовѣрія и ненависти, вражда, лицемѣріе, ревность, эгоизмъ. Въ этой организаціи нѣтъ конкретной почвы для симпатіи, дружбы, братства; все, что составляло бы прелесть и поэзію жизни, запачкано, исковеркано, загрязнено, и даже любовь тамъ ничто иное какъ объединеніе двухъ эгоистовъ. И если въ этомъ „обществѣ" появляются люди съ нѣжно-утонченной душою и высоко-развитыми соціальными чувствами, вся общественная организація приводитъ ихъ къ актамъ, которые законъ именуетъ преступленіемъ. Нужно ли удивляться, что въ современномъ строѣ человѣкъ, потребности коего не могутъ быть свободно удовлетворены, поставленъ въ необходимость или умереть, или воровать, убивать, лгать и хитрить. Нужно ли удивляться, что тамъ, гдѣ существуетъ борьба каждаго противъ всѣхъ, господствуетъ насиліе во всѣхъ его видахъ, и что даже тѣ, кто пассивно гнетъ спину и терпѣливо страдаетъ, формально становится сообщникомъ насилія. Нужно ли удивляться, что тамъ, гдѣ существуетъ собственность и власть, честный человѣкъ является исключеніемъ, рѣдкимъ и, быть можетъ, даже невиданнымъ еще феноменомъ? Собственность и власть! что представляютъ изъ себя эти „священныя" основы? Воровство и насиліе, легализированныя закономъ.

Въ своей „Исторіи собственности на Западѣ" Лабуле говоритъ: „Владѣніе землею это фактъ, къ которому только сила заставляетъ относиться съ уваженіемъ, до тѣхъ поръ, пока общество не беретъ въ свои руки интересы собственника. Законы не только покровительствуютъ собственности, но они ее еще и создаютъ". Маницъ въ „курсѣ Римскаго права" замѣчаетъ, что римское, славянское и германское право объясняютъ существованіе собственности исключительно существованіемъ государства. И того же мнѣнія Бентамъ, когда въ своемъ „Трактатѣ Законовъ" онъ писалъ: „нѣтъ законовъ — нѣтъ собственности; отбросьте законы, и никакая собственность не существуетъ. Законы и собственность зародились вмѣстѣ, и они вмѣстѣ умрутъ". Существованіе законовъ предполагаетъ существованіе власти, правительства, классовъ, однимъ словомъ государства. Откуда появилась правительственная власть? „Изъ акта узурпаціи, если и не изъ насилія" — говоритъ Ковентини, профессоръ брюссельскаго Новаго университета. И Спенсеръ писалъ, что правительство зародилось изъ военнаго насилія. Собственность и власть появились въ одно и то же время, одна благодаря другой; власть зарождала собственность, собственность зарождала власть. Онѣ явились результатомъ грабежа, узурпаціи, убійства, насилія и такъ какъ сами по себѣ онѣ являются преступленіемъ, то ихъ существованіе невозможно безъ постоянныхъ и всевозможныхъ преступленій. Собственность и власть зародились вмѣстѣ, вмѣстѣ съ ними зародились и всѣ преступленія и преступленія исчезнутъ, когда исчезнутъ эти „священныя основы" современнаго строя. Преступленія исчезнутъ, когда общество станетъ дѣйствительно обществомъ, гдѣ все, что нужно для жизни, является общимъ достояніемъ всѣхъ, когда общество станетъ для каждаго человѣка могучимъ орудіемъ борьбы съ природой, средою, способствующей все большему расширенію человѣческой жизни, все большей свободѣ, все большему счастью. Преступленія исчезнутъ, когда на мѣсто государствъ и всевозможныхъ авторитарныхъ организацій водворится Анархія, когда, благодаря коммунизму, человѣкъ станетъ свободнымъ существомъ, черпающимъ свою свободу въ свободѣ другихъ и создающимъ свое счастье счастьемъ всѣхъ прочихъ людей.

А. Н.

—◆◆●◆—

## Новѣйшая критика анархизма.

(Э. Бертъ „Идеологи производителей").

Молодое пролетарское движеніе, извѣстное подъ именемъ революціоннаго синдикализма, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе русскихъ революціонеровъ. Послѣдніе два года русскіе журналы разныхъ направленій заполнены статьями, посвященными революціонно-синдикальному движенію, а на книжномъ рынкѣ появилось множество книгъ и брошюръ, посвященныхъ этому вопросу. Революціонный синдикализмъ привлекаетъ адептовъ въ рядахъ русскихъ революціонеровъ, даже изъ среды старыхъ соціалъ-демократовъ, и въ настоящее время можно уже говорить о существованіи особаго революціонно-синдикальнаго теченія въ русской соціалистической мысли. Эти русскіе „революціонные синдикалисты" примыкаютъ въ большинствѣ случаевъ къ такъ называемой „новой школѣ соціализма", теоретиками которой являются во Франціи, Сорель и Лагардель, въ Италіи Артуръ Лабріола, Леоне, Панунціо и другіе. Нѣкоторые изъ русскихъ „революціонныхъ синдикалистовъ" пришли къ своимъ идеямъ подъ вліяніемъ коммунистическаго анархизма, и, если не дошли въ своей эволюціи до конца, то этимъ они обязаны лишь своей непослѣдовательности и трусости мысли.

Наряду съ интересомъ къ революціонному синдикализму, среди русскихъ революціонеровъ возникъ и хронологически даже ему предшествовалъ интересъ къ анархизму. Всѣ, вѣроятно, еще помнятъ, съ какой жадностью набросилась русская революціонная, да и вообще читающая по соціальнымъ вопросамъ, публика, на анархистскія сочиненія, оригинальныя и переводныя, изданныя въ Россіи въ эпоху свободъ. Мы всѣ также хорошо помнимъ, какъ реагировала на это явленіе русская соціалъ-демократія. Съ интересомъ, проявленнымъ читателемъ революціонеромъ къ анархистской литературѣ, а также съ развивавшимися тогда анархистскимъ и анархистообразнымъ (максимализмъ и т. п.) движеніемъ, соц.-дем. рѣшили бороться путемъ изданія цѣлой библіотеки анти-анархистскихъ брошюръ, начиная съ произведеній Энгельса, Плеханова, Бебеля и кончая Элемъ и К°. Почти во всѣхъ этихъ брошюрахъ критика анархизма сводилась или къ клеветническимъ выходкамъ противъ анархистовъ, или къ критикѣ *индивидуалистическаго* анархизма. Нужно подчеркнуть, что, критикуя принципы индивидуалистическаго анархизма, соціалъ-демократическіе авторы никогда почти не указывали своимъ читателямъ, что есть еще и коммунистическій анархизмъ, и что между этими двумя теченіями существуетъ громадная разница. Еще менѣе, конечно, они заботились о томъ, чтобы разъяснить своимъ читателямъ, что въ то время, какъ индивидуалистическій анархизмъ представляетъ собой философскую и литературную школу, имѣющую приверженцевъ почти исключительно въ рядахъ интеллигенціи, вліяніе коммунистическаго анархизма распространено на сотни тысячъ рабочихъ Западной Европы и Южной Америки.

Жгучее стремленіе россійскихъ пролетаріевъ и части интеллигенціи къ ознакомленію съ анархизмомъ и интересъ къ революціонно-синдикальному движенію, о которыхъ мы уже говорили, вытекаетъ изъ однихъ и тѣхъ же причинъ. Причины эти далеко не исчерпываются стремленіемъ къ ознакомленію съ новыми, неизвѣстными дотолѣ соціальными ученіями; онѣ лежатъ гораздо глубже, онѣ коренятся въ кризисѣ, который подъ вліяніемъ россійской революціи переживаетъ соціалистическая мысль не только интеллигенціи, но и трудящихся массъ и даже, главнымъ образомъ, послѣднихъ. Пропагандисты революціоннаго синдикализма въ Россіи, послѣдователи „новой школы соціализма", — бывшіе марксисты, и понынѣ считающіе себя марксистами, — не могли не сознавать, что интересъ къ ихъ идеямъ объясняется тѣми же причинами, что и интересъ къ анархизму. Это не могло, разумѣется, прійтись по вкусу пропагандистамъ марксистскаго синдикализма, и они съ самаго начала усердно занялись отмежеваніемъ не только своихъ теорій, но и революціонно-синдикальнаго пролетарскаго

движенія отъ анархистскихъ идей. Еще болѣе увеличило ихъ усердіе въ этомъ направленіи то обстоятельство, что соціаль-демократы, враждебно встрѣтившіе идеи „новой школы соціализма“, разсчитывая очевидно на разрушительную критику своихъ анти-анархистскихъ брошюръ, поспѣшили объявить своихъ братьевъ „во Марксѣ“ тайными анархистами. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ очень многихъ другихъ, русскіе соціаль-демократы шли по стопамъ своихъ западно-европейскихъ товарищей. Марксисты-синдикалисты и на Западѣ стараются всячески демонстрировать отдаленность своихъ идей отъ анархизма, но и тамъ, какъ и въ Россіи, это имъ мало помогаетъ. И на Западѣ, и въ Россіи правовѣрные марксисты и ихъ послѣдователи, а съ ихъ легкой руки и широкая безпартійная публика, продолжаетъ считать приверженцевъ „новой школы“ анархистами, лукаво запрятавшими свое слишкомъ революціонное имя.

Образцомъ тѣхъ методовъ, къ которымъ прибѣгаютъ сторонники „новой школы“ для того, чтобы отмежеваться отъ анархистовъ, можетъ послужить статья Э. Берта „Идеологія производителей *)“, помѣщенная въ сборникѣ статей Э. Берта, Г. Лягарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве, написанныхъ ими спеціально для русскихъ читателей и изданныхъ подъ редакціей и съ предисловіемъ русскаго синдикалиста Л. Козловскаго подъ общимъ названіемъ: „Соціальное движеніе въ современной Франціи“.

Мы не намѣрены разбирать здѣсь всѣ положенія талантливой статьи Э. Берта, въ которой авторъ даетъ съ нашей точки зрѣнія яркую и вполнѣ вѣрную характеристику гедизма, критикуетъ анархизмъ и пытается истолковать идеи „новой школы соціализма“, какъ „философію производителей“. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ лишь стремленіе автора указать на громадную разницу между идеями его школы и идеями анархизма и методы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для этой цѣли. Этому посвящена добрая половина его большой статьи. Послѣдняя и начинается съ указанія на различіе между синдикализмомъ „новой школы“ и анархизмомъ:

„Принято, особенно въ политическихъ соціалистическихъ партіяхъ отождествлять анархистовъ и синдикалистовъ и отдѣлываться отъ нихъ съ одинаковымъ презрѣніемъ. Ортодоксальные марксисты думаютъ, что все сказано, когда они обвиняютъ революціонный синдикализмъ въ воскрешеніи Бакунина; нѣкоторые же снисходительно намекаютъ, что синдикалисты просто на просто анархисты, стыдящіеся признать себя таковыми. Лично за себя я заявляю прежде всего, что кличка анархиста меня ничуть не пугаетъ; и если я стараюсь доказать, что между системами анархистскихъ и синдикалистскихъ идей лежитъ цѣлая пропасть, то дѣлаю это только для избѣжанія теоретической путаницы, очень нежелательной и способной повести за собой еще болѣе нежелательныя ошибки въ рабочей тактикѣ... („Соціальное движеніе въ современ. Франціи“, сборникъ статей Э. Берта, Г. Лягарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве, стр. 95).

Э. Бертъ совершенно правъ, когда говоритъ, что между анархизмомъ и синдикализмомъ „новой школы“ лежитъ цѣлая пропасть. Правда, мы ниже увидимъ, что подъ анархизмомъ авторъ понимаетъ не ту систему идей, которую подъ этимъ названіемъ подразумѣваютъ послѣдователи пролетарскаго анархизма. Но синдикализмъ „новой школы“ далекъ отъ всѣхъ міровоззрѣній объединенныхъ подъ общимъ именемъ анархизма. Представители политическихъ соціалистическихъ партій дѣйствительно грубо ошибаются, когда говорятъ, что теоретики „новой школы“ идутъ по стопамъ Бакунина. Идеи этихъ вышедшихъ изъ нѣдръ марксизма писателей выросли на почвѣ удивленія предъ новыми формами движенія, самостоятельно зародившимися въ нѣдрахъ рабочаго класса. Эти новыя формы пролетарскаго движенія пробудили дремавшую въ лонѣ марксистской догмы, мысль нѣкоторыхъ талантливыхъ представителей французскаго и итальянскаго марксизма, и они приступили къ созданію „новаго соціализма“, соединяя новѣйшія формы пролетарскаго движенія со старыми теоріями Маркса. Прежде всего для оправданія своего синтеза имъ понадобилось доказать, что теоретическимъ предтечей новаго пролетарскаго движенія былъ Марксъ. Это — обычная манера всѣхъ новаторовъ въ марксизмѣ; такъ наши русскіе марксисты-эмпиріомонисты прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы доказать, что Марксъ былъ предтечей Маха и нашего отечественнаго эмпиріомонизма, какъ будто отъ этого ихъ философская система должна выиграть въ своей убѣдительности. Итакъ соціаль-демократы совершенно неправы, обвиняя теоретиковъ „новой школы“ въ воскрешеніи Бакунина. Если нѣкоторые изъ этихъ теоретиковъ и ищутъ опоры, гдѣ нибудь внѣ Маркса, то они прибѣгаютъ, какъ это дѣлаетъ напр. Э. Бертъ, къ Прудону. Въ послѣднее время Лягардель вспомнилъ, впрочемъ, о Бакунинѣ, но это кажется единственный случай.

Но почему же соціаль-демократы продолжаютъ такъ упорно обвинять „новую школу“ въ воскрешеніи Бакунина, и почему имъ вѣрятъ столь многіе? Происходитъ это потому, что теорія „марксистскаго“ синдикализма смѣшивается съ живымъ революціонно-синдикальнымъ пролетарскимъ движеніемъ, по своимъ принципамъ и лозунгамъ, дѣйствительно претворяющимъ въ жизнь идеи Бакунина, хотя и въ очень слабыхъ и блѣдныхъ формахъ. И нужно напомнить, что если работа теоретиковъ „марксистскаго“ синдикализма въ чемъ нибудь сказывалась, то, конечно, не въ приближеніи синдикальнаго движенія къ идеямъ Бакунина, а наоборотъ въ проповѣди умѣренной и выжидательной тактики, логически вытекающей изъ неизбѣжнаго для послѣдователей Маркса преклоненія предъ благотворнымъ вліяніемъ безпрепятственнаго прогресса капитализма.

Но почему же синдикальное движеніе въ нѣкоторыхъ странахъ пошло въ сторону анархизма? Отчасти, конечно, потому, что въ синдикальномъ движеніи Испаніи и Франціи работали анархисты, но не въ этомъ главная причина. Она лежитъ въ экономическихъ условіяхъ и богатомъ политическомъ опытѣ пролетаріата этихъ странъ. Новое французское пролетарское движеніе, разочаровавшись въ дѣятельности политическихъ соціалистическихъ партій, отвернулось отъ послѣднихъ и замкнулось въ экономической борьбѣ. Французскіе синдикаты, образовавшіеся вначалѣ лишь, какъ органы сопротивленія хозяйской эксплуатаціи, не пошли по пути нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ, всецѣло подчинившихся руководительству германской соціальдемократической партіи. Они также не послѣдовали примѣру англійскихъ тредъ-юніоновъ, которые, благодаря исключительнымъ экономическимъ условіямъ Англіи, вели борьбу съ капиталистами при помощи богатыхъ кассъ. Экономическое положеніе французскаго пролетаріата дѣлало невозможнымъ для него англійскую тактику, а благодаря политическому опыту французскаго рабочаго и его стремленію къ индивидуальной самостоятельности, онъ избѣгнулъ печальной участи германскаго рабочаго. Всѣ эти условія привели къ образованію новаго движенія, признающаго необходимость автономности рабочей организаціи и непосредственной революціонной борьбы. Въ этомъ отношеніи принципы современнаго революціонно-синдикальнаго движенія Франціи, Испаніи, Южной Америки и отчасти Италіи дѣйствительно воскрешаютъ идеи Бакунина. И даже Плехановъ, празднуя, по случаю 25 лѣтія смерти Маркса въ № 3 „Голоса Соціальдемократа“ побѣду идей Маркса въ международномъ пролетарскомъ движеніи надъ идеями Бакунина, все же вынужденъ признать, что „программа Бакунина“ *отчасти* (курсивъ „Г. С.“) признается такъ называющими себя революціонными синдикалистами“. Но вѣдь ростъ революціонно-синдикальнаго движенія не только въ вышеупомянутыхъ странахъ, но даже и въ тѣхъ, которыя до сихъ поръ были монополизированы соціаль-демократіей, становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ; и въ то же время кризисъ въ марксизмѣ подкапывается подъ всѣ основы этого соціальнаго ученія, причемъ особенно ярко обнаруживается непригодность его тактическихъ методовъ для дѣла пролетарскаго освобожденія. Можно сомнѣваться въ томъ, насколько данный историческій моментъ, является подходящимъ для празднованія побѣды идей Маркса надъ идеями Бакунина...

Мы впрочемъ отклонились въ сторону. Въ нашей статьѣ мы хотѣли лишь остановиться на томъ методѣ критики анархизма, къ которому прибѣгаютъ теоретики „новой школы соціализма“ для того, чтобы отмежеваться отъ анархистовъ.

Приходится констатировать что, если у нихъ и не встрѣтишь клеветническихъ выходокъ противъ отдѣльныхъ анархистовъ, то за то второй пріемъ соціаль-демократическихъ авторовъ — критика индивидуалистическаго анархизма, якобы представляющаго собою единственно истинный анархизмъ, и игнорированіе анархизма пролетарскаго этотъ пріемъ остается у теоретиковъ „новой школы“ въ полной силѣ. Тѣмъ болѣе должно показаться страннымъ это обстоятельство, что революціоннымъ синдикатамъ приходится постоянно встрѣчаться не съ индивидуалистическими анархистами, стоящими въ сторонѣ отъ массовой борьбы, а съ анархистами-коммунистами, признающими громадную роль революціонно-синдикальнаго движенія и принимающими въ немъ весьма дѣятельное участіе. Отмежевываясь отъ анархизма, Э. Бертъ критикуетъ Штирнера, Толстого и даже дѣлаетъ отвѣтственными анархистовъ за идеи Руссо (стр. 123). Но что общаго имѣетъ современный коммунистическій анархизмъ, все растущее вліяніе котораго въ революціонно-синдикальномъ движеніи и ставитъ на видъ теоретикамъ „новой школы“ ортодоксальные соціаль-демократы, съ Толстымъ, Руссо и даже съ Штирнеромъ?! У всѣхъ этихъ мыслителей можно найти идеи, общія съ коммунистическимъ анархизмомъ, но совсѣмъ безсмысленно критику послѣдняго подмѣнять критикой первыхъ.

Анархизмъ, говоритъ Бертъ дѣлаетъ изъ личности нѣчто абсолютное, и въ качествѣ абсолюта она неспособна вступить ни въ какую соціальную комбинацію, не чувствуя себя въ ней сдавленной, задыхающейся. (стр. 179).

Такъ смотритъ по мнѣнію Берта, на отношенія между обществомъ и личностью анархизмъ въ цѣломъ, слѣдовательно и коммунистическій анархизмъ. Но неужели Бертъ не читалъ сочине-

*) На дняхъ эта статья вышла отдѣльнымъ изданіемъ изданіемъ на французскомъ языкѣ подъ назв.: Edouard Berth: Les nouveaux aspects du Socialisme. М. Р.

ній Петра Кропоткина, Элизе Реклю, Жана Грава и другихъ сторонниковъ коммунистическаго анархизма? Это предполагать довольно трудно. Скорѣе нашъ авторъ принадлежитъ къ тѣмъ соціалистическимъ писателямъ, которые не считаютъ коммунистическій анархизмъ анархизмомъ, а лишь особымъ теченіемъ въ соціализмѣ, — антиавторитарнымъ, безгосударственнымъ соціализмомъ. Это однако лишь наше предположеніе, такъ какъ самъ авторъ объ этомъ ничего не говоритъ.

Цитированному выше представленію объ отношеніяхъ между обществомъ и личностью, Э. Бертъ противопоставляетъ представленіе соціализма объ этихъ отношеніяхъ:

„Но у соціализма иное представленіе; для него общество не означаетъ механическаго соединенія личностей, которыя, всѣ будучи абсолютными, не могутъ войти ни въ какую данную систему иначе, какъ ограничивая и уменьшая другъ друга; по его мнѣнію, общество — это сотрудничество, въ которомъ совмѣстныя усилія умножаютъ другъ друга до такой степени, что для личности не потеря, а выгода принять въ немъ участіе, такъ какъ одиночество равносильно слабости нищетѣ, неспособности, а сотрудничество — силѣ, богатству, удесятеренной способности!...“

Это представленіе можно дѣйствительно противопоставить представленію индивидуалистическаго анархизма, но ни одно соціальное ученіе въ такой сильной степени не настаивало именно на *такомъ* пониманіи отношеній между обществомъ и личностью, приверженцемъ какого является также и Э. Бертъ со своими товарищами. Кропоткинъ въ основу своихъ соціалистическихъ взглядовъ кладетъ ученіе о *взаимопомощи*, какъ о факторѣ дающемъ возможность *виду*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и входящимъ въ его составъ индивидамъ, выйти побѣдителемъ въ борьбѣ съ внѣшней природой и другими животными видами. Только ученіе о *солидарности*, которая восторжествуетъ въ человѣческомъ обществѣ по уничтоженіи патологическихъ причинъ, препятствующихъ ея естественному развитію, даетъ возможность анархистамъ-коммунистамъ строить свой идеалъ *безгосударственнаго* коммунизма, — общества, гдѣ свобода отдѣльной личности гармонически сочетается съ выгодой цѣлаго. Анархисты-коммунисты меньше, чѣмъ кто либо другіе думаютъ что „личности не могутъ войти ни въ какую данную систему иначе, какъ ограничивая и уменьшая другъ друга“. Такъ думаютъ наряду съ анархистами-индивидуалистами соціалисты-государственники марксистской школы... То же самое недоразумѣніе наложило печать и на ту часть статьи Берта, гдѣ авторъ разбираетъ взгляды Прудона,

Понятно, почему критики анархизма, какъ изъ среды соціаль-демократіи, такъ и изъ „новой школы соціализма“ предпочитаютъ критиковать индивидуалистическій анархизмъ, оставляя въ сторонѣ анархизмъ коммунистическій. Индивидуалистическое направленіе всегда связано съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ массовой организаціи, въ особенности къ профессіональной, безпартійной. Оно ничего общаго не имѣетъ съ современной массовой борьбой пролетаріата. Казалось бы соціалистамъ незачѣмъ удѣлять анархистамъ-индивидуалистамъ столько вниманія, такъ какъ кромѣ своей литературной и ораторской дѣятельности въ немногочисленныхъ кружкахъ, послѣдніе ничѣмъ о себѣ не заявляютъ. И поневолѣ приходишь къ заключенію, что критикой индивидуалистическаго анархизма наши противники хотятъ заранѣе скомпрометировать въ глазахъ несвѣдущихъ читателей коммунистическій анархизмъ, который является наиболѣе опаснымъ противникомъ, какъ для соціаль-демократіи, такъ и для умѣренныхъ „революціонныхъ синдикалистовъ“ изъ „новой школы“.

У насъ въ Россіи анархистовъ-индивидуалистовъ, работающихъ среди пролетаріата пока почти нѣтъ. Но за то прекрасный матеріалъ для соціалистическихъ критиковъ всѣхъ оттѣнковъ даютъ наши товарищи антисиндикалисты, которые всей своей тактикой, всѣми своими воззрѣніями на революцію обнаруживаютъ, что лишь вслѣдствіе незаконченности и непродуманности своего міровоззрѣнія они не приходятъ къ *индивидуалистическому* анархизму. Доминирующее значеніе, какое они приписываютъ *идеѣ* надъ *соціальной группировкой*, представленіе о рабочемъ какъ о существѣ, въ голову котораго надо влить идею анархизма, хранящуюся въ мозгахъ анархистскихъ одиночекъ — все это вѣрно подмѣченныя Бертомъ черты индивидуалистическаго анархизма, свойственныя также и русскимъ анархистамъ-антисиндикалистамъ. Вполнѣ понятно, что наши противники предпочитаютъ высмѣивать пропаганду „безмотивнаго“ террора, индивидуалистическую тактику или „экспропріаторскіе“ методы борьбы съ буржуазнымъ строемъ, чѣмъ заняться критикой пролетарскаго коммунистическаго анархизма, тактика котораго всецѣло построена на самодѣятельности народныхъ массъ.

М. Раевскій.

---

## Изъ прошлаго.

24-го іюня 1894 года французская буржуазія праздновала въ г. Ліонѣ открытіе всемірной выставки. Вечеромъ этого дня былъ данъ во дворцѣ коммерціи громадный банкетъ, гдѣ присутствовали всѣ ліонскія власти, а также президентъ французской республики Сади-Карно. Послѣ банкета, въ 9 часовъ вечера, Карно, окруженный генералами и другими видными „демократами“, поѣхалъ въ театръ. Улицы были запружены народомъ, шпіонами, полицейскими и солдатами. Президентская карета ѣхала довольно быстро, и она была уже недалеко отъ театра, когда внезапно изъ толпы выдѣляется одинъ молодой рабочій, подбѣгаетъ къ каретѣ и съ крикомъ „да здравствуетъ революція“ наноситъ кинжаломъ завернутымъ въ бумагѣ смертельный ударъ представителю капитала и власти президенту республики. Авторъ покушенія, итальянскій рабочій Казеріо, былъ немедленно арестованъ, избитъ, связанъ по рукамъ и ногамъ и посаженъ въ тюрьму.

Казеріо, сынъ бѣдныхъ рабочихъ, родился въ Ломбардіи 8-го сентября 1873 года. 12-ти лѣтъ онъ началъ работать у булочника въ г. Миланѣ. „Съ 18-ти лѣтъ, говоритъ обвинительный актъ, — Казеріо со страстью предается чтенію журналовъ и брошюръ, въ которыхъ излагается доктрина разрушенія государства и рекомендуется пропаганда дѣйствіемъ. Онъ скоро становится пропагандистомъ и служитъ посредникомъ для переписки между анархистами.

Въ 1892 году его арестовываютъ за пропаганду анархизма среди солдатъ и на слѣдующій годъ онъ покидаетъ Италію съ цѣлью избѣжать тюрьмы и воинской повинности.

Работая, какъ булочникъ, то здѣсь, то тамъ, во Франціи, въ Швейцаріи, эксплуатируемый одинаково вездѣ, Казеріо рѣшается на свой актъ, и 23-го іюня 1894 года онъ приходитъ въ Ліонъ, гдѣ буржуазія праздновала свое могущество, основанное на рабской покорности милліоновъ людей.

2-го августа Казеріо судили; ни одинъ адвокатъ не захотѣлъ защищать его и, когда послѣ допроса свидѣтелей Казеріо началъ читать свою декларацію, публика была удалена, и печатаніе рѣчи было запрещено. Вотъ эта рѣчь:

„Господа присяжные! Я не намѣренъ себя защищать, но я хочу изложить причины заставившія меня совершить свой актъ. Съ ранней молодости я сталъ замѣчать, что наше общество плохо организовано, и что не проходитъ дня безъ того, чтобы люди подъ давленіемъ нищеты не кончали самоубійствомъ, оставляя женъ и дѣтей въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Тысячи рабочихъ ищутъ работы и не находятъ ея. Цѣлыя семейства нуждаются въ хлѣбѣ, дрожатъ отъ холода и отъ крайней нищеты; бѣдные дѣти кричатъ отъ голода, и ихъ несчастныя матери не могутъ дать имъ поѣсть: все что было въ домѣ — заложено или продано, и когда онѣ, протягиваютъ руку за милостыней, ихъ арестовываютъ, какъ бродягъ.

Я покинулъ страну, гдѣ родился, такъ какъ не могъ видѣть безъ слезъ, какъ маленькія дѣвочки 8 или 10 лѣтъ обязаны работать 15 часовъ въ день изъ за какихъ либо пяти копеекъ. Молодыя дѣвушки 18—20 лѣтъ и даже старшія работаютъ также 15 часовъ въ день, получая подобную же нищенскую плату. И это не только въ моей странѣ. Вездѣ въ мірѣ рабочіе трудятся въ продолженіе долгихъ дней изъ за куска хлѣба, въ то время, какъ трудъ ихъ приноситъ эксплуататорамъ милліоны и милліоны. Рабочимъ приходится жить въ самой тяжкой нищетѣ, не имѣя другой пищи кромѣ куска хлѣба, немного риса и воды. Такъ что въ 30, или 40 лѣтъ ихъ силы истощены, и они идутъ умирать въ больницы. Кромѣ того вслѣдствіе плохого питанія и непосильной работы они сотнями болѣютъ пеллагрою, которой по словамъ врачей болѣютъ тѣ, кто плохо питается, и кто влачитъ жизнь полную страданій и лишеній. Я думалъ, и я себѣ говорилъ, что существуетъ много голодныхъ, что много дѣтей страдаетъ, въ то время, какъ въ городахъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ. Многочисленные громадные магазины наполнены матеріей, одеждами; другіе полны муки и маиса, въ которыхъ нуждается столько людей. Съ другой стороны видишь тысячи людей, которые, не производя ничего, живутъ насчетъ труда рабочихъ, тратятъ ежедневно громадныя суммы, насилуютъ дочерей народа, обладаютъ многочисленной прислугой, экипажами, роскошными домами.

Сколько я страдалъ, видя, какъ плохо организовано это подлое общество! Часто говорилъ себѣ: „тѣ, кто накопляетъ богатство, являются въ настоящій моментъ, причиною общественнаго неравенства“.

Когда я былъ ребенкомъ, меня научили любить отечество; но когда я увидѣлъ, что тысячи рабочихъ принуждены, оставляя

своихъ родныхъ въ нищетѣ, покидать свою страну, я сказалъ себѣ, что отечество не существуетъ для рабочихъ. Для насъ отечество—весь міръ. Тѣ, кто проповѣдуетъ любовь къ отечеству, дѣлаютъ это потому, что они находятъ въ немъ средства къ жизни, точно также какъ птицы защищаютъ свои гнѣзда потому, что имъ тамъ хорошо.

Я вѣрилъ въ бога; но когда я увидалъ, какое неравество существуетъ между людьми, я понялъ, что не богъ создалъ людей, но люди бога. Заинтересованы въ томъ, чтобы люди вѣрили въ адъ и рай, тѣ, которые держа народъ въ невѣжествѣ, желаютъ, чтобы ихъ собственность уважалась. Въ силу всего этого я сталъ анархистомъ. Перваго мая 1891 года, когда рабочіе всего міра выражали свои требованія, всѣ правительства, республиканскія, точно также, какъ и монархическія, отвѣтили имъ пулями и тюрьмами; многіе рабочіе были убиты или ранены, и громадное число ихъ было посажено въ тюрьмы. Съ этого времени я сталъ анархистомъ, такъ какъ я узналъ, что идеалъ анархизма соотвѣтствуетъ моимъ идеямъ. Только среди анархистовъ я нашелъ хорошихъ и искреннихъ людей, которые умѣютъ бороться за благо рабочихъ. Я тоже началъ вести анархистическую пропаганду, и скоро я перешелъ къ дѣйствію.

Во Франціи я съ недавнихъ поръ, но этого мнѣ было достаточно, чтобы увидѣть, что всѣ правительства похожи другъ на друга. Углекопы сѣверной Франціи, получая заработокъ недостаточный для того, чтобы прокормить свои семейства, объявляютъ забастовку, послѣ трехмѣсячной борьбы голодъ заставляетъ ихъ возвратиться на работу при старыхъ условіяхъ. Что касается правительста оно нисколько не позаботилось объ этихъ тысячахъ рабочихъ: оно было занято праздненствами въ честь франко-русскаго союза. Была рѣчь о томъ, чтобы создать новые налоги съ цѣлью найти необходимые для этихъ праздненствъ милліоны, тѣ, кто продали свою совѣсть буржуазіи, журналисты, писали статьи, чтобы доказать, что союзъ Франціи съ Россіей принесетъ большіе выгоды рабочимъ. Однако мы, бѣдные рабочіе, мы находимся все въ той же нищетѣ, и вдобавокъ мы обязаны платить еще новые налоги, дабы уплатить издержки на правительственныя увеселенія. И когда мы требуемъ хлѣба и работы, намъ отвѣчаютъ пулями, какъ это было сдѣлано съ углекопами во Франціи, съ крестьянами въ Сициліи и со многими другими. Недавно Вальянъ съ цѣлью протестовать противъ современнаго общества бросилъ бомбу въ палату депутатовъ. Онъ не убилъ никого, лишь ранилъ нѣсколько лицъ, и тѣмъ не менѣе буржуазное правосудіе осудило его на смерть. И не удовольствовавшись еще этимъ, начали преслѣдовать анархистовъ, арестовывать ихъ сотнями даже не за знакомство съ Вальяномъ, но только за то, что они присутствовали на анархистскихъ рефератахъ.

Правительство не думало о судьбѣ ихъ женъ и дѣтей: ему не важно, что тѣ, кого оно держало въ тюрьмахъ, не страдаютъ одни, и что ихъ дѣти требуютъ хлѣба. Буржуазная справедливость не заботилась о судьбѣ этихъ невинныхъ, которые еще не знаютъ, что такое общество. Они не виновны въ томъ, что отецъ ихъ въ тюрьмѣ, они не требуютъ ничего, кромѣ пищи.

Итакъ обыски продолжались, письма вскрывались, собранія и рефераты запрещались, самое подлое насиліе употреблялось противъ насъ. Даже теперь арестовываютъ сотнями анархистовъ за журнальную статью или за идею, выраженную публично. Слѣдовательно, если правительства употребляютъ противъ насъ ружья, цѣпи, тюрьмы, должны ли мы анархисты, беречь свою жизнь и прятаться у себя на дому? Должны ли мы отречься отъ нашей идеи, которая есть истина? Нѣтъ! напротивъ мы отвѣтимъ правительствамъ динамитомъ, бомбами, желѣзомъ и кинжаломъ! Словомъ, мы должны дѣлать все возможное, чтобы уничтожить буржуазію и правительства. Эмиль Анри бросилъ бомбу въ одинъ ресторанъ; я отомстилъ кинжаломъ! Господа присяжные, вы представители буржуазнаго общества, если вы хотите мою голову, берите ее! Но не думайте, что этимъ вы пріостановите пропаганду анархизма. Берегитесь, такъ какъ что посѣялъ, то и пожнешь! Правительства начали создавать мучениковъ: удавленные въ Хересѣ, повѣшенные въ Чикаго, разстрѣлянные въ Барцелонѣ, гильотинированные въ Парижѣ. Послѣдними словами ихъ въ моментъ казни были: „Смерть буржуазіи“! Эти слова перелетѣли черезъ моря, рѣки и озера; они проникли въ города и деревни: въ жилища милліоновъ рабочихъ. Эта рабочая масса позволила до сихъ поръ управлять собою тѣмъ, кто стремился господствовать надъ нею подъ флагомъ ассоціацій, корпорацій, синдикатовъ и другихъ мистификацій которыя служили лишь честолюбію тѣхъ, кто желалъ жить, ничего не дѣлая и стремится быть выбраннымъ въ парламентъ или городское управленіе. Но теперь рабочія массы пришли къ убѣжденію, что только путемъ насильственной революціи права рабочихъ восторжествуютъ надъ буржуазіей. Когда это наступитъ, рабочіе не будутъ изъ бѣдности кончать самоубійствомъ; они не будутъ страдать долгіе годы въ тюрьмахъ; ихъ больше не будутъ ни разстрѣливать, ни вѣшать, ни удавливать. Напротивъ, буржуа, короли, президенты, сенаторы, депутаты, президенты уголовныхъ и другихъ судовъ умрутъ среди народныхъ баррикадъ, въ бурѣ Соціальной Революціи!“

Сухъ приговорилъ Казеріо къ смертной казни. 16-го августа рано утромъ его казнили. Онъ умеръ гордо и храбро, и послѣднія его слова были: „Мужайтесь товарищи! Да здравствуетъ Анархія!“

А. Н.

## Изъ исторіи испанскаго пролетаріата.

Въ 1907 году въ Берлинѣ была издана брошюра тов. Зигфрида Нахта (Arnold Roller): „Blætter aus der Geschichte des spanichen Proletariats“, (Страницы изъ исторіи испанскаго пролетаріата). Въ брошюрѣ въ 40 стр. авторъ по необходимости долженъ былъ очень кратко изложить событія. У насъ въ Россіи исторія испанскаго рабочаго движенія еще менѣе извѣстна, чѣмъ исторія рабочаго движенія другихъ странъ Западной Европы. Поэтому переведенная брошюра Нахта, была бы очень желательнымъ вкладомъ въ библіотеку всякаго русскаго революціонера. Но наибольшій интересъ представляетъ этотъ историческій очеркъ для насъ, русскихъ анархистовъ, такъ какъ въ Испаніи были примѣнены на практикѣ многіе изъ тѣхъ тактическихъ методовъ и формъ пролетарской и чисто-анархистской организаціи, о которыхъ ведутся дискуссіи въ нашихъ группахъ. Такъ какъ книжка до сихъ поръ не переведена, то мы дадимъ здѣсь краткое изложеніе ея содержанія.

*Ред.*

### I. До Интернационала.

Возникшее въ 40-ыхъ годахъ профессіональное движеніе въ средѣ испанскаго пролетаріата съ перваго момента своего зарожденія встрѣтилось съ правительственными репрессіями и жестокими исключительными законами. Тайныя рабочія организаціи подготовили въ отвѣтъ на репрессіи всеобщую стачку, которая началась 2-го іюня 1855 года. Борьба шла за право организаціи. Всеобщая стачка закончилась лишь черезъ 9 дней, когда была признана свобода союзовъ.

Въ ноябрѣ того же года вспыхнули экономическіе бунты въ Сарагосѣ и Валенціи. Лѣтомъ 1856 года во всѣхъ городахъ Кастиліи произошли нападенія на фабрики, мельницы, хлѣбные магазины, причемъ участниками движенія были сознательные революціонеры, называвшіе свои акты „экспропріаціями“.

Среди сельскихъ рабочихъ Андалузіи были сильно распространены уже въ то время идеи коммунизма; теоретическимъ выраженіемъ ихъ стремленій была „коммунистическая республика“. Приверженцы этихъ идей, группировавшіеся въ тайной революціонной организаціи на югѣ Андалузіи, вызвали въ іюнѣ 1863 года вооруженное возстаніе въ Лойѣ, руководителемъ котораго былъ *Перецъ де Аламо.* Число возставшихъ быстро достигло тридцати тысячъ. Вначалѣ въ стычкахъ съ жандармами и небольшими отрядами войскъ побѣждали возставшіе. Но вскорѣ правительство стянуло войска изъ нѣсколькихъ провинцій, произошло кровопролитное сраженіе, длившееся нѣсколько часовъ, въ которомъ возставшіе были побѣждены. 20 человѣкъ плѣнныхъ были разстрѣляны, 400 сосланы на поселеніе въ Кубу и Филиппины.

Въ это же время въ средѣ испанскихъ рабочихъ подъ вліяніемъ идей Прудона возникаетъ очень замѣтное *кооперативное* движеніе, стремившееся путемъ основанія производительныхъ товариществъ улучшить положеніе рабочихъ.

На ряду съ чисто пролетарскими формами движенія во всѣ классы испанскаго общества проникала въ это время идея федералистической республики. Наиболѣе выдающійся пропагандистъ этой идеи *Пи-и-Маргаль* находился подъ сильнымъ вліяніемъ экономическихъ и федералистическихъ идей Прудона. Въ сочиненіяхъ Пи-и Маргаля, одного изъ самыхъ великихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, мы всюду находимъ мѣста, которыя ясно указываютъ на анархизмъ, какъ на логическій выводъ изъ федерализма. Въ то же время въ основанномъ въ Лондонѣ Международномъ Обществѣ Рабочихъ лѣвое бакунистское крыло въ качествѣ политическаго принципа выдвигало федерализмъ.

### II. Испанская революція и Интернационалъ. (1868 - 76)

Въ 1868-омъ году въ Испаніи вспыхнула революція, которая закончилась смѣной династіи и введеніемъ конституціи. Въ это время въ Мадридъ пріѣхалъ *Джузеппе Фанелли* ближайшій товарищъ Бакунина, съ цѣлью основать въ Испаніи отдѣлы Интерна

ціонала. Съ помощью типографа *Ансельмо Лоренцо* ему удалось основать въ Мадридѣ первую группу Интернаціонала. Пропаганда идей Интернаціонала имѣла въ Испаніи сказочный успѣхъ. По словамъ историка Лавела въ 1873-емъ году въ Интернаціоналъ вписалось 300,000 человѣкъ; по словамъ реакціонныхъ писателей записавшихся членовъ было по крайней мѣрѣ 60,000.

Секціи Интернаціонала дѣлились на профессіональныя группы, въ родѣ современныхъ профессіональныхъ союзовъ, которые затѣмъ объединились между собой на федеративныхъ началахъ. Принципомъ испанскаго Интернаціонала, проникнутаго бакунистскимъ духомъ, былъ захватъ средствъ производства, горныхъ промысловъ и земли профессіональными союзами; потребленіе однако должно было въ будущемъ быть урегулировано на коллективистскихъ началахъ т. е. по принципу: „каждому полностью результатъ его труда" — слѣдовательно общее владѣніе средствами производства и частная собственность на продукты. Уже тогда революціонная стачка и всеобщая забастовка выдвигались въ качествѣ лучшихъ средствъ борьбы. Если оставить въ сторонѣ коллективизмъ, то мы увидимъ въ принципахъ стараго испанскаго Интернаціонала поразительное сходство съ принципами современнаго синдикализма.

Въ іюнѣ 1870-го года въ Барцелонѣ состоялся первый конгрессъ испанскихъ секцій Интернаціонала, гдѣ была принята слѣдующая резолюція:

> Конгрессъ рекомендуетъ всѣмъ секціямъ Интернаціонала оставить ту корпоративную дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью произвести соціальный переворотъ посредствомъ національныхъ политическихъ реформъ и приглашаетъ ихъ всю свою дѣятельность направить на федеративную организацію профессіональныхъ союзовъ, которая является единственнымъ средствомъ, обезпечивающимъ побѣду соціальной революціи.
>
> Эта федерація является дѣйствительнымъ представительствомъ рабочихъ и должна быть организована помимо всякого политическаго правительства.

Испанскій Интернаціоналъ былъ основанъ исключительно приверженцами идей Бакунина. Внутри испанскаго интернаціонала, также *самостоятельно* безъ всякой связи съ женевскимъ „Интернаціональнымъ Альянсомъ Соціалистической-Демократіи" возникъ испанскій „Allianza", который былъ совершенно тайной организаціей, неизвѣстной даже интернаціоналистамъ, не входившимъ въ него. Испанскій „Allianza" имѣлъ цѣлью сблизить между собой наиболѣе активные элементы Интернаціонала и поддерживать въ немъ революціонный и антиавторитарный духъ.

Уже въ 1869-омъ году выходила газета „La Féderacion", проповѣдывавшая воззрѣнія Интернаціонала. Вскорѣ стали выходить еще и другія газеты: „La Solidaridad" въ 1870-омъ и „La Emancipacion" въ 1871-омъ году, въ редакціи которой участвовалъ также и Пабло Иглезіасъ, нынѣшній вожакъ испанской соціаль-демократіи, бывшій тогда бакунистомъ.

Для Генеральнаго Совѣта Интернаціонала, во главѣ котораго стоялъ Карлъ Марксъ, было сучкомъ въ глазу развитіе Интернаціонала въ Испаніи подъ вліяніемъ идей Бакунина, и поэтому Марксъ послалъ своего зятя Поля Лафарга въ концѣ 1871-го года въ Испанію. Лафаргу вскорѣ удалось склонить на свою сторону редакторовъ „Emancipacion", въ ихъ числѣ Пабло Иглезіаса, и „Emancipacion" открыла походъ противъ идей испанскаго Интернаціонала. Мадридская федерація основала новый нелегальный органъ для пропаганды своихъ идей: „El Condenado". Въ результатѣ редакція „Emancipacion" была исключена мадридской федераціей, въ которую она входила, изъ испанскаго Интернаціонала. На конгрессѣ въ Сарагосѣ въ 1872-омъ году произошло объединеніе, и мадридская федерація взяла обратно свою исключеніе, но Лафаргъ продолжалъ интриговать противъ Національнаго совѣта и въ концѣ концовъ былъ вмѣстѣ со своими приверженцами вторично исключенъ изъ Интернаціонала. Тогда онъ, Иглезіасъ и еще 7 человѣкъ основали „новую мадридскую федерацію", которая такимъ образомъ состояла изъ 9 человѣкъ въ то время, какъ настоящая мадридская федерація насчитывала 20,000 человѣкъ. Національный Совѣтъ не принялъ этой новой федераціи въ составъ Интернаціонала.

Лафаргъ обжаловалъ это постановленіе Національнаго Совѣта въ Генеральный Совѣтъ. Послѣдній, разумѣется, призналъ эту „новую федерацію", и съ тѣхъ поръ Энгельсъ, а за нимъ и вся соціаль-демократія, считаетъ ее *дѣйствительнымъ* Интернаціоналомъ, а весь испанскій Интернаціоналъ со своими 60,000 членовъ *ложнымъ*, (см. „Бакунисты за работой"). Въ качествѣ корреспондирующаго члена Генеральнаго Совѣта, Энгельсъ написалъ гнѣвное письмо испанскому Федеральному Совѣту, въ которомъ подъ всевозможными угрозами требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ немедленнаго сообщенія именъ всѣхъ членовъ тайнаго Альянса и ихъ функцій въ Интернаціоналѣ. Федеральный Совѣтъ Испаніи отвѣтилъ, что онъ не желаетъ исполнять полицейскихъ обязанностей. Тогда выходившая подъ редакціей Лафарга и Пабло Иглезіаса „Emancipacion" въ номерѣ отъ 28 іюня 1872-го года *опубликовала* всѣ извѣстные ей имена членовъ тайнаго Альянса. Таковы были первые шаги соціаль-демократіи въ Испаніи.

Въ то время, какъ все это происходило въ Испаніи, въ сентябрѣ того же года состоялся знаменитый конгрессъ въ Гаагѣ, на которомъ было принято исключеніе Бакунина, Гильома и всего остального Альянса изъ Интернаціонала, на немъ же было рѣшено признаніе „Новой Мадридской Федераціи". Гаагскій конгрессъ оффиціально пригласилъ рабочій классъ къ организаціи въ политическія партіи и къ участію въ политикѣ. Созванный же вскорѣ „бакунистами" конгрессъ въ С. Имьерѣ высказался противъ всякого участія рабочаго класса въ политикѣ. Третій конгрессъ испанскаго Интернаціонала, состоявшійся въ декабрѣ 1872 года въ Кордовѣ единогласно присоединился къ резолюціямъ С. Имьерскаго конгресса. Испанскіе марксисты, дѣйствуя черезъ членовъ „новой федераціи" пробовали основаться во всей Испаніи, но это не удалось, и „новая федерація" вмѣстѣ со своимъ органомъ „Emancipacion" скончалась спустя короткое время, несмотря на денежную помощь изъ Лондона. Антиавторитарный Интернаціоналъ обладалъ въ это время шестью органами.

Въ началѣ 1872-го года, несмотря на заступничество нѣкоторыхъ республиканскихъ депутатовъ, былъ принятъ законъ противъ Интернаціонала, и всѣ мѣстныя власти получили приказъ закрыть его секціи. Но развитіе Интернаціонала продолжалось въ подпольѣ. Въ началѣ 1873-го года правительство было низвержено бунтами республиканцевъ и федералистовъ, и была объявлена демократическая, федералистическая республика.

Но вожаки республиканской буржуазіи, достигшіе власти благодаря тому, что они пропагандировали идеи федерализма, теперь стали на практикѣ проявлять самый суровый централизмъ. Населеніе Испаніи, состоящее изъ совершенно различныхъ національностей, говорящихъ на разныхъ діалектахъ и даже языкахъ, отличающихся разной культурой, костюмами, нравами, требовало обѣщанной кантональной автономіи, проведенія федерализма снизу вверхъ. Центральное правительство противилось этимъ стремленіямъ, обѣщая проведеніе федерализма сверху внизъ и, конечно, ничего не предпринимало въ этомъ направленіи. Въ концѣ концовъ во многихъ областяхъ Испаніи вспыхнули бунты во имя кантональной автономіи. Наиболѣе сильныя возстанія произошли въ Мурціи (Карфагенѣ), Аликанте, въ Каталоніи, Валенціи и въ Андалузіи. Централисты выслали всю армію для подавленія возстанія, причемъ во главѣ ея поставили реакціонныхъ генераловъ, унаслѣдованныхъ ими отъ монархіи. Повсюду произошли кровопролитныя сраженія, и федералисты были побѣждены. Только Карфагенъ, объявившій себя Коммуной, на подобіе парижской коммуны 1871-го года, долго не могъ быть побѣжденъ. Въ рукахъ федералистовъ Карфагенъ былъ военный флотъ, и они выдерживали осаду въ теченіе шести мѣсяцевъ, несмотря на жестокую бомбардировку со стороны правительственныхъ войскъ.

Естественно, что при этихъ событіяхъ интернаціоналисты не могли оставаться въ сторонѣ и поддерживали противъ центральнаго правительства тѣхъ, кто ближе всего стоялъ къ ихъ программѣ т. е. федералистовъ. Это одинъ изъ самыхъ тяжкихъ упрековъ, которые Энгельсъ и за нимъ и вся соціаль-демократія дѣлаетъ испанскимъ интернаціоналистамъ; еще и теперь этотъ фактъ выдвигается, въ качествѣ аргумента противъ анархистовъ. Явленіе—лишній разъ свидѣтельствующее централистическій духъ соціаль-демократіи.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ интернаціоналисты возставали самостоятельно для проведенія „соціальной ликвидаціи". Такъ напр. въ Севильѣ, гдѣ они въ теченіи нѣсколькихъ дней были господами положенія, въ Гранадѣ, Валенціи, въ Алькоѣ, гдѣ они начали возстаніе всеобщей стачкой, а затѣмъ въ послѣдовавшемъ сраженіи убили городского бургомистра и сожгли нѣсколько домовъ богачей. Вожакомъ федералистовъ и интернаціоналистовъ на югѣ былъ тогдашній бургомистръ Кадикса *Ферминъ Сальвочеа*.

Плѣнные федералисты и интернаціоналисты безпощадно разстрѣливались войсками централистическаго республиканскаго правительства. За короткое время своего существованія республика имѣла четырехъ президентовъ. Въ концѣ декабря 1874 года Кановасъ дель Кастильо и генералъ Мартинесъ Кампосъ путемъ государственнаго переворота возстановили монархію и возвели на престолъ Альфонса XII.

### III. Низверженіе республики и бунтъ въ Хересѣ (1874—1892).

Во время реакціоннаго управленія Альфонса XII и Кановаса-дель-Кастильо еще болѣе обострились преслѣдованія, и Интернаціоналъ на нѣсколько лѣтъ былъ вынужденъ уйти въ подполье. За періодъ отъ 1879-го до 1881-го года нельзя указать никакихъ выдающихся событій. Но во все это время выходили тайныя, печатавшіяся въ Испаніи газеты, какъ напр. „El Municipio libre", „El Movimento social". Въ 1872-омъ году Пабло Иглезіасъ основалъ въ Мадридѣ первую тайную соціаль-демократическую группу, но она не пользовалась никакимъ вліяніемъ.

30-го дек. 1878-го года пекарь *Отеро* стрѣляетъ изъ пистолета въ Альфонса XII, но безрезультатно. Въ іюнѣ 1880-го года рабочіе нападаютъ на фабрику шерсти и сжигаютъ ее. Въ іюнѣ же бомба разрушаетъ домъ бургомистра въ Корунѣ; въ августѣ были сожжены 80 плантацій герцога Альбы. Іезуитскій монастырь разрушенъ бомбами. Газеты часто извѣщаютъ объ убійствѣ сельскихъ бургомистровъ. Въ 1881-омъ году испанскій делегатъ сообщилъ на лондонскомъ интернаціональномъ анархистскомъ конгрессѣ, что внутри открытой организаціи существуетъ внутренняя тайная организація: Los hombres de accion (активные работники).

Въ 1881-омъ году репрессіи нѣсколько ослабѣли, и движеніе опять стало открытымъ; оно отразилось въ замѣчательномъ еженедѣльномъ изданіи: „La Revista Social", расходившемся въ 20,000 экземпляровъ. Въ сентябрѣ 1881-го года въ Барцелонѣ состоялся первый рабочій конгрессъ Испаніи, на которомъ была основана: „Federacion de Trabajadores de la region española" т. е. „федерація носила чисто-профессіональный характеръ, такъ какъ движеніе въ Испаніи было всегда чисто-классовымъ движеніемъ. Эта федерація заявила въ своемъ манифестѣ, что она отрицаетъ всякое участіе въ политическихъ партіяхъ и стремится къ уничтоженію государства и къ основанію на его мѣстѣ свободной федераціи свободныхъ союзовъ. Федерація уже тогда стояла на точкѣ зрѣнія современнаго синдикализма. Севильская „областная федерація" имѣла 70,000 членовъ и также была очень сходна съ „Conféderation genéral du Travail". Въ экономическомъ отношеніи все движеніе того времени стояло на точкѣ зрѣнія коллективизма. Во времена Интернаціонала марксисты были коммунистами, бакунисты—коллективистами. Но въ описываемое время началась пропаганда коммунизма, соединеннаго съ анархизмомъ, піонеромъ которой былъ Мигуэль Рубіо, рабочій, живущій и понынѣ въ Севильѣ. Борьба въ средѣ испанскихъ анархистовъ между коммунизмомъ и коллективизмомъ продолжалось лѣтъ 10-15 и закончилась полной побѣдой коммунизма: всѣ испанскіе анархисты теперь коммунисты.

Въ связи съ севильскимъ конгрессомъ 1885-го года состоялся отдѣльный конгрессъ „Союза" сельскихъ рабочихъ Испаніи, на которомъ было представлено 105 секцій съ 20,916 членами. „Союзъ" этотъ по духу былъ также синдикалистскимъ.

На югѣ Испаніи вся земля принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ огромныхъ латифундій. Здѣсь нѣтъ ни крестьянъ-хозяевъ, ни селъ. Земля обрабатывается батраками, живущими въ маленькихъ батрацкихъ городахъ, гдѣ даже бургомистръ часто простой батракъ. Средній дневной заработокъ здѣсь 50-60 сант., высокая плата 75 сантимовъ. Понятно, почему здѣсь съ давнихъ поръ началось сильное анархистское и профессіональное движеніе.

Въ періодъ отъ 1881-го до 1884-го года, время отъ времени здѣсь происходили аграрныя забастовки и акты аграрнаго террора. Помѣщики рѣшили, во что бы то ни стало, уничтожить профессіональный союзъ сельскихъ рабочихъ. Но они не имѣли никакихъ данныхъ противъ открытаго и на законномъ основаніи организованнаго союза, и поэтому они изобрѣли знаменитый „Заговоръ" — „Mano negra", который въ дѣйствительности никогда не существовалъ и появился на свѣтъ въ головахъ жандармовъ и судей.

По поводу убійства одного рабочаго его двоюроднымъ братомъ, случайно оказавшимся членомъ союза сельскихъ рабочихъ, были произведены аресты. Взяты были исключительно члены „Областной Рабочей Федераціи", которая отождествлялась съ „Mano negra"; 8 человѣкъ было подвергнуто пыткамъ, и когда они сознались, они были приговорены судомъ присяжныхъ въ Хересѣ къ смертной казни и казнены. Между ними были сельскій рабочій *Ф. Корбахо*, предсѣдатель „Союза Сельскихъ Рабочихъ" и учитель *Жуанъ Руизъ*, секретарь. Этотъ процессъ не остался единственнымъ. Губернаторъ объявилъ, что за всякія поврежденія и пожары будутъ отвѣтственны члены мѣстнаго комитета „Рабочей Федераціи". Въ дальнѣйшихъ процессахъ постоянно функціонировали пытки, и на основаніи добытаго такимъ путемъ „сознанія", значительное количество людей было сослано въ африканскія колоніи. Истина была такъ искусно скрыта, что даже рабочіе-анархисты другихъ областей вѣрили въ существованіе „Mano negra."

⁂

Въ октябрѣ 1883 года состоялся въ Валенціи третій конгрессъ „Областной Федераціи". Этотъ конгрессъ занимался главнымъ образомъ вопросомъ о „Mano negra". Меньшинство, состоявшее изъ смѣлыхъ и энергичныхъ анархистовъ защищало акты „Mano negra" — полагая, что эта организація дѣйствительно существовала, — въ то время, какъ большинство, лишь симпатизировавшее анархизму, изъ страха передъ преслѣдованіями, объявило, что не имѣетъ ничего общаго съ „Mano negra" и порицаетъ ее. Поэтому болѣе энергичные анархисты, значительное меньшинство ушло изъ этой федераціи и позже основали чисто *анархическую федерацію* подъ названіемъ „Анархическая Организація Испанской Области", главнымъ образомъ состоявшую изъ свободныхъ группъ, кружковъ для самообразованія, издательскихъ группъ и т. п. Настало время теоретической, принципіальной пропаганды и дискуссій — по преимуществу на тему: коммунизмъ или коллективизмъ". Это различіе ведетъ къ расколу въ движеніи. Старая профессіональная федерація осталась на коллективистической точкѣ зрѣнія, новыя же группы, изъ которыхъ образовалалась „Анархическая Организація" становились все болѣе коммунистическими, революціонными, но оставались внѣ профессіональныхъ союзовъ.

1-го сентября 1886 года во время стачки каменыщиковъ въ собраніе предпринимателей, совѣщавшихся о средствахъ борьбы со стачкой, была брошена бомба, убившая 12 эксплуататоровъ.

Старая „Областная Федерація" вскорѣ погибла. На конгрессѣ въ 1888-омъ г. она распустила себя. Въ маѣ 1888-го г. анархисты основали на своемъ конгрессѣ въ Барцелонѣ новую профессіональную федерацію подъ именемъ: „Federation de resistanca al Capital — Pacto de Union y Solidaridad". Федерація сопротивленія капиталу". Эта федерація проявляла свою дѣятельность главнымъ образомъ въ Каталоніи, но никогда она не была такъ могуча, какъ прежняя „Областная организація", что, быть можетъ, отчасти слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что въ томъ же году была основана соціальдемократическая профессіональная федерація подъ названіемъ: „Union Generale de Trabajadores" — „Всеобщій союзъ рабочихъ".

⁂

Слѣдующія цифры, заимствованныя у Иглезіаса, даютъ представленіе объ испанской соціаль-демократіи: При выборахъ въ 1891-омъ году соціалисты во всей Испаніи получили 5000 голосовъ, въ 1901-омъ 25, 400 голосовъ. „Всеобщій Союзъ" (соціальдемократическая профессіональная федерація) насчитывала въ 1889 году: 3350 членовъ въ февралѣ 1902: 32, 700 членовъ (?) Удивительно, что цифра членовъ соц.-дем. профессіональныхъ союзовъ превышаетъ число-поданныхъ за партію на выборахъ голосовъ, чего ни въ какой другой странѣ не случается.

⁂

Профессіональная „Федерація сопротивленія капиталу" во всѣхъ проявленіяхъ своей борьбы получала энергичную поддержку со стороны „Анархистской Организаціи". Обѣ организаціи проповѣдывали всеобщую стачку по всей Испаніи значительныя революціонныя стачки, вызывавшія большое возбужденіе въ странѣ.

Въ февралѣ 1888-го года въ Ріо-Тинто на юго-западѣ Испаніи произошла стачка 12-13, 000 раб. въ томъ числѣ и чернорабочихъ. Во время уличнаго шествія забастовщиковъ войска стрѣляли: убито 57 человѣкъ, ранено 200. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рабочіе отомстили. Сжигались фабрики, разрушались шахты; произошли многочисленные „единичные" акты, исполнители которыхъ не были открыты.

Въ январѣ 1889-го года на протяженіи четырнадцати дней произошло 8 динамитныхъ взрывовъ въ королевскомъ дворцѣ, одинъ во дворцѣ архіепископа, и одинъ у вожака консервативной партіи.

1-го мая 1890-го г. въ Барцелонѣ забастовали всѣ рабочіе. Были разграблены и сожжены дома наиболѣе ненавистныхъ эксплуататоровъ. Забастовка продолжалась два дня. Въ мартѣ 1891-го года „Федерація сопротивленія" на конгрессѣ въ Мадридѣ рѣшила объявить 1-го мая 1891 года всеобщую забастовку по всей Испаніи для достиженія восьмичасоваго рабочаго дня. 1-го мая во всей Испаніи произошли столкновенія съ войсками, въ Барцелонѣ же произошли настоящія уличныя сраженія и баррикадный бой, причемъ многіе анархисты были поранены и арестованы.

Въ тотъ же день делегація соціаль-демократической партіи подъ предводительствомъ Иглезіаса увѣрила министра-президента въ легальности и миролюбіи соціаль-демократовъ и въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ анархистскимъ бандитамъ.

⁂

Въ отвѣтъ на событія въ Каталоніи началось движеніе среди рабочихъ въ Андалузіи. Рѣшено было овладѣть городомъ Хересомъ и оттуда распространить движеніе по всей Андалузіи. Ночью 9-го января въ полѣ должны были собраться 6000 анархистовъ, чтобы направиться къ городу. Изъ за бури случившейся въ эту ночь, собралось лишь 500—600 человѣкъ, которые все же рѣшили дѣйствовать. Не встрѣтивши сопротивленія, они вломились въ городъ, разграбили нѣсколько магазиновъ, обмѣнялись выстрѣлами, съ войсками, но рабочее населеніе осталось равнодушнымъ. Революціонерамъ ничего не оставалось, какъ уйти, что они и сдѣлали, при чемъ ни одинъ не попалъ въ руки солдатамъ. Начались опять страшныя репрессіи. Опять пошли въ ходъ пытки,

и четверо нашихъ лучшихъ товарищей, Ламела, Зарзуэла, Бузики и Лебрижано были казнены. Многіе были сосланы въ Цеуту и Мелилу, въ томъ числѣ Ферминъ Сальвочеа, который во время событій въ Хересѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Кадиксѣ. Его осужденіе было мотивировано тѣмъ, что онъ якобы изъ тюрьмы подготовилъ возстаніе.

### IV Террористическій періодъ (1892—97).

Событія въ Андалузіи перенеслись опять въ Каталонію. 24 сентября 1893-го года анархистъ *Паулино Палласъ*, въ видѣ протеста противъ казней товарищей въ Андалузіи, жестокостей военнаго режима въ Кубѣ и іезуитской реакціи во всей Испаніи, бросилъ двѣ бомбы въ генерала Мартинеса Кампоса, при чемъ генералъ былъ лишь легко раненъ. Палласъ былъ присужденъ военнымъ судомъ къ смертной казни и разстрѣлянъ. Начались опять репрессіи, аресты, неслыханныя пытки.

Одинъ изъ невинно арестованныхъ и подвергнутыхъ пыткамъ рабочихъ *Сантьяго Сальвадоръ*, другъ Палласа по освобожденіи изъ тюрьмы въ отмщеніе за свои страданія бросилъ бомбу въ театръ Лицео. Начались еще болѣе сильныя репрессіи и аресты. Былъ изобрѣтенъ „заговоръ" противъ ген. Мартинеса Кампоса, и въ результатѣ наши товарищи Арксъ, Бернартъ, Кодина, Церезуела, Сабатъ и Согасъ были казнены, и большое число другихъ осуждены на вѣчную каторгу.

Въ іюнѣ 1896-го года въ Барцелонѣ была брошена бомба въ процессію. Авторъ покушенія — Франсуа Жиро не былъ открытъ до самой своей смерти. На этотъ разъ звѣрства палачей не имѣли границъ. Было арестовано болѣе трехсотъ человѣкъ, которыхъ подвергли пыткамъ. Имя крѣпости Монжуихъ, гдѣ они были заключены прогремѣло по всему міру. Пытали по всѣмъ правиламъ „священной" инквизиціи. Томасъ Ашери, Люисъ Масъ, Жозе Маласъ, Жозе Ногесъ и Жуанъ Альсина были по приговору военнаго суда растрѣляны, и свыше шестидесяти человѣкъ было приговорено къ двадцатилѣтней и безсрочной каторгѣ.

Крикъ ужаса пронесся по всей Европѣ, возмущенной кровожадными поступками палачей, управлявшихъ Испаніей. Мститель явился въ лицѣ типографа *Анжіолило*, молодого высокообразованнаго человѣка, писавшаго въ французскихъ итальянскихъ и испанскихъ газетахъ. 6-го августа 1897 Анжіолило застрѣлилъ испанскаго министра-президента Канаваса-дель-Кастильо на морскомъ курортѣ Спата — Агеда на сѣверѣ Испаніи. 19-го августа онъ былъ казненъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ казни Анжіолило, журналистъ *Романъ Земпау*, легко ранилъ жандармскаго лейтенанта Портаса, подъ руководствомъ котораго производились пытки въ Монжуихѣ. Сначала Земпау былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни, но затѣмъ по формальнымъ причинамъ приговоръ былъ отмѣненъ, и Земпау предсталъ предъ судомъ присяжныхъ, которые вынесли ему оправдательный вердиктъ.

Въ террористическій періодъ всѣ анархистскія газеты прекратили свое существованіе. Кромѣ единичныхъ покушеній почти во всей Испаніи происходили небольшіе вооруженные бунты, нападенія на отдѣленія государственнаго банка, разграбленія хлѣбныхъ магазиновъ, сраженія съ солдатами и жандармами.

***

Послѣ смерти Кановаса власть перешла въ руки новаго либеральнаго министерства, преслѣдованія ослабѣли, анархическія газеты мало-по-малу воскресли. Покушенія прекратились и уступили мѣсто большому массовому движенію, такъ какъ товарищи получили возможность работать въ этомъ направленіи. Организаціи въ теченіе террористическаго періода были совершенно разрушены, такъ какъ самые дѣятельные элементы были въ тюрьмѣ или эмигрировали заграницу.

Испанское анархическое движеніе въ этотъ періодъ перебросилась въ страны Южной Америки, въ которыхъ населеніе говоритъ на испанскомъ языкѣ.

### Послѣдніе десять лѣтъ (1897—1907).

Реакція уничтожила организаціи, но не уничтожила революціоннаго духа. Когда Сальвочеа вернулся изъ Африки и другіе изгнанники изъ Лондона и Парижа, анархическое, движеніе снова ожило. Соціальдемократія подъ покровительствомъ правительства и бунтарской печати безпрепятственно развивалась все это время. Сначала возвратившіеся на родину анархисты попробовали работать въ соціальдемократическихъ профессіональныхъ союзахъ, но когда они стали пользоваться въ нихъ черезъ чуръ большимъ вліяніемъ, они по настоянію партійныхъ вожаковъ были исключены изъ союзовъ. Тогда анархисты образовали новые революціонные профессіональные союзы.

Весною 1900-го года въ Мадридѣ былъ созванъ революціонный рабочій конгрессъ. Около 200 делегатовъ представляли профессіональные союзы съ 52000 членовъ. Всѣ эти профессіональные союзы объединились подъ названіемъ, принадлежавшимъ первой профессіональной организаціи „Federation regional de Trabajadores". Въ числѣ основныхъ принциповъ этого профессіональнаго движенія была пропаганда революціонной всеобщей стачки и стачки по солидарности, кототорую они считали гораздо лучшимъ средствомъ для поддержки бастующихъ рабочихъ, чѣмъ денежную помощь. Какъ только какая нибудь входящая въ составъ федераціи организація вступала въ стачку, то всѣ другіе профессіональные союзы всѣхъ профессій обязаны всѣми средствами поддерживать бастующихъ. Всѣ деньги всей федераціи находятся въ распоряженіи участниковъ каждой стачки какой угодно профессіи, такъ что постоянныхъ устойчивыхъ кассъ не существуетъ. Оплачиваемыхъ чиновническихъ мѣстъ въ федераціи нѣтъ. Программа федераціи была чисто анархическая, хотя это слово и не употреблялось. Она объявила, что стремится къ соціальной революціи, но не путемъ захвата политической власти, а путемъ ея уничтоженія.

Съ тѣхъ поръ федерація имѣла ежегодные конгрессы. Въ 1898 году Фредерико Уралесъ основалъ въ Мадридѣ анархистскій журналъ „Revista Blanca". Вскорѣ послѣ этого сталъ выходить еженедѣльный органъ для пропаганды „Suplemento de la Revista Blanca", который съ января 1902 года принялъ названіе „Tierra Libertad" („Земля и Воля"). Въ теченіе лѣта 1903-года эта газета выходила ежедневно, въ ней въ этотъ періодъ работалъ, въ качествѣ постояннаго сотрудника, Масато; но черезъ полгода она стала выходить опять еженедѣльно. Въ концѣ 1902-го года *Ансельмо Лоренцо* основалъ въ Барцелонѣ замѣчательную газету „La Huelga general" („Всеобщая стачка") которая несомнѣнно повліяла на позднѣйшія событія въ Барцелонѣ. Въ теченіе этого періода во многихъ значительныхъ городахъ Испаніи, т. напр. въ Севильѣ, Корунѣ, Гихонѣ происходили революціонныя всеобщія стачки, въ которыхъ принимали участіе всѣ рабочіе всѣхъ профессій, причемъ всегда дѣло доходило до кровопролитныхъ стычекъ съ жандармеріей. Нужно напомнить, что въ Испаніи наряду съ самой свободной испанской конституціей существуетъ самый свирѣпый деспотическій произволъ.

Въ концѣ мая 1901-го года Коруна стала театромъ кровавыхъ событій. Во время стачки гражданская гвардія стрѣляетъ въ отрядъ забастовщиковъ, удерживавшихъ штрейкбрехеровъ отъ работы: одинъ убитъ, нѣсколько раненныхъ. На похоронахъ присутствовало 6000 рабочихъ, которые тутъ же рѣшили объявить въ видѣ протеста всеобщую забастовку. Уже на обратномъ пути съ кладбища рабочіе увидѣли наклеенныя на стѣнахъ объявленія о введеніи военнаго положенія, — и гражданская гвардія открываетъ убійственный огонь по мирно возвращавшимся рабочимъ: убито 8 человѣкъ, и 50 тяжело ранено. Перестрѣлка и уличныя стычки происходили въ теченіе двухъ дней. — Поведеніе соціалъ-демократовъ во время этихъ происшествій было въ высшей степени безчестно. Они писали въ своихъ органахъ, что во всемъ виноваты анархисты, и при этомъ совершенно ни въ чемъ не обвиняли ни правительство, ни жандармовъ.

Въ февралѣ 1902-го года въ Барцелонѣ забастовали металлургическіе рабочіе, требовавшіе пониженія рабочаго времени до 9 часовъ. Такъ какъ предприниматели не сдавались, то 16 февраля забастовали всѣ рабочіе Барцелоны (80,000) человѣкъ) для поддержки требованій товарищей. Всякое движеніе прекратилось. Послѣ нѣсколькихъ уличныхъ сраженій и нападеній на жандармскія казармы рабочіе очутились хозяевами города. Примѣру Барцелоны послѣдовалъ рядъ другихъ мелкихъ городовъ Каталоніи, и всюду произошли сильныя столкновенія. Вся Европа внимательно слѣдила за барцелонскими событіями. Правительство постепенно стянуло жандармовъ и войска изъ другихъ провинцій; въ Барцелонѣ уличныя сраженія продолжались два дня, причемъ побѣда оказалась на сторонѣ арміи.

Барцелонская стачка 1902 года дала сильнѣйшій толчекъ къ распространенію идеи всеобщей стачки въ рабочихъ массахъ всей Европы. Поведеніе испанской соціалъ-демократіи во время всеобщей забастовки также привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Партія требовала отъ своихъ приверженцевъ, чтобы они продолжали работать, партійная делегація явилась къ военному губернатору, чтобы увѣрить его, что соціальдемократы не имѣютъ ничего общаго съ бунтовщиками-анархистами. Соціалъ-демократическая пресса ругала бастующихъ, и Пабло Иглезіасъ хвастаетъ въ своихъ статьяхъ, что всеобщая стачка побѣдила бы, если бы соціальдемократы приняли въ ней участіе, но народъ молъ недостаточно созрѣлъ для того, чтобы сумѣть воспользоваться побѣдой. Нужно замѣтить что соціалъ-демократія другихъ странъ отнеслась весьма отрицательно къ поведенію испанскихъ соціалъ-демократовъ.

Подавленіе барцелонской стачки не убило движенія. Напротивъ сейчасъ послѣ этого анархическое движеніе еще болѣе усилилось. Въ 1903 году въ Испаніи существовало 3 журнала и 20 еженe-

дѣльныхъ газетъ „Tierra y Libertad“ (выходила тогда ежедневно). Духъ солидарности необыкновенно выросъ. Близкій къ соціаль-демократіи писатель Праксед́есъ Заикада пишетъ въ своей книгѣ „El obrero en España“, вышедшей въ свѣтъ въ это время, что въ Испаніи имѣется около 400,000 рабочихъ, находящихся подъ исключительнымъ вліяніемъ анархистовъ и анархизма. Движеніе наиболѣе сильно въ Каталоніи (Барцелона), въ Андалузіи (югъ Испаніи), въ Корунѣ и в въ Карфагенѣ.

При вступленіи въ управленіе Альфонса VIII началась опять сильная реакція. Альфонсъ избралъ въ министры-президенты *Мауру*, достойнаго наслѣдника Кановаса-дель-Кастильо.

Маура воспользовался событія въ Алькала дель-Валле-Андалузія, чтобы доказать, что онъ ничѣмъ не уступаетъ Конавасу. Въ августѣ 1903-го года въ этой мѣстности забастовали сельскіе рабочіе. Гражданская гвардія стрѣляетъ въ мирныхъ забастовщиковъ и убиваетъ нѣсколько рабочихъ. Все населеніе, возмущенное этимъ звѣрскимъ поступкомъ, бросается на жандармовъ; послѣднихъ обезоруживаютъ и расправляются съ ними ихъ же оружіемъ. На слѣдующій день полкъ солдатъ является въ село, арестуютъ 100 человѣкъ, къ которымъ примѣняютъ всѣ испытанныя въ Монжуихъ пытки. Затѣмъ военный судъ — и рядъ приговоровъ къ безсрочной каторгѣ.

Осенью того же года горные рабочіе Билбао показываютъ какъ побѣдоносно идетъ стачка, при примѣненія „прямого дѣйствія“. Двѣ недѣли стачка шла мирно. Наконецъ уставшіе голодать рабочіе напали на шахты, уничтожили помпы для выкачиванія воды затопили водой шахты. Въ то же время они силой стали брать въ магазинахъ, все, что необходимо было для жизни, не справляясь о цѣнѣ. Черезъ четыре дня напуганные капиталисты удовлетворили всѣ требованія рабочихъ, такъ какъ они увидѣли, что ихъ собственность находится въ серьозной опасности. Такимъ образомъ „прямымъ дѣйствіемъ“ рабочіе добились того, что имъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ обѣщали провести черезъ парламентъ. Стачка въ Больба послужила для интернаціональнаго пролетаріата лучшей пропагандой революціонной экономической борьбы, экономическаго террора, „прямого дѣйствія“.

Событія въ Алькала-дель-Валле и пытки испанскихъ жандармовъ возмутили всю Европу, въ особенности европейскій пролетаріатъ. Начался рядъ грандіозныхъ митинговъ пролетаріата, требовавшихъ освобожденія осужденныхъ. Предъ этимъ по требованію общественнаго мнѣнія Европы были освобождены пережившія двадцатилѣтнюю каторгу жертвы „Mano negra“. На этотъ разъ Маура не обращалъ вниманія на протесты, пока молодой испанскій скульпторъ *Мигуэль Арталь* не всадилъ ему кинжала между реберъ. Арталь былъ присужденъ къ 17 годамъ каторги; Маура былъ лишь раненъ, но этотъ аргументъ подѣйствовалъ на него, и всѣ заключенные были выпущены на свободу.

31 мая 1905 года въ Парижѣ во время оффиціальнаго визита Альфонса VIII, была брошена бомба подъ его карету. Послѣдовалъ большой процессъ, въ которомъ главными обвиняемыми были Педро Валлина и Шарль Малато. Настроеніе общественнаго мнѣнія было не въ пользу испанскихъ инквизиторовъ, и присяжные оправдали обвиняемыхъ.

Ровно черезъ годъ послѣ этого покушенія — 31-го мая 1906-го года съ балкона одного дома въ Мадридѣ была брошена бомба въ свадебную процессію Альфонса XIII. Королю опять удалось избѣжать смерти, несмотря на то, что его карета была разрушена и около 30 человѣкъ было убито на мѣстѣ. Это былъ актъ *Матео Морала*, молодого высокообразованнаго человѣка изъ богатого дома, бывшаго учителемъ въ барцелонской „Exuela moderna“ и сотрудникомъ нѣкоторыхъ анархисткихъ газетъ. При арестѣ Мораль застрѣлился, чтобы не попасть въ лапы испанскаго „судебнаго слѣдствія“.

Испанское профессіональное движеніе послѣ реакціи послѣднихъ лѣтъ оживаетъ съ октября 1907-го года. Въ Барцелонѣ организовался профессіональный картель по образцу французской Bourse du Travail, къ которой немедленно примкнуло четыре локальныхъ профессіональныхъ союзовъ. Организація приняла названіе „Solidarided obrero“ и издаетъ еженедѣльную газету подъ тѣмъ же названіемъ. Она организуется по всей Испаніи по образцу французской „Conféderation général du Travail“.

---

## Нѣсколько страничекъ изъ исторіи чешскаго анархизма.

### I

Я отнюдь не намѣренъ писать исторію анархическаго движенія въ Чехіи; эта работа требовала бы огромной спеціальной подготовки, капитальнаго изслѣдованія многихъ историческихъ источниковъ и документовъ. Словомъ этотъ трудъ не по силамъ иностранцу, живущему въ странѣ едва 3 года.

Несмотря на то, что анархизмъ въ Чехіи появился очень рано, на зарѣ новыхъ вѣковъ — съ нѣкоторыми его разновидностями и оттѣнками мы встрѣчаемся уже въ таборитскомъ движеніи (XV ст.) — въ чешской литературѣ нѣтъ еще спеціальнаго труда или исторической монографіи по этому вопросу.

Существуетъ, впрочемъ, цѣлый рядъ мелкихъ работъ главнымъ образомъ, воспоминаній. Но онѣ относятся только къ новѣйшему періоду, а именно ко второй половинѣ XIX ст. и кромѣ того онѣ разсматриваютъ анархическое движеніе въ Чехіи въ зависимости отъ австрійскаго рабочаго движенія вообще. Такимъ образомъ обработаннаго матеріала по исторіи чешскаго анархизма пока что мало; будущему его историку предстоитъ колоссальный трудъ. Въ послѣднее время этимъ вопрсомъ занялся извѣстный чешскій анархистъ Вогрызекъ, который пишетъ для предполагаемаго „Анархистическаго Альманаха“ очеркъ анархическаго движенія въ Чехіи.

Не приходится говорить о томъ, что потребность въ такого рода историческомъ изслѣдованіи чувствовалась уже давно. Оно будетъ имѣть значеніе не только для чешскихъ анархистовъ, но и для всего анархистическаго движенія вообще; а это потому, что въ теоріи чешскаго анархизма, кстати замѣтимъ, что изъ всѣхъ австрійскихъ областей въ Чехіи сильнѣе всего развился анархизмъ, есть много очень интересныхъ моментовъ.

Возвращаюсь однако къ прерванному. Итакъ, моей задачей отнюдь не будетъ исторія анархическаго движенія въ Чехіи; я намѣренъ только коснуться нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ моментовъ и событій, являющихся отдѣльными страничками этой исторіи. Оставляя въ сторонѣ старый періодъ въ виду его относительной малозначительности и неопредѣленности, а такъ же и по вышеизложеннымъ причинамъ, перехожу прямо къ новому періоду.

Какъ я уже говорилъ выше, новѣйшее анархистское движеніе въ Австріи на первыхъ стадіяхъ своего развитія не было еще *точно и опредѣленно* фомулировано. Оно постепенно кристаллизировалось. Во всякомъ случаѣ первые его эмбріоны находимъ мы въ такъ называемомъ „*радикальномъ*“ движеніи 80-ыхъ г. г.

„Радикальное“ теченіе появляется въ Австріи непосредственно и въ связи съ извѣстнымъ Sozialisten-Gesetz 1878 г. Сильное вліяніе, впрочемъ, на его развитіе оказала террористическая дѣятельность русскихъ революціонеровъ (Выстрѣлъ Засуличъ, убійство Александра II.)

Возникнувъ, какъ оппозиція, въ лонѣ умѣренной соціалистической партіи, оно приняло ультра-революціонную тактику, теоретически обоснованную на Мостовскихъ, прокламаціяхъ и его „Freiheit“. Просуществовавъ только нѣсколько лѣтъ (до 1886 г. „радикальное“ теченіе было вытѣснено, новымъ „золотымъ“ направленіемъ основателемъ котораго былъ д-ръ Адлеръ и которыя въ 1889 г.) окончательно сформировалось на Гайнфельдскомъ съѣздѣ въ Австрійскую Соціаль-Демократическую Партію. Часть старыхъ „радикаловъ“ измѣнила своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, раскаялась и записалась въ единовѣрную „красную“ церковь. Она совершенно отказалась отъ стараго увлеченія „безумнымъ“ анархо-революціонизмомъ и нынѣ произноситъ революціонныя рѣчи въ вѣнскомъ парламентѣ. (напр., Гыбешъ, Модрачекъ); другая группа освободившись отъ многихъ туманностей и неясностей „радикализма“ стала первой ячейкой настоящаго, рабочаго анархизма въ Австріи. (напр. Рейнеръ, Краль).

И всетаки даже послѣ этого, анархизмъ еще не скоро окончательно скристализировался, по крайней мѣрѣ, избѣгалъ долго этого названія.

За послѣдующіе 15 лѣтъ онъ проходилъ нѣсколько интересныхъ фазисовъ, то сильнѣе развиваясь, то совершенно на время исчезая подъ сильными ударами правительственной репрессіи и всевозможныхъ преслѣдованій.

Такъ напр., послѣ отмѣны военнаго положенія въ Вѣнѣ (1884-5 г.) тамъ возникла вдругъ „*Австрійская* партія *независимыхъ*“ соціалистовъ? Излишне говорить, что она сразу стала объектомъ полицейскихъ экспериментовъ. На судѣ члены ея называли себя анархистами и открыто высказывали свое анархистическое credo.

Особенно ярко выразилось это направленіе въ организаціи чешской молодежи „Omladina“, которая послѣ международнаго Цюрихскаго конгресса становится чисто анархической и окончательно порываетъ всякія связи съ соціальдемократизмомъ. Это теченіе является вторымъ этапомъ въ исторіи австрійскаго вообще, въ частности же чешскаго анархизма. Его программа и тактика приняты были въ 1893 г. на *Горноличтиновскомъ* съѣздѣ. Понятно, что эта программа далека еще отъ идеала въ ней много туманностей и недомолвокъ. Точно и опредѣлено формулировала она только принципъ *автономности и федеративности*, тѣмъ не менѣе большинство членовъ ея считало себя анархистами, о чемъ публично и печатно заявляла.

Интересно, что въ чешскомъ движеніи въ это же время появилось *самостоятельное* теченіе „независимыхъ соціалистовъ“, сразу ставшее въ въ оппозицію къ с.-д. Отцомъ его былъ Вильгельмъ Керберъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся журналистовъ и пропагандистовъ анархизма въ Чехіи. Онъ былъ приверженцемъ индивидуалистическаго анархизма, послѣдователемъ Штирнера, называлъ же себя „этическимъ“ анархистомъ. О немъ рѣчь впереди; перейдемъ къ изложенію дальнѣйшаго. 1898 годъ былъ роковымъ для чешскаго анархизма. Послѣ извѣстной, неудачной забастовки горныхъ рабочихъ, чешское анархистское движеніе на время заглохло. Изъ выходившихъ въ предыдущіе годы 8 органовъ — удержался только одинъ „Matice“. Этотъ кризисъ объясняется съ одной стороны неудачнымъ исходомъ забастовки, съ другой — первыми выборами съ пятой рабочей куріей 1897 г. Однако послѣ 1898 г. анархизмъ снова быстро разростается, но не надолго. Процессы и преслѣдованія 1899 г. опять основательно подкопали его.

На сцену появляется новый періодъ (трехлѣтній — 1900—1903), если такъ можно выразиться, *литературнаго* и, понятно, глубоко *индивидуалистическаго* анархизма. Его типичнымъ представителемъ былъ журналъ — „*Новый Культъ*“ (Novy Kult), сразу ставшій ярымъ защитникомъ анти-организаціоннаго индивидуалистическаго анархизма и со ipso въ такой же мѣрѣ противникомъ коммунистическаго, рабочаго анархизма. Въ то же время другой анархистскій журналъ „Matice Svobody“ ведетъ антиклерикальную сильную пропаганду.

Разумѣется, что съ точки зрѣнія массовой агитаціи и пропаганды анархизма — этотъ періодъ большого значенія не могъ имѣть. Хорошая его сторона была въ томъ, что онъ окончательно разрѣшилъ споръ между „индивидуализмомъ“ и „коммунизмомъ“ въ пользу послѣдняго и такимъ образомъ удобрилъ почву для своего преемника — новѣйшаго періода рабочаго анархизма.

Послѣдній возникъ на Сѣверѣ Чехіи, среди горниковъ. Его рожденіе привѣтсвовала — „Omladina“, первый чешскій органъ рабочаго, коммунистическаго анархизма. „Novy Kult“, распростившійся со старымъ безплоднымъ „индивидуализмомъ“, сталъ его теоретическимъ преставителемъ. Въ октябрѣ 1903 года основана была „*Чешская Анархистская Федерація*“ Въ слѣдующемъ году ей на помощь пришли синдикальная „*Чешская федерація всѣхъ профессій*“ — рабочая организація типа французской Confédération Générale du Travail или нѣмецкой Algemeine Geverkschaftliche Federation. Организовались горняки, текстильники, въ этомъ году желѣзнодорожники. Анархизмъ снова сталъ сильно развиваться среди рабочихъ массъ, особенно на Сѣверѣ, несмотря на полицейскія преслѣдованія и с.-д. провокаціи. Все обстояло хорошо до Пражскаго съѣзда, послѣ котораго въ движеніи произошелъ расколъ и, что особенно важно, даже не на *принципіальной* почвѣ а изъ-за какихъ то личныхъ недоразумѣній; яблокомъ раздора оказался „синдикализмъ“. Въ результатѣ полное раздѣленіе, происшедшее на послѣднемъ пасхальномъ съѣздѣ. „Антисиндикалисты“ (оппозиція) демонстративно удалилась со съѣзда, не получивъ среди рабочихъ ни одного голоса „за“. Такимъ образомъ сейчасъ вся картина представляется въ слѣдующемъ видѣ. Съ одной стороны „анархисты синдикалисты“ съ „Kommun“ во главѣ (Vogryzek и Knotek) съ другой стороны *разноцвѣтная многоголовая* оппозиція съ двумя органами „Prace“ (Трудъ) и „Prima Acce“ (Прямое дѣйствіе) съ нѣсколькими представителями (Вербенскій, Каха, Корберъ), но безъ единаго рабочаго.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, такъ сказать à vole d'oiseau, исторія чешскаго движенія. Отдѣльные періоды и событія послѣдовательно будутъ разсмотрѣны въ дальнѣйшихъ статьяхъ.

H. Lanivé.

Прага 20. 908.

# Изъ исторіи соціализма въ Болгаріи.

Намъ, людямъ, воспитывавшимся въ продолженіе столькихъ лѣтъ въ почитаніи земныхъ и небесныхъ властелиновъ, трудно отбросить старыя традиціи и сужденія. Мы трусливо оглядываемся назадъ и боимся порвать съ прошлымъ. Вотъ почему анархизмъ — это полное отрицаніе всего стараго, этотъ могучій разрушитель всего того, съ чѣмъ мы свыклись съ самого дѣтства, не легко проникаетъ въ массы. Онъ требуетъ борцовъ, онъ ищетъ воиновъ, которые готовы дать все и ничего не получить взамѣнъ. Если люди были бы проницательнѣй и не твердили бы только о томъ, о чемъ учитъ исторія, внимательнѣе всматривались бы въ жизнь древнихъ и современныхъ народовъ, то навѣрно бы пришли къ убѣжденію, что виновата не форма, не виды общественныхъ группировокъ, а нѣчто болѣе глубокое — архія, власть. Европейскій пролетарій при своемъ громадномъ опытѣ долженъ бы былъ разувѣриться въ парламентаризмѣ, входящемъ въ программу всякой партіи, но не въ программу анархистскаго теченія; онъ бы понялъ, что и самый честный трибунъ, и самый честный современный король не можетъ создать счастіе цѣлой націи, такъ какъ только лично завоеванное и созданное счастіе есть залогъ прекрасной жизни. У болгарскаго же пролетаріата нѣтъ прошедшаго, нѣтъ историческаго опыта, потому что свою свободную жизнь онъ началъ всего какихъ нибудь 10—20 лѣтъ тому назадъ. Отъ самого своего зарожденія онъ попалъ подъ опеку соц.-дем. партіи, и вотъ, почему говоря о профессіональномъ движеніи въ Болгаріи, я долженъ обратиться къ вопросу о развитіи соціаль-демократіи. Исторія болгарскаго соціальдемократизма есть исторія профессіональнаго движенія въ Болгаріи.

Въ 1878 г. Болгарія была освобождена Россіей, которую толкала къ объявленію войны не столько платоническая любовь къ меньшему брату славянину, а нѣчто болѣе реальное. Послѣ нѣсколькихъ государственныхъ переворотовъ, Болгарія полная энергіи, пошла по пути развитія европейскихъ государствъ.

Въ 1891 г. началось зарожденіе соц.-демократіи. Понятно, что это была кучка интеллигентовъ. Самое желаніе попасть въ парламентъ заставило с.-д. широко отворить свои двери всѣмъ мелко-буржуазнымъ элементамъ, и дѣйствительно с.-д. партія имѣла необычайный успѣхъ: 7 депутатскихъ мѣстъ. Но не долго длилась побѣда. „Десятъкъ“ (десятина) — тяжелый поземельный законъ былъ уничтоженъ, начались урожаи и мелкое крестьянство отвернулось отъ с.-д., такъ что всѣ 7 депутатскихъ мѣстъ были потеряны. Почти десятилѣтній трудъ пошелъ прахомъ.

Въ это время незамѣтно подросталъ и укрѣплялся рабочій классъ Начали строить фабрики, заводы, образовались мастерскія, и гонимые нуждой рабочіе положили начало синдикатамъ и союзамъ. Это явленіе было замѣтно лишь съ 1899 г. Выразительницей рабочаго класса сдѣлалась соц.-дем. партія.

Въ началѣ 1903 г. въ рядахъ соц.-демократіи произошелъ расколъ. Образовалось два лагеря: „широкіе“ и „тѣсные“ (узкіе). Это повлекло расколъ и въ синдикатахъ и вообще въ средѣ рабочихъ. Различіе двухъ фракцій состоитъ въ томъ, что „широкіе“ — ревизіонисты — входятъ въ соглашеніе съ буржуазными партіями и занимаются общими дѣлами, касающимися всей націи, а „тѣсные“ — гедисты поддерживаютъ только классовую борьбу, считаютъ себя единственными марксистами, и не извѣстно почему, революціонерами. Отношеніе этихъ фракцій къ синдикатамъ вначалѣ было различно, но теперь онѣ обѣ относятся къ нимъ одинаково.

„Широкіе“ признавали прежде принципъ нейтральности рабочихъ союзовъ, но въ 1906 г. на конгрессѣ въ Филиппополѣ измѣнили тактику, и теперь у нихъ, какъ у „тѣсныхъ“, „рабочіе союзы опираются на тѣ же принципы, на которыхъ основывается и с.-д. партія, которая служитъ представительницею рабочихъ въ области политической борьбы“. Итакъ у насъ въ Болгаріи нѣтъ свободныхъ синдикатовъ, нѣтъ самостоятельнаго движенія рабочихъ.

Ненависть двухъ политическихъ соціалистическихъ фракцій перешла и къ рабочимъ, такъ напр. рабочіе „тѣсныхъ“ дѣлаются штрейкбрехерами, чтобы помѣшать „широкимъ“ выиграть стачку. Центральный комитетъ с.-д. есть альфа и омега всего. Ничто не рѣшается, не предпринимается безъ постановленія центральнаго комитета, централизмъ въ полной силѣ.

Этотъ централизмъ, хвалебная партійная дисциплина породила „тиранію“, „деспотизмъ“ „личный режимъ“, какъ тогда писали сами соціалисты, и все это свелось на новый расколъ въ рядахъ „тѣсныхъ“ соціаль-демократовъ. „Тѣсные“ распались на „консерваторовъ“ — старое ядро и „либераловъ“ или „пролетарціевъ“ *) новое теченіе. И такъ теперь въ Болгаріи есть цѣлыхъ три соц.-дем. партій: „широкіе“, „консерваторы“ и „пролетарціи.“

Что касается послѣднихъ, то они представляютъ собой кучку интеллигентовъ, да еще какой то синдикатъ въ полтора человѣка, и едва ли они сами знаютъ, чего хотятъ. Вышли они изъ рядовъ „революціонныхъ“ соціалистовъ „тѣсной“ фракціи, поддерживая какія то „пролетарскія теченія и принципы“, они старательно ухаживаютъ около „широкихъ“ для объединенія; широкіе же, по словамъ „тѣсныхъ“ не соціалисты, а *буржуа*.

Первый расколъ произошелъ въ началѣ 1903 г. а второй — въ концѣ 1905.

Интересно, что соціалисты всегда жестоко насъ, анархистовъ упрекаютъ въ дезорганизаціи и „анархіи“. Почему же въ такомъ случаѣ соціалисты за какихъ нибудь нѣсколько лѣтъ работы успѣли разбиться на три части? Куда дѣвались „партійная дисциплина“, „классовое сознаніе“ и общепринятые уставы? Нѣтъ господа! Не параграфы и дисциплина объединяютъ людей, а доброе желаніе. Если есть у насъ добрая воля, то мы можемъ все сдѣлать, а когда нѣтъ ея, то ни клятвы, ни уставы, ни программы не заставятъ людей работать вмѣстѣ.

*) Органъ ихъ — „Пролетарій“.

Неважно, что господа соціалисты трехъ фракцій прилагаютъ другъ къ другу самые жестокіе и оскорбительные эпитеты. Пусть себѣ они ругаются; но печально, что рабочіе теряютъ всякую самостоятельность, инициативу и попадаютъ въ положеніе безмолвныхъ пѣшекъ.

Всѣхъ организованныхъ рабочихъ по статистикѣ соціаль-демократовъ 12,000, но едва ли и сами соціалисты вѣритъ, что ихъ столько; это количество дѣлится на три части.

Есть союзы книгопечатниковъ, учителей, желѣзнодорожниковъ, телеграфно-почтовыхъ служащихъ, столяровъ и т. д., и каждый изъ этихъ союзовъ дѣлится на три фракціи*), а всѣ союзы одной фракціи образуютъ „общій рабочій синдикальный союзъ“, органъ котораго является вмѣстѣ съ тѣмъ политическимъ органомъ данной фракціи. Всѣ профессіональные органы, а ихъ видимо невидимо, редактируются корифеями фракцій.

Интересно до какой степени „революціонна“ болгарская с.-д. партія. Нашъ товарищъ Н. С., народный учитель, старался провести мысль, [что народный учитель это пролетарій, получающій 69 фр. въ мѣсяцъ, и въ качествѣ такого имѣетъ право на стачку. Онъ долженъ вмѣстѣ съ другими рабочими предпринимать общія выступленія противъ современнаго гнета. Нечего говорить, что всѣ нашли эту идею „абсурдной“, „дѣтской забавой“ и т. д. Во время громадной стачки желѣзнодорожниковъ 1 января 1907 г. учителя стали помогать деньгами забастовщикамъ. Если бы, по совѣту нашего товарища къ этой стачкѣ присоединилась и стачка народныхъ учителей, то это пробудило бы революціонный духъ и въ другихъ рабочихъ, и тогда правительство принуждено было бы уступить. Но, „дѣтская забава“ была отвергнута и послѣ стачки желѣзнодорожниковъ правительство преспокойно разрушило учительскій союзъ (самый сильный), попыталось конфисковать его кассу, повыгоняло почти всѣхъ учителей и учительницъ и создало законъ противъ стачекъ. Теперь послѣ краснорѣчиваго факта пораженія учительскаго союза „революціонеры-консерваторы“ еще продолжаютъ писать о нецѣлесообразности стачки и предостерегаютъ своихъ товарищей отъ „анархизма“, „авантюризма“.**) и т. д.

Вообще новыя вѣянія пугаютъ „истинныхъ революціонеровъ“. Они такъ ненавидятъ французскій революціонный синдикализмъ, что смѣшиваютъ его съ анархизмомъ и пугаютъ имъ рабочихъ. Сорель, Лагардель, Лабріола — это анархисты(!). Соціалисты боятся открыть глаза рабочимъ, которые могли бы послать къ черту всѣ ихъ три фракціи и начать устраивать свои внѣпартійные революціонные синдикаты.

Эту задачу остается выполнить намъ, анархистамъ. Пусть начнетъ мыслить болгарскій пролетарій! пусть разовьется чистое независимое, внѣпартійное, профессіональное, движеніе! Пусть девизъ „освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ“ перестанетъ быть лишь пустымъ звукомъ!

Если это такъ, если мы должны дать толчекъ развитію рабочаго движенія въ новомъ направленіи, то является вопросъ, какіе успѣхи сдѣлалъ анархизмъ въ Болгаріи, видны ли плоды его пропаганды? Увы, какъ ни печально, мы должны сознаться, что результаты пока еще ничтожны.

Вкратцѣ я дамъ очеркъ развитія анархической идеи у насъ.
Давно начали уже выходить книги по анархизму, но онѣ не оставляли никакого слѣда, такъ какъ не было никакой агитаціи. Многіе же анархисты, не находя возможнымъ дать выходъ своей энергіи уходили въ Македонію и въ вихрѣ борьбы искали удовлетворенія своей кипучей боевой натурѣ.

Одной изъ самыхъ дорогихъ потерь которую понесъ еще находящійся въ зародышѣ у насъ въ Болгаріи анархизмъ, былъ арестъ одного изъ нашихъ товарищей К. Тодорова. Я не могу не остановиться на немъ и не описать подробнѣе этого человѣка, съ хрустально чистой душой.

Сынъ офицера, самъ вначалѣ кадетъ, Костя былъ типичнымъ ребенкомъ буржуазной семьи, но и тогда онъ былъ откровеннымъ, любящей прежде всего правду. Когда его „я“ взбунтовалось противъ военщины, онъ не замедлилъ сбросить кадетскій мундиръ. Онъ не скоро сталъ анархистомъ. Костя много думалъ, спорилъ и, только когда увѣрился въ истинѣ этого ученія, предался ему, и уже всецѣло. Скоро, въ срединѣ 1905 г., Костя отправился въ Македонію, въ качествѣ повстанца. Когда же онъ вернулся обратно въ Софію, онъ не находилъ нужной для его натуры кипучей борьбы и рѣшилъ поѣхать въ Одессу.

Въ Одессѣ онъ не скоро нашелъ анархическую группу. Послѣ долгихъ поисковъ онъ всетаки сошелся съ одной гуппой, гдѣ — какъ пишетъ онъ мнѣ — нужно было уничтожить пагубный экспропріаторскій духъ, который сильно вредитъ анархическому дѣлу въ Одессѣ. Работы было много. Потихоньку все наладилось, были отпечатаны „захватнымъ правомъ“ прокламація объ актѣ Покотилова и объ экспропріаторахъ, прикрывающихся именемъ анархистовъ.

11 іюня 1906 г. Костя былъ арестованъ. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу: „Вечеромъ я легъ, положивъ подъ подушку „наганъ“ и „браунингъ“. Ночью почувствовалъ, что кто то схватилъ меня за горло. Открывъ глаза, я увидѣлъ массу полицейскихъ шпіоновъ и прочей сволочи. Одно мучительно, что я, какъ мокрая курица, былъ схваченъ, не имѣя возможности сопротивляться. 29 декабря с. г. онъ былъ осужденъ, какъ малолѣтній, къ 8-ми годамъ тюрьмы за храненіе бомбъ, револьверовъ и т. д. На его глазахъ были разстрѣляны наши товарищи Тарло и Матюшенко — матросъ съ „Потемкина“. Костя, или, какъ его называютъ товарищи Костя Черный, былъ вырванъ изъ нашихъ рядовъ. Мы же начали въ это время организовываться.

Въ концѣ 1906 г. въ Филиппополѣ и Разградѣ были образованы группы, цѣль которыхъ была издавать анархическую литературу. За послѣдніе 2 года вышли: „Русская революція“ „Анархія ея философія и идеалъ“ и „Анархическая мораль“ — Кропоткина, „Памяти Чикагскихъ мучениковъ — Илiашвили, „Послѣ революціи“ — Грава, „Эволюція и революція“ — Реклю, „Свободное воспитаніе“ — Домела Нювенгейса, „Жена рабыня“ Шоти и другіе брошюры, изданныя толстовцами.

Самымъ яркимъ моментомъ анархической пропаганды явилось изданіе нашего органа „Свободное Общество“. Въ самый разгаръ стачки желѣзнодорожниковъ, послѣ закрытія университета по поводу освистыванія князя студентами, за нѣсколько дней до убійства министра-президента Петкова мы рѣшили издавать газету, и выпускать ее два раза въ мѣсяцъ.

15 февраля 1907 г. вышелъ первый номеръ. Правительство стамбуловцевъ со своимъ штабомъ шпіоновъ спустя недѣлю начало искать анархистовъ, хотя всѣ хорошо знали, что убійца не имѣлъ понятія объ анархизмѣ, а дѣйствовалъ по внушенію одной буржуазной партіи. Начались аресты, обыски. Полиція просто разрывалась на части, чтобы найти несуществующій заговоръ. Всюду искали нашего редактора М. Герджикова (долголѣтній повстанецъ и одинъ изъ представителей македонскаго возстанія 1903 г. въ адріанопольскомъ вилайетѣ). Надо было издать и второй номеръ. Редакторъ скрывался въ одной квартирѣ, какъ разъ противъ дворца, а наши товарищи передъ самымъ носомъ полиціи шныряли съ корректурами выходящаго номера. Послѣ выхода его редакторъ былъ взятъ полиціей. „Свободное общество“ должно было прекратить свою жизнь.

Были изданы специальные законы противъ анархистовъ; военному суду была дана возможность въ мирное время судить ихъ. Тяжелые законы по печати еще до настоящаго времени мѣшаютъ намъ начать издавать снова „Свободное общество“. Недавно въ Варнѣ образовалась издательская группа „Индивидъ“.

Таково положеніе профессіональнаго, соц.-дем. и анархическаго движенія въ Болгаріи. Я не берусь предсказывать будущее. Qui vivra, verra.

Софія Ник. Ник.

## ИЗЪ РОССІИ.

### Казнь 11-го ноября 1906 года.

Въ Екатеринославѣ, за городомъ за монастырскимъ лѣсомъ начинается поле. На этомъ полѣ всегда происходятъ солдатскіе маневры, ученье и стрѣльба въ цѣль, и оно извѣстно въ городѣ подъ именемъ „Стрѣльбища“. Долгое время на стрѣльбищѣ стрѣляли только въ неодушевленныя мишени, 11-го ноября 1906-го года оно обагрилось человѣческой кровью — кровью трехъ товарищей рабочихъ анархистовъ.

Привели ихъ туда въ седьмомъ часу утра, подъ конвоемъ, изъ четвертаго участка — застѣнка. Поставили ихъ къ тремъ столбамъ, привязавъ веревками, а возлѣ столбовъ вырыли ямы. Раздалась команда, солдаты прицѣлились и выстрѣлили въ живую мишень..., и скошенные пулями товарищи, были свалены въ заранѣе приготовленныя ямы. Быстро солдаты насыпали ямы, сравнивъ ихъ съ землею.

Вокругъ не было ни одного дружескаго лица... Смущенные солдаты, попъ, злорадно разсказывавшій послѣ, что самый здоровый изъ товарищей Яша Коноплевъ будто почувствовалъ физическую слабость и въ послѣднія минуты не могъ стоять на ногахъ, при-

*) Около праздничнаго отдыха народныхъ учителей и „совмѣстные учительскіе акціи“. (нх. пор.) „Новое Врѣме“ № и 1906 г.

**) Такъ напримѣръ учительскій союзъ дѣлится на буржуазные союзы и на три соціаль-демократическіе съ органами „Сознаніе“ „Работническа борьба“ и „Работническа Искра“ т. е. „широкіе“ „консерваторы“ и пролетарцы“.

бавлявшій при этомъ: „собакамъ — собачья смерть", да шпіонъ Чернявскій, на котораго раньше неудачно покушались товарищи Митя и Олекъ, и который досталъ себѣ разрѣшеніе присутствовать на ихъ казни, гдѣ все время издѣвался надъ безоружными врагами, приговаривая: „Стрѣляйте въ меня теперь!"

На другой день утромъ, сестра Мити, которой обѣщали еще одно свиданіе съ братомъ, пришла въ четвертый участокъ. Дежурный помощникъ пристава небрежно крикнулъ ей: „Къ Гаинскому?!... Э, голубушка, опоздала! твоего брата уже казнили!"

Она попросила отдать ей вещи брата, но ей отказали, и она ушла. Она знала, гдѣ должны были разстрѣлять брата, и пошла на стрѣльбище. Тамъ нашла она лужи крови, Яшинъ поясъ да чьи-то зубы... Еще наканунѣ она видѣлась съ братомъ. Видѣла шрамы, слѣды побоевъ на его лицѣ. А когда она дала околодочному, чтобъ задобрить его, рубль, и онъ сказалъ: „вотъ завтра еще прійдете на свиданіе", Митя перебилъ его словами: „Не вѣрь этимъ гадамъ! Завтра насъ уже не будетъ въ живыхъ!"

Товарищи были арестованы 3-го ноября. Они возвращались изъ города на Амуръ, по неосторожности не захвативъ съ собой достаточнаго запаса патроновъ, а бывшіе у нихъ съ собой были разстрѣляны ими въ городѣ на неудачномъ дѣлѣ. Переправлялись они черезъ Днѣпръ на пароходикѣ „Пиратъ". Но на Амурѣ,-на пристани, пароходъ ожидали полиція и стражники для поголовнаго обыска. У Яши оставался всего одинъ зарядъ, и, когда стражникъ подошелъ къ нему со словами: „руки вверхъ!", Яша хладнокровно отвѣтилъ: „Кому руки, а кому и ноги вверхъ", выхватилъ браунингъ и спустилъ курокъ. Стражникъ упалъ, обливаясь кровью. Но это былъ послѣдній зарядъ. Спасенья не было. Олекъ бросился въ воду; но берегъ былъ занятъ полиціей, а держаться долго на водѣ было невозможно. Онъ предпочелъ погибнуть вмѣстѣ съ товарищами, чѣмъ отдѣльно, и отдался въ руки полиціи.

Это было въ эпоху военно-полевыхъ судовъ, и товарищи хорошо знали, что они погибли. Всѣ они назвали себя. Митя и Олекъ разыскивались по дѣлу о покушеніяхъ въ Бѣлостокѣ и Екатеринославѣ, и терять имъ было нечего... Яша былъ почти легальный. Въ суматохѣ полиція не замѣтила, кто стрѣлялъ въ стражника, и Митя, думая спасти Яшу, взялъ дѣло на себя. Но Яшу обвинили въ одномъ, имѣвшемъ недавно мѣсто, покушеніи на шпіона (хотя его во время этого покушенія даже не было въ Екатеринославѣ), — и всѣ трое были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Съ начала ареста ихъ нѣсколько дней продержали въ Амурскомъ участкѣ, гдѣ страшными побоями хотѣли ихъ заставить выдать товарищей. Больше всѣхъ досталось Олеку. Онъ еще раньше былъ замѣченъ Амурской полиціей, и она вымѣщала на немъ свою злобу. „Самого злодѣя, Олека поймали" говорила мѣстная полиція обывателямъ.

Потомъ ихъ повели въ городъ подъ „охраной" двадцати казаковъ. Случайно одна дѣвушка-товарищъ сдѣлалась свидѣтельницей этого скорбнаго пути. Всю дорогу черезъ мостъ (верста съ четвертью), казаки нещадно били ихъ прикладами, приговаривая: „что, больно?!" Лица товарищей были блѣдны, измучены, но они молчали подъ ударами. На встрѣчу имъ попался какой-то старикъ-нищій. Онъ всталъ на колѣни и началъ вслухъ молиться: Слава тебѣ, Господи! разбойниковъ поймали!"

Изъ одного застѣнка товарищи попали въ другой — городской четвертый участокъ. Тамъ ихъ ждали новые палачи и новые побои, Но тщетны были старанія полиціи: Товарищи гордо молчали.

---

Всѣ три казненныхъ товарища были рабочіе

**Яковъ Коноплевъ** былъ мѣстный рабочій, сварщикъ Амурскаго завода Ланге. Сначала онъ былъ с.-р., потомъ, со времени массовокъ лѣта 1905 г., сдѣлался анархистомъ. Въ октябрьскую забастовку онъ вмѣстѣ съ другими товарищами былъ на баррикадахъ, въ погромъ — участвовалъ въ самооборонѣ. Съ конца октября онъ вмѣстѣ съ Ѳ. Зубаремъ, беретъ на себя роль „лаборанта" — приготовленіе и пробу бомбъ. Въ январѣ, Яша ѣдетъ на террористическій съѣздъ, организованный товарищемъ Стригой, гдѣ берется за совершеніе крупнаго акта, но, за неимѣніемъ средствъ, не можетъ выполнить его. Въ февралѣ, послѣ ареста Ѳедосѣя, имѣя основаніе бояться за себя, онъ покидаетъ Екатеринославъ и ѣдетъ въ Одессу, гдѣ и работаетъ въ пересыпской рабочей группѣ. Онъ принимаетъ участіе въ нѣсколькихъ экспропріаціяхъ — между прочимъ, въ экспропріаціи сборщика казенныхъ винныхъ завокъ въ Екатеринославѣ, въ апрѣлѣ 1906 г. Затѣмъ онъ возвращается опять въ Одессу и принимаетъ участіе въ убійствѣ знаменитаго шпіона Лопатина. Вскорѣ его арестовываютъ, и за принадлежность къ группѣ а.-к. подъ именемъ Федора Яковенко административно ссылаютъ на 5 лѣтъ въ Архангельскую губ. Тамъ онъ издаетъ на гектографѣ и распространяетъ анархистскую прокламацію, слѣдствіемъ чего явилось распоряженіе перевести анархистовъ изъ Архангельска въ Туруханскій край. Яша не сталъ дожидаться этого перевода. Онъ досталъ немного денегъ и вмѣсто Туруханска пріѣхалъ въ октябрѣ въ Екатеринославъ. Но не долго ему пришлось поработать въ родномъ городѣ. Недѣли двѣ спустя по пріѣздѣ онъ былъ арестованъ, а еще недѣлю спустя — казненъ по приговору военно-полевого суда, казненъ на 22 году жизни.

---

**Леонардъ Чернецкій** *(Олекъ)* — тоже изъ окрестностей Екатеринослава — изъ Каменскаго. Олекъ сынъ рабочаго Каменскаго завода. Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ достаетъ гдѣ-то револьверъ и стрѣляетъ въ мастера завода, оскорбившаго его отца. Позднѣе, онъ работаетъ (въ качествѣ помощника слесаря) на томъ же заводѣ. 18-ти лѣтъ онъ становится с.-д., но не долго остается въ ихъ рядахъ. Въ октябрѣ и декабрѣ 1905 года анархисты проводятъ въ Каменскомъ массовки; Олекъ попадаетъ на нихъ и вскорѣ объявляетъ себя анархистомъ. Въ концѣ января Олекъ стрѣляетъ въ мастера завода и ранитъ его. Онъ замѣченъ, но ему удается скрыться. Пріѣзжаетъ онъ въ Екатеринославъ. Олекъ былъ массовой рабочій, малосознательный и любящій выпить; но какъ нелегальнаго, которому грозила казнь и котораго приходилось скрывать, его поневолѣ пришлось приблизить къ группѣ. Вскорѣ онъ поѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ стрѣлялъ въ шпіона и бросилъ бомбу въ одинъ магазинъ, гдѣ на требованіе анархистами приготовить деньги, — приготовили полицейскую засаду. Послѣ этого онъ ѣдетъ въ Бѣлостокъ, гдѣ стрѣляетъ въ полиціймейстера и въ охранника Шеймана. Въ половинѣ апрѣля онъ возвращается въ Екатеринославъ. 18 апрѣля принимаетъ участіе въ экспропріаціи сборщика казенныхъ винныхъ лавокъ, а 27-го онъ ѣдетъ въ Каменское „свести старые счеты". Тамъ онъ стрѣляетъ въ трехъ городовыхъ, извѣстныхъ избіеніями арестованныхъ, убиваетъ одного изъ нихъ и ранитъ двухъ другихъ. На другой день онъ едва не былъ случайно арестованъ въ Екатеринославѣ. Въ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была устроена облава. У него потребовали паспортъ, но онъ вмѣсто паспорта выхватилъ браунингъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ пришедшаго на обыскъ помощника пристава (начальника казачьяго отряда), тяжело ранилъ его и, воспользовавшись происшедшей паникой, бросился къ двери и благополучно скрылся. Въ іюлѣ, его арестовываютъ, но въ сентябрѣ ему удается бѣжать изъ участка, прежде чѣмъ полиція установила его личность. Послѣ побѣга онъ уѣзжаетъ за границу (въ Австрію), — но не на долго. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ онъ возвращается въ Екатеринославъ, на Амуръ. Въ это время была стачка служащихъ на пароходикахъ, перевозящихъ пассажировъ черезъ Днѣпръ. Олекъ, не долго думая, съ бомбой и браунингомъ, отправляется къ хозяевамъ пароходиковъ и заявляетъ имъ, что онъ, анархистъ, требуетъ, чтобъ рабочіе были удовлетворены, угрожая въ противномъ случаѣ взорвать хозяевъ и пароходики. Эта забастовка продолжалась не долго. Олекъ въ продолженіе ея все время вставалъ утромъ, часа въ четыре-пять, бралъ свой браунингъ и бомбу, не умываясь, „я въ Днѣпрѣ умоюсь", бѣжалъ на берегъ Днѣпра, гдѣ стоятъ пароходики, дабы помѣшать хозяевамъ пустить ихъ въ ходъ, не удовлетворивъ требованій рабочихъ. Хозяева, испуганные внезапными его появленіями то возлѣ пароходиковъ, то у нихъ на дому, поспѣшили уступить требованіямъ служащихъ. „Итакъ, Олекъ выигралъ забастовку" — смѣясь говорили товарищи на Амурѣ. Въ октябрѣ онъ участвуетъ въ убійствѣ околодочнаго и городового на Амурѣ и стрѣляетъ въ нѣсколькихъ шпиковъ. А въ началѣ ноября онъ арестованъ и преданъ военно-полевому суду. Съ безпокойствомъ спрашивали себя товарищи, выдержитъ ли онъ побои и перспективу смертной казни. Его безумную храбрость знали всѣ. Но также хорошо знали и то, какъ по мальчишески онъ себя велъ, какъ мало онъ былъ серьезенъ, какъ мало онъ былъ человѣкомъ идеи. Рабочіе мѣтко характеризовали это отсутствіе идейности въ немъ. „какой онъ анархистъ? онъ просто любитъ стрѣлять!" Однако, на этотъ разъ товарищи напрасно сомнѣвались въ немъ. Онъ остался храбръ до конца; молча гордо снесъ онъ побои и умеръ героемъ.

---

**Янъ Гаинскій** (Митя) — бѣлосточанинъ, слесарь съ завода Вечорека. Онъ былъ истымъ „фабричнымъ" пьющимъ и буяномъ; но онъ былъ слишкомъ глубокой натурой, и скоро удаль его приняла другое направленіе. Партійная пропаганда коснулась его. Сначала онъ былъ соц.-дем. Но отрицательное отношеніе соціальдемократіи къ террору скоро его оттолкнуло отъ нея. Рабская психологія была чужда ему, сносить обидъ онъ не умѣлъ. И скоро онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по заводу, позднѣе его неразлучнымъ другомъ — А. Нижборскимъ ушелъ отъ с.-д.

и примкнулъ къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ. Въ это время началась забастовка на заводѣ Вечорека. Продолжалась она двѣ недѣли. Вечорекъ упорствовалъ, бастующіе рабочіе голодали. И вотъ Митя съ Антекомъ достаютъ по бомбѣ-македонкѣ и бросаютъ ихъ въ квартиру фабриканта. Вечорека не оказалось дома, взрывомъ была опустошена обстановка, и ранена взрослая дочь Вечорека. Бѣлостокская группа выпустила листокъ, освѣщающій покушеніе. Это было въ концѣ декабря 1904 года, — еще до революціонной волны, прокатившейся по всей Россіи и породившей столько террористическихъ актовъ. Актъ Мити и Антека стоитъ особнякомъ; онъ — одна изъ первыхъ ласточекъ экономическаго террора въ Россіи.

Митя и Антекъ скрылись, но были замѣчены и принуждены были перейти на нелегальное положеніе.

Въ этотъ же періодъ жизни Мити въ Бѣлостокѣ онъ стрѣляетъ въ шпіона. Разсказывалъ онъ также, какъ около этого времени ему случилось убить одного солдата. Какъ то разъ онъ началъ агитировать публику въ одномъ кабачкѣ, куда зашелъ обогрѣться. Среди публики былъ одинъ солдатъ, который возмутился Митиными рѣчами и заявилъ, что пойдетъ донести полиціи. Митя всталъ и вышелъ изъ кабака. Солдатъ пошелъ за нимъ. Митя свернулъ на пустынную улицу, схватилъ солдата, повалилъ его на землю и уже занесъ было кинжалъ — но солдатъ просилъ пощадить его. Митя пустилъ его и хотѣлъ итти, какъ вдругъ оглянулся и увидалъ, что солдатъ цѣлится въ него. Митя быстро подскочилъ къ нему и ударомъ кинжала въ шею, возлѣ затылка, замертво повалилъ его на землю. „Пяти секундъ не дыхалъ", прибавлялъ Митя со своимъ польскимъ акцентомъ, разсказывая этотъ эпизодъ.

Опасно было оставаться Митѣ въ Бѣлостокѣ, и лѣтомъ 1905 года онъ уѣзжаетъ сначала въ Кіевъ, а потомъ въ Екатеринославъ. Въ октябрьскую забастовку, онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами былъ на баррикадахъ, а въ концѣ октября онъ уѣзжаетъ за границу въ Львовъ. Во Львовѣ ему пришлось наблюдать „заграничную забастовку", которая глубоко его поражаетъ и возмущаетъ. Онъ думалъ, что произойдутъ демонстраціи, но вмѣсто всякихъ демонстрацій, рабочіе мирно пошли въ театръ, по безплатнымъ билетамъ, любезно предложеннымъ бастующимъ рабочимъ ихъ-же хозяевами. Какая разница съ забастовкой у Вечорека!... Митя не могъ перенести заграничной жизни. Въ декабрѣ онъ беретъ съ собой транспортъ литературы и ѣдетъ въ Россію. Декабрьская забастовка захватила его съ литературой въ пути. Линіи желѣзныхъ дорогъ перешли уже изъ рукъ рабочихъ въ руки правительства. Но Митя находитъ способъ проѣхать и отвезти литературу. Онъ, переодѣвшись солдатомъ, садится въ воинскій поѣздъ и пріѣзжаетъ въ Екатеринославъ *). Общее изумленіе и восторгъ товарищей встрѣтили его въ Екатеринославѣ. Но не долго пришлось ему пробыть тамъ. 24-го декабря его спящаго, арестовываютъ на одной квартирѣ и административно приговариваютъ къ трехмѣсячному аресту за ношеніе оружія. Митя неустанно работаетъ для побѣга. Но время идетъ, и возможности бѣжать не предвидится. Онъ говорилъ послѣ, что совсѣмъ уже началъ падать духомъ: „пройдетъ три мѣсяца, потомъ по „фальшивкѣ" этапомъ отправятъ на „родину", тамъ установятъ личность, а потомъ... веревка". Но счастье улыбнулось ему. Изъ тюрьмы его перевели въ деревянные „бараки". Здѣсь онъ забрался въ заброшенное отхожее мѣсто мѣсто и перочиннымъ ножикомъ сталъ прорѣзывать себѣ дыру въ стѣнкѣ. Работать приходилось поспѣшно — замѣтятъ его отсутствіе, и все пропало. А тутъ еще крестьяне-аграрники стучатъ въ стѣнку: „ишь какъ крысы расходились". Приходилось пріостанавливать работу, чтобы не выдать себя, и эта исторія повторялась нѣсколько разъ. Наконецъ, дыра готова, и въ 4 часа дня онъ бѣжитъ, пройдя подъ носомъ часового въ арестантскихъ котахъ. Это было въ концѣ февраля. Черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга онъ принимаетъ участіе въ экспропріаціи кассира Гураріи, а потомъ уѣзжаетъ въ Бѣлостокъ.

Въ Бѣлостокѣ онъ принимаетъ участіе въ нѣсколькихъ неудачныхъ экспропріаціяхъ, во время одной убиваетъ поднявшаго тревогу буржуа. Потомъ онъ вмѣстѣ съ Антекомъ и Олекомъ убиваетъ охранника Шеймана. Вскорѣ онъ „сводитъ старые счеты" — убиваетъ мастера съ завода Вечорека. Вотъ какъ онъ разсказывалъ самъ объ этомъ покушеніи: „Я выслѣживалъ его долго. Наконецъ встрѣчаю. Прицѣлился, выстрѣлилъ въ него разъ—смотрю: идетъ. Выстрѣлилъ еще разъ — не падаетъ. Тогда я совсѣмъ близко подбѣжалъ къ нему и опять выстрѣлилъ,— смотрю: падаетъ, а когда онъ упалъ, то я ему еще пять пуль пустилъ".

Въ концѣ апрѣля Митя ѣдетъ въ Екатеринославъ и отвозитъ туда литературу — брошюру Кропоткина „Представительное правленіе", изданную Бѣлостокской Группой. 12 мая, близъ пароходной пристани на Амурѣ, Митю, Антека и одного безоружнаго товарища хотѣли задержать шпіоны и городовые во главѣ съ околодочнымъ Мальченко (нынѣ убитъ анархистомъ). Произошла взаимная, безрезультатная перестрѣлка. Всѣ три товарища, отстрѣливаясь, вбѣжали въ поселокъ и благополучно скрылись.

Лѣто Митя проводитъ въ Екатеринославѣ, только разъ не надолго ѣздилъ по дѣлу въ Ялту. Въ теченіе лѣта онъ покушается на директора завода Эзау (ранитъ его) и убиваетъ шпика на Амурѣ. 26-го іюля участвуетъ въ знаменитомъ чечелевскомъ отстрѣлѣ, 5-го августа — въ похищеніи изъ больницы П. Гольмана, 20 го — въ экспропріаціи въ Казенной Палатѣ, во время которой при перестрѣлкѣ съ полиціей погибъ его лучшій другъ — Антекъ. Въ сентябрѣ онъ съ Олекомъ уѣзжаетъ въ Австрію, но скоро опять возвращается обратно. Въ октябрѣ, онъ вмѣстѣ съ другими товарищами убиваетъ средь бѣла дня околодочнаго и городового на Амурѣ и участвуетъ въ нападеніи на квартиру шпіона Чернявскаго. 3-го ноября 1906 года онъ арестованъ и 11-го — казненъ.

Митя пользовался большимъ уваженіемъ товарищей. Онъ былъ „товарищемъ, бросившимъ бомбу" въ то время, когда это еще казалось необыкновеннымъ. *Нелегальный, которому грозила смертная казнь, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ арестованъ*—онъ всегда былъ впереди на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Ни на минуту онъ не хотѣлъ оставаться безполезнымъ балластомъ въ группѣ. Пропагандой онъ заниматься не могъ. И онъ считалъ своимъ *долгомъ* совершать террористическіе акты и добывать средства для группы. Предпринимала ли группа экспропріацію, готовила ли побѣгъ товарища, нуженъ ли былъ просто вооруженный „патруль" на массовкѣ — Митя всегда предлагалъ свои услуги. Не брезгалъ онъ и скромной работой. Никогда не позволялъ онъ себѣ ѣздить „съ пустыми руками". Онъ, „смертникъ", всегда бралъ съ собой отвезти литературу.

Но вѣчно тревожная жизнь нелегальнаго, лишенія сопряженныя съ нею, постоянное ожиданіе ареста и смертной казни, подкосили подъ конецъ его моральныя и физическія силы. Въ послѣднее время своей жизни Митя сильно опустился, вернулся къ прежнимъ привычкамъ. Онъ сталъ пить, харкалъ кровью — и опять пилъ... Когда товарищи говорили ему: „Митя! что ты дѣлаешь! Вѣдь ты же губишь себя!", — печально смотрѣли съ похудѣвшаго лица его глубокіе черные бархатные глаза, и онъ мрачно отвѣчалъ: „все равно, долго жить не придется! все равно пропадешь, какъ собака!" Въ Екатеринославѣ начались страшныя репрессіи, товарищи совѣтовали ему уѣхать. — „Куда поѣдешь?... отъ веревки не уйдешь!" Но онъ ошибся. Отъ веревки онъ ушелъ; не веревка положила конецъ его днямъ, а солдатская пуля.

Екатеринославскій анархистъ.

---

**Екатеринославъ.** Пропагандистская работа, веденіе кружковъ въ послѣднее время на время пріостановились. Всю же зиму а.-к. дѣятельно вели агитацію, устраивая собранія, распространяя литературу среди городскихъ рабочихъ, ремесленниковъ, профессіональныхъ союзовъ. За это время нашей организаціей были распространены нѣкоторыя легальныя анархическія изданія и привезенныя изъ за границы брошюры „объ Амстердамскомъ конгрессѣ", №№ 8 и 9 „Буревѣстника" и № 1 „Анархиста". Нашу литературу рабочіе читаютъ съ интересомъ и живо интересуются вопросами теоріи и практики Анархическаго Коммунизма.

Изъ террористическихъ актовъ, совершенныхъ нашей группой, отмѣтимъ убійство двумя анархистами завѣдующаго конной стражей, полицейскаго надзирателя *Мрачека*, оба стрѣлявшіе скрылись. Это былъ актъ мести со стороны анархистовъ извѣстному предателю и палачу, истязателю рабочаго люда.

Рабочее населеніе предмѣстья Чечелевки встрѣтило этотъ актъ съ большою радостью, всѣ ненавидѣли этого полицейскаго.

Другое покушеніе совершено было на Амурѣ. Опасно раненъ рабочимъ анархистомъ мастеръ завода „Шодуаръ и Ко" *Вечорскій*. Стрѣлявшій тоже скрылся. Были и еще мелкіе террористическіе акты, такъ напр. въ городѣ ранили одного извѣстнаго шпіона. Изъ вооруженныхъ сопротивленій отмѣтимъ нѣсколько. Такъ, во время одного анархисты, стрѣляя изъ маузера и браунинга, заставили полицію отступить и благополучно скрылись.

Недавно мы потеряли убитымъ активнаго работника *Степана Пильченко* во время вооруженнаго сопротивленія. Онъ въ свою очередь стрѣлялъ и ранилъ шпіона. Степанъ, о которомъ мы составимъ некрологъ и пришлемъ вамъ, былъ участникомъ еще другой перестрѣлки, былъ при взятіи захватнымъ правомъ въ типографіи Яковлева пишущей машины и также при убійствѣ Мрачека.

---

*) Онъ попросился у солдатъ проѣхать съ ними до Екатеринослава, говоря, что у него нѣтъ денегъ и что въ Екатеринославѣ у него есть родные. Солдаты не отказали, а еще предложили ему, кто шинель, кто запасную фуражку (въ вольномъ платьѣ ѣхать нельзя было) и кромѣ того объясняли, что нужно отвѣчать офицеру, если онъ что либо спроситъ у него и какъ нужно держаться передъ начальствомъ. Все это онъ продѣлалъ, какъ слѣдуетъ.

Самое послѣднее вооруженное сопротивленіе имѣло мѣсто на дняхъ на Амурѣ. Въ аптекѣ Лещинскаго была полиціей устроена засада. Когда туда пришелъ анархистъ, его пытались арестовать... Онъ открылъ стрѣльбу. Съ улицы подоспѣли еще два товарища, проходившіе случайно. Въ результатѣ этой перестрѣлки былъ раненъ шпіонъ, и убито два стражника. Одинъ товарищъ, раненый 8 пулями, скрылся на одной квартирѣ; но по кровавому слѣду его нашла полиція. Его, больного, истекающаго кровью, привели въ Амурскій участокъ, гдѣ жестоко истязали. Вотъ всѣ факты, происшедшіе за эти мѣсяцы.

Въ послѣднее время группа обогатилась оружіемъ, ...работа ея тормозилась частыми арестами и провалами. Въ тюрьмѣ теперь болѣе 100 „групповиковъ", да еще много сочувствующихъ. Недавно тамъ былъ бунтъ, войска стрѣляли въ заключенныхъ. Многіе товарищи осуждены уже, другіе же ожидаютъ разбора дѣла. Такъ въ апрѣлѣ состоится рядъ процесовъ въ военно-окуужномъ судѣ, нѣкоторымъ грозитъ казнь.

Въ послѣднее время мы получили свѣденіе изъ ст. Гришино, гдѣ работаютъ анархисты — что тамъ ими взорвана квартира жандарміского ротмистра. Онъ, къ сожалѣнію, уцѣлѣлъ. Раньше же здѣсь убитъ жандармскій вахтмистръ. По поводу этого акта группа выпустила заявленіе.

N.

---

**Екатеринославъ.** (май 1-22). Несмотря на реакцію, общій кризисъ и хроническую безработицу, Екатеринославская организація Раб. А.-К. продолжаетъ весь 1908 г. свою дѣятельность. Приходиться преодолѣвать массу препятствій. Благодаря репрессіямъ, бдительности полиціи невозможна массовая работа, и отъ этого страдаетъ все парализованное, выбитое изъ колеи движеніе.

Ограничиваемся устной пропагандой; кружки плохо функціонируютъ. Литературы легальной не хватаетъ, а женевской совсѣмъ капля въ морѣ. Правда, среди рабочихъ хорошо распространили №№ 6-7,8 „Буревѣстника",брошюру Н. Рогдаева о Амстердамскомъ конгрессѣ, но всего этого не достаточно, № 9-го было немного, а № 10-го и совсѣмъ еще нѣтъ.

А связи растутъ; со всѣхъ концовъ Юга Россіи обращаются рабочіе, съ просьбой о литературѣ, листкахъ. Нужны и пропагандисты въ провинцію. Существуютъ анархическія группы въ Гуляй-Полѣ, Гришинѣ, Александровскѣ, Енакіевѣ, Луганскѣ и др. Наша организація напрягала всю энергію, чтобы обзавестись своей собственной типографіей. Съ этою цѣлью зимой анархисты, вооружиные револьверами захватили въ типографіи Яковлева печатный станокъ. Но оранизація не имѣла средствъ, вся дѣятельность ея парализовалась однимъ предпріятіемъ, требовавшимъ много силъ, работы, энергіи. Устроена была „летучка" — лабораторія, сфабрикованы адскія машины, разрывныя бомбы.

Заготовлено оружіе. Всѣ „групповцы" вооружены маузерами, браунингами и револьверами новыхъ системъ. Эта часть дѣятельности разстраивала общеорганизаціонную работу...

Событіе 29-го апрѣля въ тюрьмѣ, было для насъ неожиданностью, какъ дикая гроза, въ тихій, ясный день.

Не хотѣлось вѣрить...

Нѣкоторые предполагали „ужъ не провокація-ли?", вѣдь передъ этимъ было такъ много проваловъ, особенно въ связи съ ликвидаціей „Боевой Интернаціональной Группы Анархистовъ-Коммунистовъ". По ея дѣлу взято 75 лицъ въ разныхъ городахъ имперіи, какъ то: Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Черкасы... Въ Екатеринославѣ было арестовано 15 человѣкъ, которыхъ будетъ судить сессія одесскаго военно-окружного суда въ іюнѣ 1908 года. По дѣлу Б. И. Г. А.-К. сюда пріѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій при мин. вн. дѣлъ изъ СПБ. Онъ самъ пытался вести дознаніе. Носились даже одно время слухи, что этотъ процессъ (Б. И. Г. А.-К). состоится въ Питерѣ. Всѣ аресты, несомнѣнно, были въ связи съ ловкой провокаціей, и они не коснулись только нашихъ районныхъ группъ. Потому то кругомъ царила подозрительность, росло недовѣріе.

Такъ и съ тюрьмой. За нѣсколько дней до кровавой драмы былъ арестованъ одинъ бѣглый арестантъ, у котораго нашли письмо, въ которомъ были намеки на предстоящій побѣгъ и на помощь извнѣ „картошками". Это всполошило власти. Они оцѣпили тюрьму, произвели два раза „тщательный" обыскъ... Но увы! ничего не обнаружили. А черезъ 3-4 дня анархистъ *Яковъ Нагорный* и другіе товарищи, осужденные на казнь дѣлаютъ попытку побѣга. Взрываютъ снарядъ. Отстрѣливаются изъ двухъ револьверовъ. Произведеннымъ позднѣе обыскомъ обнаружено въ камерѣ № 12: 6 капсюль гремучей ртути, 4 паспорта, 1 бомба. Побѣгъ Нагорнаго и др. былъ неожиданностью и для группы, и даже для многихъ заключенныхъ. Подробности бойни, послѣдовавшей вслѣдъ за неудачей, постигшей бѣглецовъ — вы уже знаете.

Мѣстная организація по этому поводу выпустила прокламацію „Къ рабочему люду" въ которой призываетъ къ мести за павшихъ товарищей.

18-го мая анархисты сдѣлали первую попытку отомстить палачамъ. Въ буржуазный отель-ресторанъ „Франція" пріѣхала дѣвушка и заняла номеръ, черезъ 15-20 минутъ по ея уходѣ раздался тамъ сильный взрывъ, опустошившій обстановку двухъ комнатъ и выбившій стекла дома.

Прибыла полиція, жандармская власть, наконецъ самъ губернаторъ. Нашли въ чемоданѣ адскую машину, которую артиллеристъ офицеръ успѣлъ разрядить за 4-5 минутъ до долженствовавшаго послѣдовать взрыва.

Счастливая случайность спасла губернатора, полицію и буржуазныхъ обитателей гостинницы, иначе они всѣ взлетѣли бы на воздухъ, ибо снарядъ имѣлъ около $^1/_2$ пуда динамита. Реакціонная газета „Русская Правда" вполнѣ поняла „ужасный замыселъ", который уничтожилъ бы не одинъ десятокъ властъ и капиталъ имущихъ. Подобные акты ранѣе совершались вѣдь удачно анархистами др. мѣстъ (напр. въ Тифлисѣ и Севастополѣ).

Теперь идутъ аресты, обыски. Ищутъ нити „заговора". Изъ недавнихъ террористическихъ покушеній укажемъ на слѣдующіе, совершенные въ маѣ мѣсяцѣ анархистами. Убитъ на ст. Синельниково монтеръ ж. дор. мастерскихъ. Раненъ въ Нижне-Днѣпровскѣ шпіонъ, убитъ другой на Чечелевкѣ. Наконецъ на Амурѣ застрѣленъ провокаторъ ;10-го мая два рабочіе а.-к. разстрѣляли на базарѣ въ Нижне-Днѣпровскѣ жандарскаго вахмистра *Ватца*, 13-го тамъ же убитъ бывшій стражникъ, шпіонъ *Гавріилъ Литвиновъ*. Всѣ эти акты, плюсъ, „экспропріація" неизвѣстными 30,000 рублей сильно всполошили мѣстныя власти.

„Опять началась Анархія" говорятъ они. Начались облавы и аресты.

А губернаторъ, и К° хвастались, что анархія уже истреблена, что въ Екатеринославѣ не осталось уже анархистовъ.

А тутъ еще листки а.-к. не даютъ имъ покою... Всюду полицейскіе ведутъ розыски, дознанія.

Но все напрасно...

С.

---

## Рабочій маршъ *).

*Друзья! Довольно слезъ и стоновъ!*
*Довольно! всѣ мы въ бой пойдемъ!*
*И смѣло, дружно, непреклонно*
*Старый строй мы разобьемъ.*
*Намъ все равно... нѣтъ больше силъ*
*Такъ жить, сносить ярмо невзгодъ,*
*Намъ, право, легче мракъ могилъ,*
*Чѣмъ эта жизнь, чѣмъ этотъ стонъ и гнетъ.*
*Мы много жили, долго ждали*
*Давили насъ и Власть и Капиталъ,*
*Побои, голодъ — все сносили,*
*Теперь довольно! часъ насталъ.*
*Во имя равенства и братства,*
*Мы всѣ оковы разобьемъ!*
*Довольно лжи, довольно рабства,*
*Мы пѣснь Свободы запоемъ.*
*Свою мы долю въ жизни новой*
*Свободной жизнью обновимъ,*
*За свой удѣлъ, въ борьбѣ суровой,*
*Мы иль умремъ, иль побѣдимъ!*
*Впередъ, друзья, впередъ безъ страха,*
*Низвергнемъ гнетъ, исчезнетъ тьма.*
*Не страшны намъ ни смерть, ни плаха,*
*Не страшны пытка и тюрьма.*

*) Написанъ Екатеринославскимъ товарищемъ-рабочимъ.

## Кровавая бойня въ екатеринославской тюрьмѣ

(Письмо заключеннаго)

Было часъ дня послѣ обѣда. Все было тихо, какъ всегда, только каждые полчаса раздавался звонокъ, означающій конецъ прогулки. Въ камерахъ въ это время шли обычные разговоры. Надо замѣтить что въ тюрьмѣ сидятъ вмѣстѣ, какъ уголовные, такъ и уголовно-политическіе. Одна изъ камеръ № 10 во время прогулки рѣшила взорвать стѣну тюремной ограды. Съ этой цѣлью арестанты начали выносить во дворъ тюфяки, въ одномъ изъ нихъ, принесенномъ политическимъ заключеннымъ Дубининымъ (осужденнымъ воен. окр. судомъ къ смертной казни) было положено взрывчатое вещество съ детонаторомъ. Вскорѣ тюфякъ задымился, и едва Нагорный съ товарищами успѣли перебѣжать на правую сторону двора, раздался оглушительный взрывъ, отчего задрожали стѣны тюрьмы и разбились всѣ стекла. Не прошло и полминуты, какъ раздался револьверный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и затѣмъ пошла безпрерывная стрѣльба залпами. Всѣ бросились къ окнамъ, и глазамъ ихъ представилась ужасная картина. Въ одно и тоже время, только съ противоположной стороны, гдѣ взорвался снарядъ, гуляли политическіе въ вольномъ платьѣ; калитка входныхъ воротъ едва успѣвала закрываться, такъ какъ въ нее то и дѣло вбѣгали надзиратели съ револьверами въ рукахъ и, строясь въ шеренгу, разстрѣливали гуляющихъ, которые, видя неизбѣжную смерть, жались другъ къ другу, моля о пощадѣ; но съ каждымъ новымъ залпомъ, падалъ тотъ или иной политическій или нѣсколько разомъ. Раненные вновь поднимались и ползли вдоль стѣны, огороженной въ видѣ плетня, колючей проволокой. Но вотъ одинъ изъ нихъ, прорвавъ проволоку, бросился въ уголъ къ банѣ, въ надеждѣ спастись отъ выстрѣловъ, за нимъ второй и третій, но надзиратели, стрѣляя въ нихъ почти въ упоръ, убили 16 человѣкъ; были нѣкоторые и раненые, которые подымая голову, повидимому просили добить ихъ, и надзиратели, въ упоръ подставляли револьверы и добивали ихъ. Во время стрѣльбы въ беззащитныхъ, гуляющихъ на прогулкѣ, съ противоположной стороны прорвался одинъ уголовно-политическій заключенный Маркъ Ивановъ и съ „браунингомъ" въ рукѣ стрѣлялъ въ надзирателей, защищая обезоруженныхъ товарищей, но подъ конецъ онъ самъ застрѣлился. Что было дальше съ камерой № 10, бывшей на прогулкѣ, мы не знаемъ. Изъ калитки возвратился старшій надзиратель Бѣлокозъ, разъяренный какъ дикій звѣрь, и съ крикомъ „на заднее строеніе" (гдѣ содержатся политическіе мущины и нѣсколько женщинъ) бросился туда, неся заряженный револьверъ и ящикъ съ патронами. Въ тоже время онъ рекомендовалъ остальнымъ, сопровождавшимъ его надзирателямъ не жалѣть патроновъ. Черезъ полчаса тотъ же Бѣлокозъ, со своей сворой возвратился къ убитымъ на прогулкѣ и раненнымъ и обращаясь къ послѣднимъ сказалъ: „кто можетъ подняться, иди въ камеру". Два три человѣка подняли головы, и тутъ же раздался залпъ по нимъ, отчего они уже никогда не поднимутся... Все это время раздавалась безпрерывная пальба залпами; шла стрѣльба въ безоружныхъ и беззащитныхъ заключенныхъ, содержащихся по камерамъ, стрѣляли въ рѣшетчатые двери и волчки. Больше всѣхъ было убито въ камерѣ № 12, — гдѣ содержались 74 человѣка политическихъ. Въ этихъ арестантовъ стрѣляли безъ промаха, такъ какъ въ камеру была открыта рѣшетчатая дверь. Были обстрѣляны всѣ камеры безъ исключенія, даже камера № 22, гдѣ содержатся шпіоны и провокаторы, тамъ тоже нѣсколька человѣкъ ранено. Надзиратели стоя на постахъ во всемъ корпусѣ, пользуясь случаемъ напиться крови, безнаказанно стрѣляли въ камеры беззащитныхъ заключенныхъ. Какъ только раздался выстрѣлъ въ камеру №1, всѣ бросились подъ койки, но какая можетъ быть защита подъ койкой, когда дверь рѣшетчатая и устроена такъ, что видны всѣ углы. Надзирателямъ не нужно особенно цѣлить, чтобы попасть въ человѣка и чтобы раздался стонъ: „Я умираю", „Я раненъ" или же „твари, почему вы и меня не убили"? Надзиратели же послѣ каждаго такого стона, кричали „дай револьверы" или „вотъ вамъ бомба"; стрѣляли и стрѣляли... По всему корпусу разносилось эхо одиночныхъ выстрѣловъ, это были новыя и новыя жертвы. По временамъ воцарялась въ камерахъ мертвая тишина, нарушаемая шопотомъ заключенныхъ: „Мы всѣ погибнемъ", или стономъ умирающаго, который просилъ товарищей: „задавите меня" „вы же имѣете сожалѣнія къ человѣку". И вдругъ зычный крикъ надзирателя: „молчать"!. И снова выстрѣлъ, и снова стонъ умирающаго или вновь раненнаго. Все смолкло... Оставшіеся въ живыхъ думали, что все т. е. по крайней мѣрѣ стрѣльба окончена, такъ какъ начали подходить къ двери помощники начальника тюрьмы, солдаты и офицеры; повидимому было введено въ тюрьму войско. Вдругъ раздался выстрѣлъ въ камеру № 2, съ гикомъ бросились надзиратели, крича, что въ камерѣ стрѣляютъ, кто то изъ начальства, какъ видно вдоволь уже настрѣлявшись и напившись крови, сталъ увѣрять, что выстрѣлилъ военный караулъ, но надзиратели, обругавъ чиновника, начали по очереди стрѣлять въ обѣ камеры..., снова крикъ и стонъ раненныхъ. Послѣ выстрѣловъ, это были послѣдніе, подошелъ тюремный инспекторъ и заявилъ „если еще будетъ хоть одинъ выстрѣлъ въ камерѣ, *я перестрѣляю всѣхъ*". Черезъ минуту мы услышали шумъ и звяканье шпоръ. Первымъ подбѣжалъ упомянутый палачъ Бѣлокозъ и съ крикомъ: „подымайся, руки вверхъ" приказалъ не двигаться съ мѣста. Звякнулъ засовъ висящаго замка, затѣмъ щелкнулъ внутренній замокъ, и открылась дверь. Тотъ же Бѣлокозъ, водя своими длинными усами, приказалъ выходить на корридоръ по одному, тамъ на корридорѣ было полно конвойныхъ солдатъ и пѣшихъ, всѣ съ оружіемъ въ рукахъ, готовые каждую секунду разстрѣлять всѣхъ; тутъ же былъ инспекторъ и еще какіе то чиновники, товарищъ прокурора, судебный слѣдователь и офицеры.

Всѣхъ насъ по одиночкѣ до гола раздѣли и обыскали конечно, но ничего не нашли, а затѣмъ часть надзирателей вошла въ камеру и тутъ то тѣ, которые не были очевидцами погрома на свободѣ, увидѣли, что такое погромъ. Всѣ матрацы и подушки, бѣлье, сумки, въ которыхъ былъ сахаръ, чай, табакъ, все это было смѣшано съ соломой матрацовъ, пылью и разорваннымъ бѣльемъ. Да, словомъ былъ истинный погромъ. Послѣ обыска въ камерѣ надзиратели вышли, намъ было вновь приказано поднять руки и заходить въ камеру, мы вошли, но въ камерѣ въ двухъ шагахъ не было возможности разсмотрѣть другъ друга. Такая же процедура шла по всему корпусу. Мы ждали повѣрки, такъ какъ былъ уже вечеръ, въ окна намъ было видно, что тюрьма оцѣплена войсками. Прошла повѣрка и мы улеглись, но уснуть было невозможно, въ ушахъ слышались выстрѣлы, а передъ глазами стояли убитые и раненные товарищи. На другой день утромъ повѣрка была поздно, часовъ въ восемь. И о ужасъ! — всѣ надзиратели были пьяны. Началась кулачная и холоднымъ оружіемъ расправа, начали сажать въ карцера, предварительно избивая до полусмерти. Начальникъ и помощники въ корпусъ не являлись; ночью былъ губернаторъ и сильно кричалъ, потомъ поздравлялъ и благодарилъ не то солдатъ, не то надзирателей, на что мы дружно отвѣчали „рады стараться". Узнать, что сталось съ покушавшимися на побѣгъ намъ не было возможности, а къ окну подойти нельзя, стрѣляютъ. Со второй камеры передали шифромъ, что на заднемъ строеніи есть еще живые. На третій день изъ больницы прибылъ въ 1-ую камеру срочный арестантъ, который былъ очевидцемъ того, какъ во время взрыва стѣна осталась цѣлой, а всѣ покушавшіеся на побѣгъ, оглушенные, бросились въ кухню, куда дверь была вышиблена взрывомъ, двое, кромѣ Марка Иванова, защищавшаго товарищей, а именно: а.-к. Яковъ Нагорный и Алексѣй Дубининъ бросились на заднее строеніе, у перваго въ рукѣ былъ „браунингъ", изъ котораго онъ ранилъ часового съ винтовкой; затѣмъ, взобравшись на крышу, онъ сталъ помогать влѣзать туда Дубинину, въ тоже время отстрѣливаясь отъ нападавшихъ надзирателей и отъ военнаго караула, за оградой. Пули со всѣхъ сторонъ сыпались на него градомъ; но вотъ Нагорный приставилъ къ виску „браунингъ". Раздался сухой трескъ отъ выстрѣла, и его не стало... Рядомъ съ нимъ былъ Дубининъ, который, взявъ револьверъ, тоже застрѣлился. О дальнѣйшихъ событіяхъ, мы получили данныя со словъ двухъ раненныхъ, прибывшихъ изъ кухни и нынѣ умершихъ. Вотъ что они передавали... Какъ только раздался взрывъ у стѣны, выходящей къ 4-ой полиц. части и немного разсѣялся дымъ, арестанты къ своему ужасу увидѣли, что стѣна цѣла, тогда они всѣ бросились въ кухню, гдѣ была вырвана взрывомъ дверь. Сюда же ворвался палачъ Бѣлокозъ со своей сворой; въ это время въ кухнѣ находились срочные арестанты, которые стали молить о пощадѣ. Бѣлокозъ скомандовалъ „срочные въ сторону", а надзирателямъ приказалъ стрѣлять, тѣ дали залпъ и всѣ товарищи пали, обливаясь кровью. Ихъ было 13 человѣкъ, потомъ ихъ стали добивать: кто дѣйствовалъ револьверомъ, стрѣляя въ упоръ, кто рубилъ шашкой, а то и просто топорами, которыми колятъ дрова. Убиты были всѣ, кромѣ двоихъ, смертельно раненныхъ: анархиста Александра Рыбакова и Колосова, которые случайно уцѣлѣли; Рыбоваловъ, проколотый насквозь въ животъ шашкой Бѣлокоза, умеръ отъ ранъ на другой день. Затѣмъ пошла стрѣльба по камерамъ, а тѣмъ временемъ пришли конвойные солдаты со своимъ начальникомъ и войска съ офицерами. Начали убирать раненныхъ, изъ камеръ и кухни, перенесли всѣхъ въ больницу, но помѣстить некуда въ тюремной больницѣ, и опасно раненныхъ увезли въ городъ. Кромѣ того 6 камеръ тюрьмы полны раненными, также ихъ много на корридорѣ, куда попалъ и Колосовъ, который просилъ бывшаго здѣсь офицера добить его, чтобы прекратить мученія, но тотъ отвѣтилъ: „я не могу". Колосовъ простоналъ „О! палачи! вы не можете!". Когда тяжело раненныхъ увезли изъ камеръ въ городскую больницу, на ихъ мѣсто начали стаскивать лежавшихъ въ корридорѣ. Убитые же во дворѣ т. е. въ оградѣ лежали до поздней ночи въ лужахъ крови, и все время приходили на нихъ смотрѣть, любуясь своей работой, разные чиновники и надзиратели,

хвастались вслухъ, кто кого убилъ. Всюду слышалось: „Этого убилъ я", „А вотъ этого я" и т. д. Во время бойни старшій Бѣлокозъ страшно безпокоился о Яковѣ Нагорномъ; бѣгая и ища его всюду, онъ неистово кричалъ „гдѣ Нагорный? Нагорный гдѣ?" Но вотъ его нашли мертвымъ на крышѣ, и тутъ же одинъ изъ надзирателей не преминулъ похвастаться передъ своимъ начальникомъ: „этихъ двухъ убилъ я". Ихъ прямо сбросили съ крыши, и всѣ убитые лежали, пока ихъ не сфотографировали. Еще одно мѣсто кровавой бойни... Возлѣ часовни, куда кладутъ умершихъ, за заднимъ строеніемъ забились во время взрыва нѣсколько человѣкъ. Прибѣжалъ Бѣлокозъ со своей сворой и съ крикомъ: „сдавайся!" началъ обстрѣливать часовню.

Потомъ мановеніемъ руки остановилъ стрѣльбу и, обращаясь къ сидящимъ въ часовнѣ, спросилъ: „У васъ нѣтъ бомбы?" Заключенные отвѣчали „Нѣтъ!" Тутъ старшій скомандовалъ, „за мной" и, войдя въ часовню, убилъ всѣхъ сидящихъ тамъ. Какъ мы живемъ теперь? можете заключить по слѣдующимъ фактамъ. Начальникъ не заходитъ; помощникъ втеченіе трехъ дней зашелъ одинъ разъ, да и то при немъ избили 7 заключенныхъ и затащили ихъ въ карцеръ. Въ карцерѣ сидитъ по 12 человѣкъ; всюду тамъ полита вода, но и безъ нея сыро и душно, такъ какъ онъ пространствомъ всего въ три шага. Въ I и II-й слѣдственныхъ камерахъ, находится 190 человѣкъ, это двѣ большія камеры, съ желѣзными рѣшетчатыми дверями. Стережетъ эти камеры одинъ надзиратель, но при его появленіи всѣ дрожатъ, такъ какъ онъ безъ церемоніи вынимаетъ револьверъ и палитъ..., если напр., нѣсколько арестантовъ сидятъ вмѣстѣ, а не врозь. Это по приказу помощника. А о томъ что самъ надзиратель дѣлаетъ, что ему угодно, объ этомъ говорить не приходится; ему разрѣшено свободно стрѣлять, когда онъ найдетъ нужнымъ. Въ обѣихъ камерахъ, какъ я уже упомянулъ, 190 человѣкъ; всѣ они наказаны „свѣтлымъ карцеромъ" т. е. лишены прогулки. Въ камерахъ сильное скопленіе людей, ибо онѣ устроены на 40 человѣкъ, а сидитъ минимумъ 80, причемъ тамъ цѣлыми днями стоятъ двѣ кадки для испражненій. Даже не даютъ воды вымыть незасохшія лужи крови. О пищѣ и говорить нечего, никакихъ передачъ съ воли не принимаютъ. Даютъ кусокъ чернаго хлѣба изъ котораго можно слѣпить любую фигурку, даже горячей воды не даютъ, а вѣдь теперь есть заболѣвшіе тифомъ. А вотъ ожидается и холера, которая можетъ наступить очень легко, если не будутъ приняты мѣры.

Спрашивается, кто же виновникъ всего случившагося? Камера № 10, среди которой сидѣли осужденные на смертную казнь — с.-р. и анархисты, вздумала бѣжать съ прогулки. Бѣжать не было возможности иначе, какъ взорвавъ динамитомъ стѣну. Въ тюрьмѣ 900 человѣкъ, а бѣжать собралось всего 20. Ихъ перебили всѣхъ: на второй прогулкѣ убито 16, въ двухъ слѣдственныхъ камерахъ 12. Кромѣ того были товарищи, покончившіе сами съ собой, были (4) умершіе отъ ранъ. Всего жертвъ кровавой бойни, убитыхъ и раненныхъ насчитывается до 100 человѣкъ... пока опредѣленно сказать нѣтъ никакой возможности. Несмотря на то, что тюрьма живетъ подъ общей крышей, узнать толкомъ ничего нельзя; за одно слово, за одинъ звукъ убиваютъ. Масса случаевъ избіеній,... разсказы о нихъ заняли бы много мѣста. Приходится писать урывками, подъ койкой.

За побѣгъ, жажду свободы осужденныхъ на казнь истязаютъ, мучаютъ 800 заключенныхъ. Во всей крови, ужасахъ виновна тюремная администрація. Мы, заключенные обращаемся къ рабочему населенію, напоминая ему, что среди погибшихъ оно потеряло своихъ братьевъ, друзей. Отомстите за все. Отомстите за революціонеровъ рабочихъ, подвергнутыхъ избіеніямъ, пыткамъ разстрѣламъ. Вспомните о томъ что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ медленное прекращеніе жизни, а мы переживаемъ это теперь.

---

### Списокъ погибшихъ анархистовъ во время бойни

Среди неизвѣстныхъ намъ еще товарищей, убитыхъ и раненныхъ, знаютъ только слѣдующихъ: Яковъ Нагорный а.-к., привлекавшійся за 11 нападеній на чиновъ полиціи, террор. актахъ и др. Осужденъ воен.-окр. судомъ на смертную казнь.

Титъ Межонный, который долженъ былъ судиться въ воен.-окр. судѣ за убійство помощ. директора Мылова (Брян. Завода).

Александръ Рябоваловъ, воен. окр. судъ за „экспропріацію" и вооруженный отпоръ при нападеніи на ст. Сухачевка.

Михаилъ Маркинъ изъ Брянско-Бѣжицкой группы А.-К.

Большинство жертвъ — рабочіе изъ Нижне-Днѣпровска и Амура, соціалисты-революціонеры. Убитые были свалены на полъ въ часовнѣ, при Александровской больницѣ. Ихъ хоронила полиція тайно. Обнаженныя, изуродованныя тѣла полтора дня лежали въ мертвецкой, куда допускали родныхъ и знакомыхъ.

Всѣ эти событія страшно взволновали мѣстное рабочее населеніе... Полиція на сторожѣ, боится мести.

---

## КЪ РАБОЧЕМУ НАРОДУ!

Подавивъ революцію, Власть и Капиталъ имущіе, занялись добиваніемъ плѣнныхъ революціонеровъ. Всюду заработали военно-окружные суды... Телеграфъ ежедневно приноситъ вѣсти о новыхъ и новыхъ казняхъ. Во всѣхъ концахъ имперіи вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, ссылаютъ на медленное умираніе въ каторжныя работы. Но нашимъ правителямъ всего этого мало. Ихъ не удовлетворяетъ то, что они превратили уже всю страну въ обширное кладбище, гдѣ царитъ голодъ, безработица, нищета и наглый произволъ, гдѣ разорены тысячи рабочихъ и крестьянскихъ семей, и гдѣ хорошо себя чувствуютъ сытые буржуа, помѣщики и крупная бюрократія. Имъ мало грабить, обкрадывать рабочій народъ! Мало совершать погромы, учинять экзекуціи, посылать карательныя экспедиціи! Они жаждутъ новой крови... И вотъ съ этой цѣлью изобрѣтенъ лучшій способъ избавиться отъ плѣнниковъ-революціонеровъ, выбить изъ нихъ „бунтарскій духъ" — этотъ способъ — провокація. За послѣдніе годы тысячи рабочихъ заключены въ тюрьмы и осуждены въ каторжныя работы. Надъ ними всячески глумятся и издѣваются, подвергая суровому режиму. Особенно тяжело положеніе анархистовъ, которыхъ, какъ террористовъ, содержатъ на уголовномъ положеніи. Тюремные палачи, пользуясь циркуляромъ изъ столицы, громятъ заключенныхъ цѣлымъ рядомъ репрессій и притѣсненій, все разсчитано на то, что революціонеры ослабнутъ въ неравной борьбѣ и падутъ духомъ. Уныніе, апатія воцарится въ ихъ рядахъ, а они уже создадутъ почву для медленной агоніи, смерти. Но не всѣ революціонеры поддаются этому давленію. Среди активныхъ и смѣлыхъ въ ихъ рядахъ, растетъ и крѣпнетъ духъ протеста, духъ возмущенія. Вспыхиваютъ всюду въ тюрьмахъ, на каторгѣ и прочихъ мѣстахъ заключенія бунты, учащаются случаи побѣговъ, безумно дерзкихъ и рискованныхъ.

И вотъ по тюрьмамъ Россіи, съ Петербургѣ, Москвѣ, Уфѣ, Ригѣ, Симферополѣ правительство организовываетъ кровавыя бойни. Почти во всѣхъ случаяхъ жертвами послѣднихъ падаютъ и наши товарищи анархисты. Но всѣ эти бойни, кровавыя усмиренія блѣднѣютъ передъ той, которая была учинена 29 апрѣля въ Екатеринославѣ. Это не былъ бунтъ заключенныхъ, ни возстаніе съ баррикадами, ни побѣгъ. Это была попытка побѣга камеры № 10, а затѣмъ рѣзня, дикая и ужасная. Озвѣрѣвшіе палачи во главѣ со старшимъ Бѣлокозомъ рубили и разстрѣливали всѣхъ политическихъ. Все шло такъ, какъ будто заранѣе подготовлено и организовано...

Во время прогулки камера № 10 пытается бѣжать... Съ этой цѣлью заключенный Дубининъ, наканунѣ осужденный на казнь, взрываетъ у стѣны снарядъ. „Свобода или смерть", вотъ вопросъ, который ставитъ передъ нимъ неумолимая судьба. Въ такомъ же положеніи находятся нѣсколько товарищей. Имъ остается, либо рискнуть и пойти на все, либо погибнуть на веревкѣ презрѣннаго палача. Либо геройская смерть съ оружіемъ въ рукахъ, — либо висѣлица! Шансовъ на удачный побѣгъ было мало. Такъ и вышло. Стѣна отъ взрыва не рухнула, ожидаемаго пролома не образовалось. Тогда арестанты бѣгутъ въ кухню, тов. Яковъ Нагорный и Дубининъ взбираются на крышу. Первый стрѣляетъ въ наступающихъ, осыпающихъ его градомъ пуль надзирателей и конвойныхъ. Но патроны на исходѣ... а бѣжать некуда. Раздался выстрѣлъ, и Нагорнаго не стало. Онъ покончилъ съ собой, не желая отдаться палачамъ. То же дѣлаетъ, подхвативъ выпавшій револьверъ, Дубининъ. Въ это время во дворѣ идетъ разстрѣлъ безоружныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ арестантовъ. Палачъ Бѣлокозъ со своей сворой, выстроившейся въ шеренгу, разстрѣливаетъ ихъ залпами... Они безпомощно жмутся другъ къ другу, пятятся къ стѣнѣ, цѣпляются за колючую изгородь и падаютъ. Льется кровь... есть убитые и раненные. Послѣдніе приподымаютъ голову, новые выстрѣлы... новыя жертвы. Изъ всѣхъ 12 убитыхъ во дворѣ, одинъ только Маркъ Ивановъ былъ вооруженъ револьверомъ. Онъ мужественно отстрѣливался, защищая товарищей, и наконецъ, не видя иного исхода, самъ застрѣлился. Когда палачи надзиратели, напились до сыта крови убитыхъ во дворѣ, они стремглавъ бросились на кухню. Здѣсь, отдѣливъ „срочныхъ" отъ политическихъ, палачи разстрѣляли опять группу заключенныхъ.

Раненныхъ, плававшихъ въ крови, они приканчивали, кого выстрѣлами въ упоръ, кого коля шашками, а то и просто рубя топорами. Эти всѣ факты подтвердилъ умершій впослѣдствіи отъ ранъ анархистъ Рябоваловъ, засѣченный шашкой Бѣлокоза. Послѣ бойни на кухнѣ надзиратели, какъ ураганъ промчались по всѣмъ корридорамъ, обстрѣливая черезъ волчки и рѣшетчатыя двери, всѣ камеры. Вездѣ они несли смерть, вездѣ были раненные и убитые. Покончивъ съ камерами, Бѣлокозъ и К° перебили еще нѣсколько арестантовъ, спрятавшихся въ часовнѣ. Ихъ прикончили подло, предательски... Проходя по двору мимо труповъ, палачи сказали: „кто можетъ... иди въ камеры". Два-три раненныхъ подняли головы. Раздался новый залпъ, и они поникли навсегда.

Какъ себя вела вся высшая администрація? Все эта сбѣжавшаяся на выстрѣлы банда офицеровъ, тов. прокурора, тюремный инспекторъ, суд. слѣдователи? О, они были всѣ довольны „работой" лакеевъ власть и капиталъ имущихъ! Сердца ихъ радовались зрѣлищемъ, какъ надзиратели, вышедшіе изъ рядовъ простого народа, обагрили кровью его сыновъ, тюремные полы и стѣны. Пріятно имъ было констатировать вѣрность этихъ людей, забывшихъ народъ, утратившихъ стыдъ и совѣсть и готовыхъ на все самое дикое и мерзкое, въ угоду презрѣнному палачу — власти. Они ликовали во имя торжества закона. Тюремный инспекторъ грозилъ разстрѣломъ всей тюрьмы, если раздастся изъ камеры хоть одинъ выстрѣлъ. Губернаторъ благодарилъ палачей за ихъ работу, на что тѣ отвѣчали дружнымъ хоромъ „рады стараться!" Очевидцы передаютъ детали этого ужаснаго событія. Палачи не только рѣзали и убивали... они еще надѣвались надъ павшими. Трупы убитыхъ Нагорнаго и Дубинина были сброшены съ крышъ. У груды мертвыхъ тѣлъ собрались чиновники и надзиратели, послѣдніе глумились надъ ними, хвастаясь, кто кого убилъ. Одинъ надзиратель не побрезгалъ лживо похвастаться передъ начальствомъ, что Нагорнаго убилъ онъ. Всѣхъ убитыхъ было 32. Кто видѣлъ ихъ обнаженныя, небрежно сваленныя тѣла, тотъ никогда не забудетъ эту нѣмую, полную ужаса картину! Всѣ трупы покрыты ранами, кровоподтеками; видно по нимъ, что не только убивали, но и издѣвались надъ тѣломъ. Наносили удары по трупамъ, рѣзали, разрубливали черепъ. Выраженіе лицъ покойныхъ ужасно, съ печатью предсмертныхъ мукъ. Мало, власть и капиталъ имущимъ побѣдить революцію, они еще алчутъ глумленія надъ ея борцами. Вѣдь проклинаютъ же „бунтовщиковъ" и наши буржуа, черная сотня и прочая сволочь, пресмыкающаяся у трона коронованнаго идіота Николая II, вѣдь хватаетъ у нихъ смѣлости сказать, по поводу Екатеринославской бойни: „Они были мятежники. Такъ имъ и надо"!

И такъ, товарищи рабочіе! Тюрьма задушена. Въ нѣсколько часовъ болѣе 100 жертвъ. Остальные 800 подвергнуты побоямъ, унизительнымъ обыскамъ, карцеру. Введено военное положеніе. Болѣе 50 раненныхъ свалены въ 6 камерахъ. Пьяная свора надзирателей ведетъ себя вызывающе... Они грозятъ новыми разстрѣлами, а начальникъ и его помощники вовсе не показываются въ корпусѣ; арестанты лишены обѣда, передачъ, прогулокъ... Среди нихъ открылась эпидемія тифа. Они—въ полномъ смыслѣ отверженные, разбитые и поруганные, обращаются къ вамъ, рабочіе. Они вѣрятъ, надѣются, что вы не простите слугамъ государства и капитала ихъ преступленіе: массовое убійство безоружныхъ узниковъ! Но какъ мстить? Подать прошеніе въ Государственную Думу? Нѣтъ! Къ стонамъ раненныхъ, къ страданію заключенныхъ, къ трусливому молчанію общества, къ радостному хору власть и капиталъ имущихъ — присоедините могучій голосъ динамита! Пусть помнятъ слуги государства и капитала, что мы не прощаемъ убійцамъ!

Мстите же во имя Свободы (анархіи).

Мстите во имя ненависти къ угнетателямъ!

Поражайте псовъ Капитала и Государства!

Да здравствуетъ Анархія. Да здравствуетъ святая месть за павшихъ!

Екатерин. Организація Рабоч. Анархистовъ-Коммунистовъ.
Тип. организаціи. Екатеринославъ, 20 мая.

## Рѣчь товар. Д. Е. Степанова на судѣ въ Симферополѣ *).

„Мнѣ предоставлено послѣднее слово. Начинается предпослѣдній актъ комедіи, называемой правосудіемъ. Что я могу сказать въ свое оправданіе? Сколько-бы я не говорилъ, какъ-бы я не доказывалъ свою не виновность въ приписываемомъ мнѣ убійствѣ и покушеніи, все равно это ни къ чему не приведетъ," такъ какъ приговоръ уже заранѣе подписанъ и утвержденъ. Для чего-же эта комедія; для чего эти мундиры, шитые золотомъ? Для чего защитники и сословные представители?...

Какъ посмотришь на все это, невольно является вопросъ: Отчего всѣ эти окружающіе меня сословные представители, всѣ эти прокуроры и ихъ товарищи, такіе упитаные, такіе жирные, — когда въ то-же самое время рядомъ съ ихъ роскошью ютится нищета, голодъ, безработица, когда наши сестры для того, чтобы утолить свой голодъ, должны продавать свое тѣло вамъ, жирные и отъевшиеся... (Въ это время два конвойныхъ хватаютъ за руки его и пытаются вывести, но онъ сопротивляется и продолжаетъ)

Я до сихъ поръ отрицалъ свою причастность къ какой либо политической партіи. Я и теперь это отрицаю, ибо я принадлежу не къ партіи, а къ рабочей Группѣ Анархистовъ-Коммунистовъ, поставившей своей цѣлью уничтоженіе религіи, государства и частной собственности, такъ какъ эти три общественныя язвы дѣлаютъ все человѣчество несчастнымъ. Я по своему убѣжденію вполнѣ сочувствую тому, кто пулей отомститъ слугѣ капитализма за его вредную для рабочаго движенія дѣятельность. Пусть чаще и чаще раздаются выстрѣлы мстителей за кровь невинныхъ. Мало по малу эти единичные акты террора превратятся въ бушующій потокъ соціальной революціи, который унесетъ съ собой обломки буржуазнаго общества. И горе вамъ, власть и капиталъ имущіе, горе вамъ, когда голодная рать съ оружіемъ въ рукахъ прійдетъ къ вамъ, не просить, не требовать, а взять у васъ то, что тысячелѣтіями вы награбили у трудящагося люда. (Въ это время подходитъ судебный приставъ и требуетъ, чтобы онъ замолчалъ, но онъ продолжаетъ). Они разрушатъ до основанія этотъ міръ, міръ слезъ, міръ крови, гнета и голода и на обломкахъ его воздвигнутъ свободныя, вольныя анархическія коммуны.

Долой власть и частную собственность!

Да здравствуетъ безгосударственный коммунизмъ!

Для выслушанія приговора онъ въ залъ не былъ впущенъ. Приговоръ состоялъ въ 12 годахъ каторжныхъ работъ.

*) Печатаемъ рѣчь, произнесенную 30 ноября 1906 г. и присланную намъ недавно бѣжавшимъ изъ тюрьмы товарищемъ Степановымъ.

---

**Балахны Нижегородской губ.** (Изъ прошлаго). 13 іюля 1906 года на берегу Волги противъ города Балахны Нижегородской губ. произошелъ взрывъ бомбы, во время котораго были сильно ранены товарищи А. П. Плеханова и К. Б. Черезъ 8 часовъ по доставленіи Балахнинскую земскую больницу не стало всѣми любимаго и уважаемаго нами дорогого товарища А. П. Плехановой, погибшей такъ трагически преждевременно на порогѣ своей революціонной дѣятельности.

А. П. Плеханова погибла въ возрастѣ 26 лѣтъ. Постоянно жизнерадостная, съ идеально-чистой душой она не признавала никакихъ компромиссовъ со своей совѣстью, ни съ требованіями своей революціонной натуры.

А. П. была любима всѣми, какъ отзывчивый товарищъ воодушевлявшій всѣхъ окружающихъ своей героической натурой, вызывавшій ихъ на постоянную упорную борьбу противъ всѣхъ видовъ угнетенія и эксплуатаціи.

Еще въ 1900-омъ году А. П. участвовала въ студенческихъ безпорядкахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Спустя нѣкоторое время она уѣзжаетъ заграницу (въ Швейцарію и тамъ совершенно порываетъ со всякими партійными организаціями и участвуетъ въ анархическихъ кружкахъ. Въ 1905-омъ году въ концѣ лѣта, наканунѣ революціонныхъ выступленій пролетаріата Москвы, она отправляется въ Россію, но, уже не мирнымъ работникомъ, а однимъ изъ активныхъ разрушителей существующаго буржуазнаго строя.

Второй пострадавшій К. Б. былъ тоже помѣщенъ подъ охраной на излеченіе въ Балахнинскую земскую больницу. У него были слѣдующія поврежденія: осложненный переломъ обоихъ костей, на одной ногѣ и повреждена другая; оторвана по кисть одна рука, въ которой онъ держалъ бомбу; вышибленъ глазъ; кромѣ того 13 большихъ ранъ и много мелкихъ. Спустя мѣсяцъ К. Б. былъ переведенъ въ Нижегородскую губернскую тюремную больницу, по требованію заключенныхъ товарищей (Сормовскихъ рабочихъ), подъ угрозой тюремнаго бунта. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ переведенъ въ Нижегородскую губернскую земскую больницу. Послѣ четырнадцати мѣсячнаго пребыванія въ больницѣ, 8-го сентября 1907 года, К. Б. удалось скрыться. Послѣ этого посыпались репрессіи на больницу со стороны администраціи.

К. Ильинскій

---

**Нижній-Новгородъ.** Въ началѣ февраля 1908 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ военно-окружнымъ судомъ были присуждены къ смертной казни: А. Кузнецовъ, Полторакинъ, Хлѣбопашцевъ и на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ М. Соколовъ. Первые трое обвинялись въ вооруженномъ нападеніи на винную лавку, а М. Соколовъ въ принадлежности къ группѣ анархистовъ-террористовъ. Второе обвиненіе имъ было предъявленно, въ убійствѣ одного провокатора изъ уголовныхъ, въ камерѣ тюрьмы.

Послѣ неудачи массового побѣга, задуманнаго еще до суда, въ тюрьму было передано съ большими трудностями холодное оружіе и бомба, которая хранилась довольно долгое время въ зданіи тюрьмы. О готовящемся побѣгѣ знали немногіе изъ политическихъ заключенныхъ.

Какъ себя вела вся высшая администрація? Вся эта сбѣжавшаяся на выстрѣлы банда офицеровъ, тов. прокурора, тюремный инспекторъ, суд. слѣдователи? О, они были всѣ довольны „работой" хамовъ власть и капиталъ имущихъ! Сердца ихъ радовались зрѣлищемъ, какъ надзиратели, вышедшіе изъ рядовъ простого народа, обагряли кровью его сыновъ, тюремные полы и стѣны. Пріятно имъ было констатировать вѣрность этихъ людей, забывшихъ народъ, утратившихъ стыдъ и совѣсть и готовыхъ на все самое дикое и мерзкое, въ угоду презрѣнному палачу — власти. Они ликовали во имя торжества закона. Тюремный инспекторъ грозилъ разстрѣломъ всей тюрьмы, если раздастся изъ камеры хоть одинъ выстрѣлъ. Губернаторъ благодарилъ палачей за ихъ работу, на что тѣ отвѣчали дружнымъ хоромъ „рады стараться;" Очевидцы передаютъ детали этого ужаснаго событія. Палачи не только рѣзали и убивали... они еще надѣвались надъ павшими. Трупы

Я до сихъ поръ отрицалъ свою причастность къ какой либо политической партіи. Я и теперь это отрицаю, ибо я принадлежу не къ партіи, а къ рабочей Группѣ Анархистовъ-Коммунистовъ, поставившей своей цѣлью уничтоженіе религіи, государства и частной собственности, такъ какъ эти три общественныя язвы дѣлаютъ все Человѣчество несчастнымъ. Я по своему убѣжденію вполнѣ сочувствую тому, кто пулей отомститъ слугѣ капитализма за его вредную для рабочаго движенія дѣятельность. Пусть чаще и чаще раздаются выстрѣлы мстителей за кровь невинныхъ. Мало по малу эти единичные акты террора превратятся въ бушующій потокъ соціальной революціи, который унесетъ съ собой обломки буржуазнаго общества. И горе вамъ, власть и капиталъ имущіе, горе вамъ, когда голодная рать съ оружіемъ въ рукахъ прійдетъ къ вамъ, не просить, не требовать, а взять у васъ то, что тысячелѣтіями вы награбили у трудящагося люда. (Въ

убитыхъ Нагорнаго и Дубинина были
У груды мертвыхъ тѣлъ собрались чинов
слѣдніе глумились надъ ними, хвастаясь, 
надзиратель не побрезгалъ живо похва
ствомъ, что Нагорнаго убилъ онъ. Всѣхъ
видѣлъ ихъ обнаженныя, небрежно свален
не забудетъ эту нѣмую, полную ужаса
крыты ранами, кровоподтеками; видно п
убивали, но и издѣвались надъ тѣломъ.
памъ, рѣзали, разрубливали черепъ. Выра
ужасно, съ печатью предсмертныхъ мукъ
талъ имущимъ побѣдить революцію, он
надъ ея борцами. Вѣдь проклинаютъ же
буржуа, черная сотня и прочая сволочь,
на коронованнаго идіота Николая II, вѣд
лости сказать, по поводу Екатеринославс
жителями. Такъ имъ и надо"!

И такъ, товарищи рабочіе! Тюрьма
часовъ болѣе 100 жертвъ. Остальные 800
унизительнымъ обыскамъ, карцеру. Вез
Болѣе 30 раненныхъ свалены въ 6 камер
зирателей ведетъ себя вызывающе... О
стрѣлами, а начальникъ и его помощники
въ корпусѣ; арестанты лишены обѣда,
Среди нихъ открылась эпидемія тифа. О
отверженные, разбитые и поруганные, об
бочіе. Они вѣрятъ, надѣются, что вы не
дарства и капитала ихъ преступленіе: мас
ныхъ узниковъ! Но какъ мстить? Подат
ственную Думу? Нѣтъ! Къ стонамъ ранен
ключенныхъ, къ трусливому молчанію о
хору власть и капиталъ имущихъ — присо
динамита! Пусть помнятъ слуги государс
не прощаемъ убійцамъ!

Мстите же во имя Свободы (анархіи).

Мстите во имя ненависти къ угнетател

Поражайте псовъ Капитала и Государст
Да здравствуетъ Анархія. Да здравствуе
вшихъ!

Екатерин. Организація Рабоч. Анархистов
Тип. организаціи. Екатеринославъ, 20 мая

## Письмо въ редакцію.

Дорогіе товарищи,

Нѣсколько строкъ, посвященныхъ въ корреспонденціи изъ Москвы (Буревѣстникъ № 10—11) о работѣ первыхъ анархистовъ въ Москвѣ, могутъ быть не совсѣмъ правильно истолкованы.

Позвольте, поэтому, внести слѣдующую поправку:

Первая „Московская группа коммунистовъ-анархистовъ" не задавалась вовсе исключительной цѣлью пропаганды среди интеллигенціи и учащейся молодежи и дѣлала это лишь мимоходомъ. Всѣ прокламаціи ея, начиная съ выпущенной по поводу перваго мая, были обращены „*Къ рабочему народу*";*)

Правда, результаты ея попытокъ завязать непосредственныя сношенія съ массами не были особенно блестящи, но причины этого кроются отнюдь не въ характерѣ и направленіи работы первой М. Г. К.-А.

Всѣ трудности, встрѣчающія піонеровъ (а при возникновеніи группы самое слово „анархизмъ" *было чѣмъ-то вродѣ* „жупела" какъ въ рабочей, такъ и въ „интеллигентской" средѣ центральной Россіи) — были на лицо.

Къ тому же при всей недостаточности средствъ, которыми она располагала — въ смыслѣ людей, литературы и денегъ — (къ добыванію денегъ въ партійныхъ цѣляхъ путемъ такъ называемыхъ „экспропріацій" она относилась отрицательно), группѣ приходилось дѣлить эти средства между Москвой, ея окрестностями (рабочее и *крестьянское* населеніе) и Поволжьемъ.

Думается, все же, что кратковременное существованіе (съ конца апрѣля по 15 іюля 1905 г.) первой „Московской группы коммунистовъ-анархистовъ" въ полномъ ея составѣ прошло не совсѣмъ безслѣдно, не только въ интеллигентской средѣ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

*Вл. Забрежневъ.*
*С. Иванова.*

*) Между прочимъ изъ шести человѣкъ, привлекавшихся въ Москвѣ за принадлежность къ группѣ, двое были самые „чистокровные" рабочіе.

## Рѣчь товар. Д. Е. Степано
## Симферополѣ

„Мнѣ предоставлено послѣднее слово.
ній актъ комедіи, называемой правосудіем
въ свое оправданіе? Сколько-бы я не говорилъ, сколько бы я не доказывалъ свою не виновность въ приписываемомъ мнѣ убійствѣ и покушенія, все равно это ни къ чему не приведетъ, такъ какъ приговоръ уже заранѣе подписанъ и утвержденъ. Для чего же эта комедія; для чего эти мундиры, шитые золотомъ? Для чего защитники и сословные представители?...

Какъ посмотришь на все это, невольно является вопросъ: Отчего всѣ эти окружающіе меня сословные представители, всѣ эти прокуроры и ихъ товарищи, такіе упитаные, такіе жирные, — когда въ то-же самое время рядомъ съ ихъ роскошью ютится нищета, голодъ, безработица, когда наши сестры для того, чтобы утолить свой голодъ, должны продавать свое тѣло вамъ, жирные и откормленные... (Въ это время два конвойныхъ хватаютъ за руки его и пытаются вывести, но онъ сопротивляется и продолжаетъ)

*) Печатаемъ рѣчь, произнесенную 30 ноября 1906 г. и присланную намъ недавно бѣжавшимъ изъ тюрьмы товарищемъ Степановымъ.

К. Ильинскій

**Нижній-Новгородъ.** Въ началѣ февраля 1908 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ военно-окружнымъ судомъ были присуждены къ смертной казни: А. Кузнецовъ, Полторакинъ, Хлѣбопашцевъ и на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ М. Соколовъ. Первые трое обвинялись въ вооруженномъ нападеніи на винную лавку, а М. Соколовъ въ принадлежности къ группѣ анархистовъ-террористовъ. Второе обвиненіе имъ было предъявленно, въ убійствѣ одного провокатора изъ уголовныхъ, въ камерѣ тюрьмы.

Послѣ неудачи массового побѣга, задуманнаго еще до суда, въ тюрьму было передано съ большими трудностями холодное оружіе и бомба, которая хранилась довольно долгое время въ зданіи тюрьмы. О готовящемся побѣгѣ знали немногіе изъ политическихъ заключенныхъ.

И вотъ одинъ изъ каторжанъ, осужденный къ 8-ми годамъ каторги, по фамиліи Щегловъ, узнавши предварительно о мѣстѣ, гдѣ хранится это оружіе, задумалъ доносомъ купить себѣ помилованіе и предложилъ начальству сдѣлать обыскъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно хранится. Начальство, конечно, не замедлило сдѣлать это.

Но, этимъ, дѣятельность въ тюрьмѣ Щеглова далеко еще не исчерпана. Онъ взялъ на себя, приведеніе въ исполненіе приговора надъ тремя присужденными къ смерти: Кузнецовымъ, Полторакинымъ и Хлѣбопашцевымъ, которые были казнены въ ночь на 3 марта. За эту услугу Щегловъ получилъ въ награду замѣну каторги тюрьмой; его, вѣроятно, вскорѣ и вовсе выпустили.

Администраціей было предложено троимъ городскимъ врачамъ, а также и тюремному присутствовать во время казни, но всѣ четверо наотрѣзъ отказались, за что и были уволены отъ службы, и

Освобожденіе заключенныхъ товарищей сдѣлалось завѣтной мыслью Николая. Были сдѣланы попытки устроить побѣгъ изъ симферопольской тюрьмы, но неудачно. Товарищей перевели въ Севастополь, и здѣсь наконецъ удалось Николаю принять участіе въ организаціи побѣга (подробности побѣга см. №8 „Бур."). На долю Николая здѣсь выпала самая трудная и опасная задача: подвѣсить къ стѣнѣ „ведерко" съ 17 фун. пироксилина и привести въ дѣйствіе запальникъ. Онъ выполнилъ это со своимъ обычнымъ мужествомъ и необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Фитиль былъ уже зажженъ, Николай отошелъ, но ему захотѣлось убѣдиться въ томъ, что фитиль горитъ, онъ вернулся, осмотрѣлъ внимательно снарядъ и только тогда далъ въ тюрьму условный сигналъ и отошелъ за уголъ. Когда раздался взрывъ и товарищи выскочили на волю, онъ съ радостной улыбкой встрѣтилъ ихъ, сейчасъ-же передалъ имѣвшееся у него оружіе и проводилъ на кон-

участіе въ нѣсколькихъ вооруженныхъ на-
йствѣ севастопольскаго побѣга, такъ и по-

халъ въ Ялту, но здѣсь былъ арестованъ...
і,... онъ зналъ, чего ему ждать отъ свирѣ-
і интересы власти и капитала. Онъ не хо-
ъ народа, подлаго торжества надъ обез-
ѣ погибъ 10 февраля с. г. въ ужасныхъ
не единаго стона.
моментъ, когда его товарищи спѣшили къ
Онъ умеръ, не зная объ этомъ...

Т.

---

Въ ночь на 7-ое мая 1908 года въ мѣстной
ищъ Иванъ Гордѣевичъ Ивановъ. Казненъ
юрьмѣ провокатора Парулю, по винѣ кото-
мѣ повѣшено шесть человѣкъ. На казнь
пѣніемъ революціонной пѣсни, восклицая:
"—вся тюрьма зловѣщимъ гуломъ отвѣчала:

Существенныя опечатки въ докладѣ т. Забрежнева „Проповѣдники индивидуалистическаго анархизма въ Россіи". Бурев. № 10—11.

| | Напечатано | Должно быть |
|---|---|---|
| Стран. 5 столб. 2 стр. 35 сн. | (литературы о чемъ?) | (литературы о немъ?) |
| „ 6 „ 1 „ 4 сн. | тогда | когда |
| „ 7 „ 1 „ 32 св. | | |

Послѣ словъ „химическаго элемента" пропущены слѣдующія строки: При изученіи физическихъ измѣненій тѣлъ принимаютъ за простѣйшее, за послѣдній предѣлъ этихъ измѣненій—*молекулу*, состоящую изъ одинаковыхъ или разнородныхъ атомовъ. Измѣненія тѣлъ, приводящія къ распаду молекулы на атомы, относится уже къ области химіи. Такъ что химію можно разсматривать, какъ механику атомовъ, физику какъ механику молекулъ.

| | Напечатано | Должно быть |
|---|---|---|
| Стран. 7 столб. 1 стр. 42 св. | общенія разнополыхъ организмовъ | общенія обособленныхъ организмовъ |
| „ 7 „ 1 „ 6 сн. | благопріятнымъ | благопріятно |
| „ 7 „ 1 „ 47 св. | дальнѣйшаго | даннаго |
| „ 7 „ 2 „ 17 св. | нормальнаго | нормально |
| „ 7 „ 2 „ 26 сн. | важнымъ | властнымъ |
| „ 7 „ 2 „ 28 св. | приватной эволюціи | животной эволюціи |
| „ 7 „ 2 „ 29 св. | усложненію | усложненіе |
| „ 7 „ 2 „ 30 св. | вытекающему | вытекающее |
| „ 7 „ 2 „ 6 сн. | закономъ | залогомъ |
| „ 8 „ 1 „ 10 св. | примѣненія | измѣненія |
| „ 8 „ 1 „ 27 сн. | съ тѣми | за тѣми |

„ 8 „ 1 Послѣ 1½ строкъ курсивомъ начинается новая глава (*.*).

читалъ, стараясь разобраться ...

даетъ живая жизнь.

Хладнокровіе его было изумительно; онъ спокойно шелъ на самыя смѣлыя предпріятія и выполнялъ ихъ съ обычной медлительностью и аккуратностью.

Будучи с.-р.-омъ и находясь при комитетѣ, Николай вмѣстѣ съ П. Васинымъ (см. №№ 6-7 „Бур.") и другими товарищами принимаетъ дѣятельное участіе въ вооруженномъ захватѣ типографіи для напечатанія прокламацій. Явившейся полиціи Цыцкинъ (с.-р.) далъ вооруженный отпоръ, за что и получилъ каторгу. Николай же и другіе благополучно уходятъ.

Впослѣдствіи въ 1906 году Николай перешелъ въ ряды анархистовъ и принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ пещерной типографіи въ имѣніи „Его Величества" „Оріанда" близъ Ялты. По указанію предателя Григорія Хозопцева была арестована типографія („Гидра") и трое товарищей. Николаю же пришлось уѣхать изъ Ялты.

## ...НИЧНАЯ ХРОНИКА.

равительства въ борьбѣ съ революціей со-
зависти для властителей просвѣщенныхъ и
Запада. „Твердая власть" это мечта всѣхъ
осударственныхъ дѣятелей, жаждущихъ сла-
ы возводитъ чуть не въ геніи великаго вѣ-
омъ Столыпина и его подручныхъ, какъ во-
ир. энергіей и талантами португальскаго ду-
аполучившаго отъ монарха „твердую власть".
Карлоса тѣ же газеты накинулись на Франко
ю чистокровныхъ лакеевъ, обвиняя его въ
короля до гибели и забывая, что его погу-
Нѣчто подобное происходитъ теперь и въ
анѣ не прекращается анархическое движеніе,
акція. Не очень давно закончился тамъ су-
роемъ котораго оказался провокаторъ Руль.
объ анархическихъ бомбахъ и покушеніяхъ
анское правительство занялось преслѣдова-
въ *). Нечего и говорить о томъ, что мѣры
й и анархіей выходили изъ предѣловъ, усти-
и. Но у правительства раззудилось плечо,
е всѣ тюрьмы набиты, много народу гуляетъ
е порядокъ. И вотъ палатѣ представляется
ющій цѣлью пресѣченіе террористическихъ
о разумѣется, что скорпіоны законопроэкта направлены преимущественно противъ анархистовъ, но избѣжать ихъ смогутъ, быть можетъ, одни только тайные и явные агенты власти; мирные испанскіе жители должны будутъ ежеминутно трепетать, пока правительство не рѣшитъ, что успокоеніе наступило. Разберемъ двѣ-три болѣе интересныя статьи испанскаго законопроэкта.

До сихъ поръ произволъ испанскихъ властей обезпечивался отъ парламентской „критики" и запросовъ только путемъ отмѣны конституціонныхъ гарантій; право отмѣны принадлежало кортесамъ т. е. палатѣ депутатовъ. Теперь правительство хочетъ распоряжаться самолично. По 15 ст. совѣтъ министровъ имѣетъ право объявить любую мѣстность на исключительномъ положеніи. Управленіе этой мѣстностью ввѣряется комитету подъ управленіемъ высшаго мѣстнаго представителя военной власти. Комитетъ можетъ преслѣдовать не только лицъ, уличенныхъ въ террористи-

*) См. „Бурев." № 10-11.

И вотъ одинъ изъ каторжанъ, осужденный къ 8-ми годамъ каторги, по фамиліи Щегловъ, узнавши предварительно о мѣстѣ, гдѣ хранится это оружіе, задумалъ доносомъ купить себѣ помилованіе и предложилъ начальству сдѣлать обыскъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно хранится. Начальство, конечно, не замедлило сдѣлать это.

Но, этимъ, дѣятельность въ тюрьмѣ Щеглова далеко еще не исчерпана. Онъ взялъ на себя, приведеніе въ исполненіе приговора надъ тремя присужденными къ смерти: Кузнецовымъ, Полторакинымъ и Хлѣбопашцевымъ, которые были казнены въ ночь на 3 марта. За эту услугу Щегловъ получилъ въ награду замѣну каторги тюрьмой; его, вѣроятно, вскорѣ и вовсе выпустили.

Администраціей было предложено троимъ городскимъ врачамъ, а также и тюремному присутствовать во время казни, но всѣ четверо наотрѣзъ отказались, за что и были уволены отъ службы, и кромѣ того привлечены къ отвѣтственности извѣстнымъ погромщикомъ ген.-губ. Шрамченко.

Нужно еще отмѣтить, что главнымъ образомъ побудило отказаться отъ присутствія на казни тюремнаго врача Родзевича, который уже присутствовалъ при казни семи анархистовъ-коммунистовъ, за что и получилъ по 10 рублей за осужденнаго, и былъ оставленъ на должности тюремнаго врача. Но во все время своей службы въ качествѣ тюремнаго врача, его бойкотировали заключенные, и, что было еще чувствительнѣе, на него нѣсколько разъ покушались, при чемъ во время послѣдняго покушенія онъ былъ сильно раненъ. Это очевидно и заставило Родзевича рѣшительно отказаться присутствовать при казни.

К. Ильинскій

---

## Николай Никитичъ Тимошинъ.

Русскія газеты отъ 10-го февраля 1908 г. сообщили объ ужасной смерти нашего дорогого товарища Николая Тимошина въ Ялтинскомъ арестномъ помѣщеніи. Онъ облилъ себя керосиномъ и поджегъ. Имъ получены тяжкіе ожоги лица, спины, груди и рукъ. Какой страшный видъ долженъ былъ онъ представлять, если городовой врачъ Берлинъ потребовалъ „немедленно расковать Тимошина и отправить въ больницу". Собралась цѣлая свора начальства—борзыя, лягавыя и цѣпныя собаки самодержавія т. е. прокуроръ, слѣдователь, жандармскій ротмистръ и начальникъ арестнаго помѣщенія; они надѣялись узнать что нибудь отъ умирающаго. Но онъ остался самимъ собой до конца и заявилъ, что рѣшилъ покончить съ собой, потому что зналъ, какъ недолго ему осталось жить; больше ничего онъ не хотѣлъ объяснить. Такъ онъ промучился до полудня.

Мнѣ живо припоминается его согнутая фигура съ низко опущенной головой, руками, заложенными въ карманы, медленно подвигающагося впередъ — все равно слѣдятъ-ли за нимъ, или нѣтъ. Онъ не смотритъ по сторонамъ, не старается избѣгать полицейскихъ и шпіоновъ, не оглядывается назадъ. Вы его окликните, онъ узнаетъ знакомый голосъ и неохотно медленно повернется назадъ всѣмъ корпусомъ. Товарищи прозвали его за эти особенности „Воломъ".

Однажды Николая усиленно искала полиція, фамиліи она его не знала, знала его только по описанію примѣтъ. Шелъ онъ своей обычной походкой по Набережной улицѣ; это было въ Ялтѣ. Околодочный Романовъ (убитъ С. Беніенко см. №9 „Бур.") остановилъ его, схвативъ сзади за плечо: „стойте молодой человѣкъ"! Николай спокойно повернулся и невозмутимо спросилъ „Чего вы?" что вамъ надо? Надзиратель опѣшилъ. — „Извините! простите! я ошибся, мы здѣсь ищемъ человѣка, похожаго на васъ". И надзиратель отпустилъ его, найдя что это не тотъ, котораго онъ ищетъ, И разыскиваемый Коля-„Волъ", преспокойно уходитъ, отбивъ свои примѣты въ глазахъ полиціи своимъ спокойнымъ вопросомъ.

Коля-„Волъ" былъ рабочій изъ калужскихъ крестьянъ, много читалъ, старался разобраться въ томъ, что даютъ книги, и что даетъ живая жизнь.

Хладнокровіе его было изумительно; онъ спокойно шелъ на самыя смѣлыя предпріятія и выполнялъ ихъ съ обычной медлительностью и аккуратностью.

Будучи с.-р.-омъ и находясь при комитетѣ, Николай вмѣстѣ съ П. Васинымъ (см. №№ 6-7 „Бур.") и другими товарищами принимаетъ дѣятельное участіе въ вооруженномъ захватѣ типографіи для напечатанія прокламацій. Явившейся полиціи Цынкинъ (с.-р.) далъ вооруженный отпоръ, за что и получилъ каторгу. Николай же и другіе благополучно уходятъ.

Впослѣдствіи въ 1906 году Николай перешелъ въ ряды анархистовъ и принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ пещерной типографіи въ имѣніи „Его Величества" „Оріанда" близъ Ялты. По указанію предателя Григорія Холопцева была арестована типографія („Гидра") и трое товарищей. Николаю же пришлось уѣхать изъ Ялты.

Освобожденіе заключенныхъ товарищей сдѣлалось завѣтной мыслью Николая. Были сдѣланы попытки устроить побѣгъ изъ симферопольской тюрьмы, но неудачно. Товарищей перевели въ Севастополь, и здѣсь наконецъ удалось Николаю принять участіе въ организаціи побѣга (подробности побѣга см. №8 „Бур."). На долю Николая здѣсь выпала самая трудная и опасная задача: подвѣсить къ стѣнѣ „ведерко" съ 17 фун. пироксилина и привести въ дѣйствіе запальникъ. Онъ выполнилъ это со своимъ обычнымъ мужествомъ и необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Фитиль былъ уже зажженъ, Николай отошелъ, но ему захотѣлось убѣдиться въ томъ, что фитиль горитъ, онъ вернулся, осмотрѣлъ внимательно снарядъ и только тогда далъ въ тюрьму условный сигналъ и отошелъ за уголъ. Когда раздался взрывъ и товарищи выскочили на волю, онъ съ радостной улыбкой встрѣтилъ ихъ, сейчасъ-же передалъ имѣвшееся у него оружіе и проводилъ на конспиративную квартиру.

Николай принималъ участіе въ нѣсколькихъ вооруженныхъ нападеніяхъ, какъ въ устройствѣ севастопольскаго побѣга, такъ и послѣ него.

Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Ялту, но здѣсь былъ арестованъ...! Нелегальный, выданный,... онъ зналъ, чего ему ждать отъ свирѣпой своры, охраняющей интересы власти и капитала. Онъ не хотѣлъ доставить врагамъ народа, подлаго торжества надъ обезоруженнымъ борцомъ, и погибъ 10 февраля с. г. въ ужасныхъ страданіяхъ, не издавъ не единаго стона.

Онъ погибъ въ тотъ моментъ, когда его товарищи спѣшили къ нему на выручку...! Онъ умеръ, не зная объ этомъ...

Т.

---

**Симферополь.** Въ ночь на 7-ое мая 1908 года въ мѣстной тюрьмѣ казненъ товарищъ Иванъ Гордѣевичъ Ивановъ. Казненъ онъ за убійство въ тюрьмѣ провокатора Парулло, по винѣ котораго въ той же тюрьмѣ повѣшено шесть человѣкъ. На казнь Ивановъ пошелъ съ пѣніемъ революціонной пѣсни, восклицая: „прощайте, товарищи!"—вся тюрьма зловѣщимъ гудомъ отвѣчала: „про-о-щай!.."

---

## ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Успѣхи русскаго правительства въ борьбѣ съ революціей составляютъ предметъ зависти для властителей просвѣщенныхъ и свободныхъ странъ Запада. „Твердая власть" это мечта всѣхъ большихъ и малыхъ государственныхъ дѣятелей, жаждущихъ славы. Продажныя газеты возводятъ чуть не въ геніи великаго вѣшателя передъ Господомъ Столыпина и его подручныхъ, какъ восторгалась до 1-го февр. энергіей и талантами португальскаго душителя Франко, тоже заполучившаго отъ монарха „твердую власть". Послѣ убійства донъ-Карлоса тѣ же газеты накинулись на Франко съ послѣдовательностью чистокровныхъ лакеевъ, обвиняя его въ томъ, что онъ довелъ короля до гибели и забывая, что его погубила сама реакція. Нѣчто подобное происходитъ теперь и въ Испаніи. Въ этой странѣ не прекращается анархическое движеніе, не прекращается и реакція. Не очень давно закончился тамъ судебный процессъ, героемъ котораго оказался провокаторъ Руль. Создалось цѣлое дѣло объ анархическихъ бомбахъ и покушеніяхъ въ Барцелонѣ, и испанское правительство занялось преслѣдованіемъ революціонеровъ *). Нечего и говорить о томъ, что мѣры борьбы съ революціей и анархіей выходили изъ предѣловъ, установленныхъ законами. Но у правительства раззудилось плечо, размахнулась рука: не всѣ тюрьмы набиты, много народу гуляетъ на свободѣ, — это не порядокъ. И вотъ палатѣ представляется „законопроэктъ, имѣющій цѣлью пресѣченіе террористическихъ актовъ". Само собою разумѣется, что скорпіоны законопроэкта направлены преимущественно противъ анархистовъ, но избѣжать ихъ смогутъ, быть можетъ, одни только тайные и явные агенты власти; мирные испанскіе жители должны будутъ ежеминутно трепетать, пока правительство не рѣшитъ, что успокоеніе наступило. Разберемъ двѣ-три болѣе интересныя статьи испанскаго законопроэкта.

До сихъ поръ произволъ испанскихъ властей обезпечивался отъ парламентской „критики" и запросовъ только путемъ отмѣны конституціонныхъ гарантій; право отмѣны принадлежало кортесамъ т. е. палатѣ депутатовъ. Теперь правительство хочетъ распоряжаться самолично. По 13 ст. совѣтъ министровъ имѣетъ право объявить любую мѣстность на исключительномъ положеніи. Управленіе этой мѣстностью ввѣряется комитету подъ управленіемъ высшаго мѣстнаго представителя военной власти. Комитетъ можетъ преслѣдовать не только лицъ, уличенныхъ въ террористи-

*) См. „Буреа." № 10-11.

ческой пропагандѣ, но и тѣхъ, кто подозрѣвается въ какомъ бы то ни было соучастіи въ анархистскихъ планахъ, даже если противъ нихъ уликъ и не имѣется. Комитетъ можетъ закрывать газеты, распускать собранія, арестовывать и высылать всѣхъ подозрительныхъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія лицъ. А чтобы спокойствіе не нарушалось и за предѣлами зараженнаго революціей края, статья 7-ая устанавливаетъ каторгу „за опубликованіе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ учрежденій, если будетъ доказана злонамѣренность распространителя", что конечно не трудно по отношенію къ оппозиціонной прессѣ вообще, не говоря уже о революціонной. Если опубликованіе совершитъ благонамѣренная газета, то ея редакторъ отдѣлывается только тюремнымъ заключеніемъ — зло остается зломъ, и благонамѣренныя газеты хуже чѣмъ отсутствіе всѣхъ газетъ. На нашей многострадальной родинѣ есть еще возможность разоблачить подвиги многочисленныхъ самодержцевъ всея Россіи, если удалиться за предѣлы досягаемости мѣстнаго атамана разбойниковъ, которому ввѣрено спасеніе отечества. Кромѣ того русскія газеты по крайней мѣрѣ тѣ, которыя еще не разорены огромными штрафами, характеризующими нашу „свободу" печати, пользуются сообщеніями своихъ корреспондентовъ, наряду съ оффиціальными. Испанія въ этомъ отношеніи насъ обгоняетъ: единственнымъ источникомъ правды объ анархическихъ актахъ и ихъ участникахъ объявляются, подъ угрозой, кары оффиціальные, источники. Провокаторы, собирающіеся подъ сѣнью полиціи пойти по стопамъ Руля могутъ быть теперь спокойны. Испанское правительство на весь міръ объявляетъ, что оно намѣрено употребить всѣ мѣры, чтобы печать не могла обнаружить роли провокаторовъ. До такого цинизма не дошелъ еще ни одинъ душитель народной свободы, нигдѣ правительство еще не посмѣло издать закона, который бы сказалъ открыто: „мы намѣрены вылавливать революціонеровъ, но не желаемъ жертвовать тѣми изъ нашихъ агентовъ, которые въ своемъ патріотическомъ усердіи зарвались до уголовщины". Законопроэктъ одобренъ сенатомъ но черезъ кортесы окончательно не прошелъ. Испанскія газеты энергически защищаютъ свою свободу и, вѣроятно, добьются смягченія нѣкоторыхъ статей, относящихся къ печати.

Больше всего выиграетъ отъ этого разбойничьяго законопроэкта святая католическая церковь, составляющая истинное проклятіе Испаніи. Клерикалы больше всѣхъ хлопочутъ надъ этимъ законопроэктомъ, тѣмъ болѣе, что онъ ограждаетъ „имущественныя и личныя права" конгрегацій не только отъ прямого посягательства, но и отъ угрозъ, наказывая ихъ каторгой. Послѣдняя играетъ такую видную роль среди наказаній за преступленія, созданныя законопроэктомъ, что онъ получилъ отъ европейской либеральной и радикальной прессы названіе каторжнаго. Испанскіе „народные представители вернули правительству проэктъ, для смягченія нѣкоторыхъ пунктовъ. Очевидно самая идея созданія антианархическихъ законовъ имъ по вкусу и они желаютъ только оградить сторонниковъ порядка, мирныхъ гражданъ отъ ретивости охранителей. Быть можетъ имъ удастся сторговаться съ правительствомъ, но возможно, что правительству надоѣстъ торговаться и въ одинъ прекрасный день мы узнаемъ о распущеніи палаты и назначеніи диктатора. Урокъ Португаліи пройдетъ даромъ, всюду есть еще охотники благодѣтельствовать свою родину по методу Франко, Столыпина и прочихъ обладателей сильной власти.

⁂

Недурную параллель съ Испаніей, реакціонной, клерикальной и монархической составляетъ свободная демократическая республика — Соединенные-Штаты С. А. Тамъ все еще продолжается начатая со времени осенняго кризиса 1907 г. борьба съ безработными. Губернаторы различныхъ штатовъ назначили въ Чикаго конференцію для принятія крайнихъ мѣръ противъ анархистовъ. „Предоставимъ, говорятъ они, разнымъ пустозвонамъ и теоретикамъ доказывать что народныя движенія не создаются руководителями все дѣло въ проклятыхъ анархистахъ, они не только вожаки, но и подстрекатели". Въ первую голову обуздываются анархическая печать, попадаетъ и соціалъдемократической, принявшей на себя защиту рабочихъ. Въ глазахъ перепуганныхъ гражданъ въ всѣхъ бѣдствіяхъ виноваты революціонная литература, и ее поэтому отказываются пересылать по почтѣ.

На конференціи рѣшено высылать всѣхъ „анархистовъ", къ какой бы школѣ они не принадлежали, туда, откуда они пріѣхали. Упоминаніе о школѣ пріобрѣтаетъ новое значеніе, если мы ознакомимся съ резолюціей группы Freie Arbeiter Stimme, порицающей терроръ на томъ основаніи, что онъ мѣшаетъ пропагандѣ. Напрасны протесты мирныхъ анархистовъ противъ насилія: оно всегда было единственнымъ отвѣтомъ на насилія власти, самые крупные террористическіе акты не сопровождались такими жертвами, какъ самыя ничтожныя столкновенія власти съ рабами труда. А что будутъ дѣлать „мирные анархисты", если американская полиція, создастъ фиктивное анархическое покушеніе? Впрочемъ другіе полицейскіе оказываются скромнѣе. На конференціи въ Чикаго они заявили, что американскіе законы достаточны, чтобы задавить анархическое движеніе. По свѣдѣніямъ полиціи въ Чикаго до двадцати тысячъ анархистовъ, и пять тысячъ изъ нихъ работаютъ дѣятельно. Эти цифры достаточно внушительны, чтобы американская буржуазія поступилась „гарантіями свободы", да и рискуетъ она мало: по тѣмъ же полицейскимъ свѣдѣніямъ всѣ анархисты иностранцы, потому то существующіе законы, предоставляющіе иностранцевъ на произволъ перваго попавшагося полицейскаго и оказываются достаточными. Но если всѣ анархисты иностранцы, то и обратно всѣ иностранцы анархисты и потому каждый эмигрантъ оказывается въ лапахъ свободной американской полиціи.

Тѣмъ не менѣе у американской буржуазіи сердце не на мѣстѣ, несмотря на усердіе ея вѣрныхъ слугъ, готовыхъ по первому знаку разорвать всѣхъ до единнаго „анархистовъ", т. е. иностранныхъ рабочихъ. Меръ Сити въ Чикаго предложилъ сформировать партію охотниковъ за черепами, анархическими разумѣется, и взялся самъ стать во главѣ ихъ. Это ли не примѣръ энергіи, предпріимчивости? Но это примѣръ и для рабочихъ Соединыхъ Штатовъ. Ихъ европейскіе собратья хорошо знаютъ этого буржуя, испугавшагося за свой кошелекъ, умѣющаго жестоко, звѣрски мстить не только за свои потери, но и за одинъ только испугъ, ожиданіе потерь, мстить и самимъ „бунтовщикамъ" и ихъ женамъ, родителямъ, друзьямъ, сочувствующимъ. О, онъ умѣетъ мстить, не останавливаясь ни передъ какими жестокостями; онъ напускаетъ на рабочихъ орды пьяныхъ, освирѣпѣлыхъ, забитыхъ въ казармѣ солдатъ, откормленныхъ насчетъ народа полицейскихъ; онъ съ безстыдной наглостью издѣвается надъ безоружными прежде чѣмъ убить ихъ, добиваетъ раненныхъ и если не найдетъ палача, самъ затянетъ петлю на шеѣ взбунтовавшагося раба. Только власть способна защищаться съ такой свирѣпостью, и потому, кто идетъ на борьбу съ властью и капиталомъ долженъ помнить, что ему нечего надѣяться на пощаду, а нужно идти до конца.

⁂

Въ то время какъ американская буржуазія готовилась къ войнѣ съ безработными, послѣдніе отвѣчали мирными манифестаціями. „Не было толпы болѣе мирной и неугрожающей, чѣмъ манифестанты-безработные Нью-Іорка, Чикаго и Филадельфіи", говоритъ корреспондентъ „Temps Nouveaux". Однако за послѣднее время столкновенія съ полиціей учащаются, и если нѣтъ еще массоваго отпора, то отдѣльныя лица и группы пытаются отвѣтить насиліемъ на насиліе.

По свѣдѣніямъ Stade Labor Bureau до іюля 1907 г. число неимѣющихъ мѣста среди организованныхъ рабочихъ Нью-Іорка въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ составляло 16 %. Во второмъ полугодіи 1907 года число безработныхъ въ 92 организаціяхъ на 66.120 чел. составило 22.627 или 34,2 проц., то есть больше трети. Девять десятыхъ безработныхъ не только были безъ мѣста, но и вообще ничего не заработали за это время. Трэдъ-юніоны добиваются сокращенія рабочаго дня спеціально съ цѣлью уменьшить количество безработныхъ сочленовъ. Неорганизованные рабочіе не въ силахъ добиться этого, и число безработныхъ среди нихъ гораздо больше. Въ одномъ Нью-Іоркѣ оно превышаетъ двѣсти тысячъ, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ доходитъ и до трехъ сотъ. Армія голодающихъ пугаетъ предержащія власти своей численностью, и правительство боится, что она почувствуетъ свою силу и пойдетъ громить богатые кварталы.

Двѣсти тысячъ безработныхъ Нью-Іорка должны были собраться по призыву соціалдемократовъ для манифестаціи и обсужденія мѣръ для прекращенія безработицы. Мѣстный коммиссаръ не допустилъ манифестаціи и митинга; устроители, всегда хлопочущіе о законности, пожаловались въ судъ. Рѣшеніе американскаго суда никогда не бываетъ въ пользу рабочихъ. Среди послѣднихъ нашлось двадцать пять тысячъ можетъ быть смутно сознававшихъ, что законъ есть выраженіе воли болѣе сильнаго. Они собрались, несмотря на запрещеніе. Тогда двѣсти вооруженныхъ полицейскихъ набросились на толпу и стали избивать рабочихъ. Во время свалки была брошена бомба. Это дало поводъ полиціи поднять крикъ о террористахъ и заговорщикахъ и потребовать сто тысячъ долларовъ на усиленіе сыска.

Мы не знаемъ еще, чѣмъ отвѣтятъ голодающіе рабочіе на дальнѣйшія нападенія полиціи. Можетъ быть, не дожидаясь новаго похода испуганной краснымъ призракомъ буржуазіи, уставъ напрасно просить хлѣба, они двинутся плотной толпой и возьмутъ его сами; можетъ быть вмѣсто того, чтобы безсильно стонать подъ ударами полицейскихъ, они пойдутъ на тѣхъ, кто спрятался позади этихъ полицейскихъ. Не этого ли опасается американская соціалдемократія, когда въ своемъ агитаціонномъ листкѣ To the Unemployed (Безработный) предлагаетъ рабочимъ свое испытанное средство отъ кризисовъ. Объяснивъ выгоды обобществленія средствъ производства, листокъ заключаетъ: „На первой недѣлѣ ноября 1908 г., если къ тому времени вы не умрете отъ голода,

у васъ будетъ благопріятный случай путемъ подачи голосовъ требовать измѣненія, о которомъ идетъ рѣчь. Въ день избранія президента, если мы всѣ потребуемъ коллективнаго обладанія средствами существованія, мы его получимъ. Мы въ пятьдесятъ разъ сильнѣе тѣхъ, которые захватили въ свое исключительное пользованіе всѣ должности, и они не посмѣютъ намъ отказать. Теперь, когда вы поняли, что вамъ нужно, голосуйте, чтобы получить это. Голосуйте за соціализмъ."

Можно было бы принять этотъ отрывокъ за пародію, если бы она не была адресована къ безработнымъ соціалистами Соединенныхъ Штатовъ и не была одобрена перепечатавшимъ ее „Commun Sense". Интересно, замѣтили ли они сами цинизмъ выраженія—„если къ тому времени вы не умрете съ голоду", понимаютъ ли они, что голосованіемъ нельзя добиться соціализма, потому что буржуазія „осмѣливается" отказать рабочимъ даже въ мелкихъ уступкахъ, когда ей почти ничего не стоитъ немедленно наверстать убытки, причиненные этими уступками, увѣрены ли они, что сила измѣряется числомъ голосовъ. Послѣднее, впрочемъ, врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Два года тому назадъ Жюль Гэдъ взывалъ къ французскимъ рабочимъ: „Не надо стачекъ, граждане, не надо манифестацій,—голосуйте за соціалистовъ, и 29 апрѣля у васъ будетъ восьмичасовый рабочій день." Правда Гэдъ умнѣе своихъ американскихъ товарищей: онъ не собирается отмѣнить подачей голосовъ существующій строй и приглашаетъ подавать голосъ не за соціализмъ, а за соціалистовъ. Но вѣра въ силу голосованія не исчезла и у него. Съ тѣхъ поръ какъ онъ произнесъ свою рѣчь былъ вотированъ законъ о воскресномъ отдыхѣ: трудовой классъ французскаго народа узналъ тогда на собственной спинѣ, что законъ мертвъ, когда нѣтъ силы, которая въ состояніи его примѣнить, и ненуженъ для огражденія интересовъ тѣхъ, которые могутъ охранять ихъ сами.

Но французскіе соціалисты все еще будутъ вѣрить въ силу голосованія, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока полицейскій кулакъ или дубина не выколотятъ эту вѣру изъ нихъ, какъ выколачиваютъ изъ рабочихъ. Они написали на своемъ знамени, что рабочіе сами совершатъ дѣло своего освобожденія, а на практикѣ проповѣдуютъ, какъ Гэдъ, передачу рабочаго дѣла въ руки соціалистовъ. „Ни стачекъ, ни манифестацій!" кричатъ они. Если имъ не удалось уничтожить стачку въ самомъ зародышѣ, или подорвать ея развитіе, они кричатъ: „безъ насилій! не поддавайтесь провокаціи!" Провокаціей они называютъ стремленіе рабочихъ использовать свое превосходство надъ буржуазіей, стремленіе къ несчастью рѣдкое; пока сила на сторонѣ стачечниковъ они ведутъ себя мирно, но какъ только правительство стянуло достаточно войска и полиціи, чтобы быть увѣреннымъ въ побѣдѣ, оно само вызываетъ рабочихъ на борьбу. И когда пролилась кровь рабочихъ, не могущихъ сопротивляться, соціалисты безсильно протестуютъ съ парламентской трибуны.

⁂

Радикальное министерство Клемансо, имѣющее въ своемъ составѣ двухъ соціалистовъ, успѣло за время своего существованія пролить больше рабочей крови, чѣмъ многія консервативныя министерства Франціи. Клемансо особенно облюбовалъ методъ провокаціи, чтобы кровопролитіемъ отбить на будущее время у рабочихъ охоту къ стачкамъ. Любители законности и мирныхъ дѣйствій со своимъ доктринерскимъ кретинизмомъ безсознательно помогаютъ ему въ этомъ. Клемансо не нуждается въ исключительныхъ законахъ противъ рабочихъ. Если Столыпины восхищаютъ буржуазную прессу своей палаческой энергіей, то Клемансо приводитъ ее въ восторгъ своимъ умомъ и ловкостью. Столыпины бьютъ нахрапомъ, Клемансо выбираетъ слабое мѣсто и ухитряется нанести не менѣе тяжелыя раны. Столыпину и его сотрудникамъ приходится лгать и запираться, когда ихъ подвиги выходятъ наружу, Клемансо всегда имѣетъ лазейку, съ помощью которой онъ можетъ скрыться. Оба они ставятъ передъ буржуазіей дилемму: сильная власть намъ, или гибель вамъ, но Клемансо умѣетъ пролить крокодиловы слезы и умыть руки, когда власть перешла предѣлы.

Недавно Клемансо имѣлъ случай продемонстрировать свое лицемѣріе. Въ Дравейлѣ и Виньё близъ Парижа произошло столкновеніе между бастовавшими тамъ рабочими и жандармами. Послѣдніе хотѣли арестовать одного изъ рабочихъ, который скрылся въ залѣ, гдѣ происходило собраніе стачечниковъ. Жандармы были встрѣчены камнями и начали стрѣлять въ толпу. Результатъ — двое убитыхъ и десять раненыхъ со стороны рабочихъ. Похороны убитыхъ послужили поводомъ для демонстрацій, во время которыхъ власти постарались благоразумно отступить.

Парламентъ, конечно, занялся этими событіями. Три депутата произнесли три рѣчи, болѣе или менѣе горячія. На трибуну взошелъ Клемансо. Сперва онъ пролилъ крокодилову слезу по невиннымъ жертвамъ (одинъ семнадцатилѣтній мальчикъ былъ убитъ въ тотъ моментъ, когда онъ въ испугѣ собирался выскочить изъ окна), а затѣмъ объявилъ, что виноваты сами стачечники: никакихъ столкновеній не было, пока они не покушались на свободу труда и... не стали называть предателями штрейкбрехеровъ.

Но столкновеніе между властью и трудомъ все таки произошло. Клемансо обнаруживаетъ безпристрастіе: онъ не можетъ извинить жандарма, пожелавшаго арестовать стачечника безъ предписанія объ арестѣ, признаетъ, что жандармы, стрѣлявшіе въ толпу, не имѣли повода этого дѣлать, но предоставляетъ суду открыть истину: судъ ужъ разберетъ, кто первый началъ. Тутъ же Клемансо обѣщаетъ наградить тѣхъ жандармовъ, которые не стрѣляли. Отвѣчая одному изъ ораторовъ, протестовавшему противъ того, что полицейскіе смотрятъ на стачечниковъ, какъ на злоумышленниковъ, Клемансо снова забываетъ, что поводомъ къ столкновенію послужила попытка къ незаконному аресту и сваливаетъ вину на насилія со стороны рабочихъ.

Въ заключеніе онъ требуетъ довѣрія палаты на томъ основаніи, что правительство преслѣдуетъ свои реформаторскія цѣли въ борьбѣ противъ революціонеровъ и хочетъ провести эти реформы законнымъ, а не революціоннымъ путемъ. Лѣвая аплодируетъ, палата выражаетъ Клемансо свое довѣріе, и побѣду за побѣдой одерживаетъ французское правительство, выѣзжая на одномъ и томъ же конькѣ: либо реформы, либо революція.

Боязнь революціи такъ сильна, что Клемансо можетъ проводить самыя реакціонныя мѣры, расправляться съ рабочимъ движеніемъ, какъ ему заблагоразсудится. Онъ уже заявилъ, что раздавитъ Конфедерацію Труда; одно онъ забылъ, что рабочаго движенія нельзя уничтожить ни „реформами", ни силой.

Н. Г—н.

* * *

**Нью-Іоркъ** *(Соединенные Штаты).* Охватившій всю страну кризисъ не миновалъ и Филадельфіи. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ городахъ американскихъ штатовъ, десятки тысячъ рабочихъ лишены работы, а вмѣстѣ съ ней крова и пищи. Даже тѣ рабочіе, которые еще имѣютъ работу, тоже вынуждены работать при очень плохихъ условіяхъ. Рабочія организаціи на своихъ собраніяхъ все чаще и чаще начинали обсуждать вопросы о борьбѣ съ безработицей. Товарищи анархисты рѣшили созвать рядъ собраній по всѣмъ частямъ города, чтобы сорганизовать демонстрацію изъ всѣхъ безработныхъ...

Первое собраніе было организовано еврейскими и итальянскими анархистами. На собраніи выступили въ качествѣ ораторовъ товарищи Волтеринэ-де-Клеръ и Вайнбергъ. Собраніе оказалось столь многолюднымъ, что домъ, въ которомъ оно происходило, не въ состояніи былъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, и сотни людей остались на улицѣ...

Собравшаяся масса была полна энтузіазма (въ особенности итальянцы, которые составляли большинство собравшихся). Масса прямо изъ зала хотѣла пойти на демонстрацію, несмотря на доводы ораторовъ, что она недостаточно для этого организована и сравнительно немногочисленна. Ораторы доказывали, что демонстрація можетъ достигнуть своей цѣли только въ томъ случѣ, когда въ ней будутъ принимать участіе всѣ безработные города, иначе же она будетъ разогнана и разбита, совершенно не достигнувъ цѣли; но громадное большинство массы было не въ состояніи слушать трезвенныя рѣчи ораторовъ, и изъ зала, гдѣ происходило собраніе она двинулась въ богатые кварталы города. Среди демонстрантовъ развѣвались черныя и красныя знамена. Какъ и предупреждали ораторы, наспѣхъ составленная и плохо организованная демонстрація изъ сравнительно небольшого количества демонстрантовъ не въ состояніи была противоустоять натиску конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ, которые на нихъ набросились еще до того, какъ они успѣли подойти къ условленному мѣсту. Громадное большинство демонстрантовъ разбѣжалось, но нѣкоторые дали отпоръ. Полицейскіе безпощадно избивали мирныхъ демонстрантовъ и постороннюю публику. Въ тотъ день были произведены и аресты. Чтобы хоть отчасти оправдать свои незаконныя дѣйствія, полиція всюду распространяла слухи, что она вынуждена была поступить такимъ образомъ, чтобы спасти городъ отъ нападенія на него „кровожадныхъ анархистовъ". Послѣ демонстраціи реакція начала бушевать съ невиданной до сихъ поръ силой. Произошелъ цѣлый рядъ арестовъ и обысковъ. Среди арестованныхъ были и ораторы митинга Вайнбергъ и Вольтеринэ-де-Клеръ, которыхъ выпустили подъ залогъ въ 1000 доларовъ каждаго. Многіе изъ арестованныхъ получили уже по 5-6 мѣсяцевъ тюрьмы. Полиція запретила собранія не только анархистамъ, но также соціалистамъ, сіонистамъ и т. д.

Такъ же и въ Чикаго рабочіе, изнемогающіе подъ непосильнымъ бременемъ безработицы и нищеты, начали все больше и больше интересоваться революціоннымъ движеніемъ и симпатизировать ему. Полиція, желая отвлечь рабочія массы отъ анархизма, прибѣгла къ излюбленному методу: къ провокаціи. Былъ пущенъ

слухъ во всѣхъ газетахъ, что къ полицiймейстеру Шиппи явился анархистъ Авербахъ съ цѣлью его убить, но герой-полицiймейстеръ успѣлъ предупредить злой умыселъ и самъ убилъ Авербаха. Вся продажная пресса заорала объ анархистахъ, конспирацiяхъ и т. п. Полицiя въ свою очередь постаралась использовать это настроенiе: она запретила всякого рода собранiя, произвела много арестовъ, конфисковала литературу и т. д. Однимъ словомъ, отъ конституцiи не осталось и слѣда. На самомъ же дѣлѣ убитый Авербахъ ни къ анархистамъ, ни къ какимъ либо другимъ „истамъ" не былъ причастенъ; его обманнымъ образомъ привели въ домъ полицiймейстера и тамъ произвели надъ нимъ звѣрскую расправу. Все это было сдѣлано съ единственной цѣлью: возстановить противъ анархистовъ и оттолкнуть отъ анархизма малосознательныя массы.

Въ Нью-Iоркѣ положенiе рабочихъ еще худшее, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ городахъ. Тамъ находится до 200.000 безработныхъ, среди которыхъ царитъ неописуемая нужда и голодъ. Все чаще и чаще бываютъ на почвѣ той же нужды и голода самоубiйства. Кражи стали такимъ обычнымъ явленiемъ, надъ которымъ уже и не задумываются. Многiе совершаютъ кражу съ единственной цѣлью: попасть въ тюрьму. Тамъ возникла организацiя подъ названiемъ „Кризисъ Конференцъ", которая ставитъ себѣ цѣлью поддержку безработныхъ деньгами, безплатными билетами въ дешевой кухнѣ и т. п., но, какъ и всѣ прочiя филантропическiя учрежденiя, она не въ состоянiи удовлетворить нужды многотысячной голодной массы. Вышеупомянутая организацiя хотѣла было организовать демонстрацiю, чтобы просить у штата работы, но полицiя этой демонстрацiи не разрѣшила. Характерно, что нѣкоторые англiйскiе тредъ юнiоны отказались принимать участiе въ этой демонстрацiи изъ опасенiя, что тамъ будутъ выкинуты красные флаги. Заранѣе можно было предвидѣть, что эта затѣя ни къ чему не приведетъ; однако на 28 марта была устроена демонстрацiя безработныхъ. Скверъ, въ которомъ собрались демонстранты былъ переполненъ полицейскими и шпiонами; не успѣли еще двинуться изъ сквера, какъ началось избiенiе, ничѣмъ не отличающееся отъ многочисленныхъ избiенiй въ нашемъ благословенномъ отечествѣ... Звѣрства и издѣвательства полицейскихъ превзошли уже всякую мѣру, и въ самый разгаръ избiенiй была кѣмъ то брошена бомба, которой убитъ нѣмецъ, и тяжело раненъ еврей Зильберштейнъ. Раненнаго Зильберштейна обвинили въ бросанiи бомбы. На допросѣ у него ничего выпытать не удалось. Достовѣрно извѣстно только, что Зильберштейнъ былъ анархистомъ. У него на квартирѣ былъ найденъ членскiй билетъ Анархической Федерацiи Нью-Iорка. Зильберштейнъ вскорѣ скончался, унесши съ собой въ могилу тайну...

Послѣ этого акта представитель республики Рузвельтъ заговорилъ о специальномъ законѣ противъ анархистовъ. Въ своемъ докладѣ конгрессу онъ употребляетъ слѣдующую фразу: самое важное это борьба съ анархiей, анархистъ является врагомъ человѣческаго общества... Рузвельтъ предлагаетъ уничтожить въ Соединенныхъ Штатахъ анархическую печать, безотносительно присылаютъ ли ее извнѣ, или же она печатается внутри страны. Началомъ этихъ мѣропрiятiй является конфискацiя итальянской анархической газеты въ Питерсонѣ и привлеченiе ея редактора Калинита къ суду. Несмотря на всѣ мѣры, которыя принимаются противъ анархистовъ, какъ въ законодательномъ, такъ и въ административномъ порядкѣ, идеи анархизма все больше и больше распространяются среди американскихъ рабочихъ, анархическая же тактика начинаетъ примѣняться все чаще чаще. Въ Авана Кюба на шахтахъ распространялись листки „въ память павшихъ въ Чикаго анархистовъ", администрацiя, конечно, воспретила распространять листки, тогда собравшiеся рабочiе высказали свои симпатiи анархическому движенiю; немедленно же были удалены изъ шахтъ „руководители", на что рабочiе въ свою очередь отвѣтили забастовкой. Въ Кливландѣ происходитъ забастовка трамвайныхъ рабочихъ, гдѣ къ штрейкбрехерамъ примѣняется терроръ, также были случаи и экономическаго террора. Эта стачка является наиболѣе революцiонной и наиболѣе упорной; она еще не закончена, но есть много шансовъ, что она будетъ выиграна. **Н.**

## БИБЛIОГРАФIЯ.

### „Анархистъ" № 2.

Въ новомъ номерѣ „Анархиста" имѣется, между прочимъ, рецензiя на мои статьи, напечатанныя въ №№ 8 и 9 „Буревѣстника". Рецензiя эта состоитъ изъ ряда принципiальныхъ возраженiй, для исчерпывающей оцѣнки которыхъ понадобилась бы большая статья въ виду ихъ несомнѣнной оригинальности и неожиданности появленiя, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на страницахъ анархистскаго органа. Я не считаю необходимымъ писать такую статью, такъ какъ оригинальныя воззрѣнiя т. О. Б., автора рецензiи, раздѣляются въ анархистской средѣ, по всей вѣроятности, лишь редакцiей „Анархиста".

Развѣ не пикантно звучитъ, напр., въ устахъ анархиста-коммуниста слѣдующее положенiе: „Непрерывныя улучшенiя мало того, что возможны въ нѣдрахъ капиталистическаго строя, они даже могутъ быть достигнуты безъ особыхъ революцiонныхъ выступленiй." Убѣжденiе въ возможности непрерывнаго улучшенiя положенiя пролетарiата въ капиталистическомъ строѣ авторъ рецензiи раздѣляетъ съ бернштейнiанцами и махаевцами, но онъ остается уже въ компанiи съ одними лишь бернштейнiанцами, когда берется утверждать, что эти улучшенiя возможны безъ революцiонныхъ выступленiй. Своимъ утвержденiемъ, рѣшительно идущимъ въ разрѣзъ съ анализомъ капиталистическаго строя, произведеннымъ анархистами и революцiонными соцiалистами, авторъ рецензiи пытается доказать призрачность объективныхъ условiй, которыя, по нашему мнѣнiю, толкаютъ пролетарiатъ въ цѣломъ на путь революцiонной борьбы съ существующимъ строемъ. Авторъ рецензiи основываетъ свое утвержденiе на томъ, что возможность непрерывнаго улучшенiя положенiя рабочихъ „намъ ясно показываютъ факты столѣтней профессiональной борьбы".

А по нашему убѣжденiю „факты столѣтней профессiональной борьбы" показываютъ какъ разъ обратное. Положенiе пролетарiата, и притомъ по большей части только организованнаго въ профессiональные союзы, улучшается во всѣхъ почти странахъ лишь послѣ упорной революцiонной борьбы. Улучшенiе это далеко не непрерывно, такъ какъ первый экономическiй кризисъ можетъ уничтожить, и часто дѣйствительно уничтожаетъ результаты долголѣтней борьбы. Еще менѣе есть основанiй думать, что улучшенiе положенiя даже организованнаго пролетарiата можетъ быть безграничнымъ, такъ какъ даже привиллегированныя въ экономическомъ отношенiи страны, какъ напр. Англiя, гдѣ тредъ-юнiоны мирнымъ путемъ добивались въ теченiе десятилѣтiй частичныхъ уступокъ, теряютъ съ теченiемъ времени свое исключительное положенiе на мiровомъ рынкѣ, и капиталисты этихъ странъ объединяются въ союзы, которые не только противятся дальнѣйшему улучшенiю положенiя пролетарiата, но еще стремятся отнять у рабочихъ [illegible] прежнiя завоеванiя. Странно, право, что такiя истины приходится внушать людямъ, пишущимъ въ анархистскомъ органѣ!

Въ статьѣ того же автора „Профессiонализмъ, синдикализмъ и Анархизмъ" мы встрѣчаемъ не менѣе неожиданныя мысли. Такъ напр. оказывается, что для того, чтобы народныя массы освободились отъ современной рабской психологiи, недостаточно накаленной атмосферы перманентной революцiи, предшествующей соцiальному перевороту, недостаточно уничтоженiя частной собственности и государства. Не [illegible] ихъ факторахъ видитъ авторъ залогъ нарожденiя новаго человѣка. Для того, чтобы перевоспитать, или, какъ выражается авторъ, „пересоздать" массы, ихъ нужно провести въ будущiй строй черезъ воспитательныя анархистскiя (замѣтьте: чисто анархистскiя, „партiйныя") организацiи. Авторъ совершенно не задается вопросомъ о возможности такого предпрiятiя; впрочемъ, онъ обѣщаетъ специальную статью объ этомъ вопросѣ.

Оказывается, что т. О. Б. вполнѣ правъ, когда лично за себя протестуетъ противъ обвиненiя, выставленнаго мною, правда, не противъ него, а противъ товарищей антисиндикалистовъ вообще, въ излишнемъ довѣрiи къ бунтовскому духу и коммунистическимъ стремленiямъ, заложеннымъ въ массахъ. Я въ своихъ статьяхъ указывалъ, что, хотя коммунистическiй анархизмъ и покоится на убѣжденiи въ силѣ чувства солидарности и противоначальническихъ стремленiй, заложенныхъ даже въ неорганизованныхъ народныхъ массахъ,—все же нельзя строить всю свою тактику на одномъ этомъ убѣжденiи, какъ это дѣлаютъ безначальцы, чернознаменцы и пр.; я указывалъ на необходимость широкой, безпартiйной, революцiонной организацiи народныхъ массъ.

Но когда я писалъ свои статьи, № 2 „Анархиста" еще не вышелъ въ свѣтъ, и я не предчувствовалъ тогда, „что день грядущiй мнѣ готовитъ". Каюсь, я не предугадалъ, что могутъ быть анархисты-антисиндикалисты, отношенiе которыхъ не только къ синдицированнымъ рабочимъ, которыхъ они уже считаютъ безповоротно потерянными для революцiи, но и къ неорганизованнымъ пролетарскимъ массамъ исполнено такого безнадежнаго пессимизма.

Не предчувствовалъ я также и того, что найдется анархистъ-коммунистъ, который отроетъ во мнѣ пережитки марксизма лишь потому, что я, идя по стопамъ Бакунина и Кропоткина, искалъ объективныхъ условiй, толкающихъ народныя трудовыя массы къ тактикѣ коммунистическаго анархизма. **М. Ракинскiй.**

Редакцiя сообщаетъ, что Максимъ Дубинскiй выступилъ изъ состава редакцiи и группы „Буревѣстникъ".

Письма и деньги просятъ направлять въ
Paris. Rédaction du « Libertaire » rue d'Orsel 15,
или Genève. L. Avenir 24. Avenue Soret 24.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись
для „Буревѣстника"
Типографiя „Буревѣстника".